ПИОНЕР 12

1980

В одиннадцатом номере 1980 года журнал «Пионер» объявил Всесоюзный пионерский сбор-поиск, посвященный XXVI съезду КПСС. Мы пригласили участвовать в нем всех ребят — читателей журнала, пап и мам, дедушек и бабушек. И вот пришли письма. Сегодня слово первым участникам сбора — ребятам из города Экибастуза, Днепропетровска и Москвы. Прислали они и первые экспонаты для нашего музея семейных реликвий.

ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛИ МЫ

Под окнами дома моего дедушки растут деревья. Они весело шелестят листьями, когда я приезжаю к нему в гости... Почему я начала рассказывать о деревьях? Сейчас поймете. Дедушка живет в городе Экибастузе Казахской ССР, который раскинулся в степи, где сплошные солончаки, трава — сухая и жилистая, соленые озера да сильный ветер. А деревья — украшение города — посадили мой дедушка и его товарищи. Посадили и долго выхаживали...

Мой дедушка — Николай Иванович Петренко — главный маркшейдер города Экибастуза. Кто такой маркшейдер? Человек этой профессии вместе с теодолитом — специальным измерительным прибором — приходит вслед за геологами на необжитую землю. С взмахов его руки начинают зарождаться города, села, дороги, шахты, предприятия. Маркшейдер измеряет и вычисляет: как ляжет улица, а как будет стоять завод. Сохранилась фотография: дедушка — у теодолита, а его товарищи вбивают в дикую степную землю первый колышек. Города еще нет. Но он будет. И назовут его Экибастуз...

До Экибастуза дедушка работал на строительстве первых участков магистрали БАМа, на стройках Узбекистана. Пришлось ему и воевать. Но не винтовка стала его оружием, а все тот же теодолит. Он строил прифронтовую железную

Фотография 1948 года.
Маркшейдер Николай Иванович Петренко.

На этой странице — первые экспонаты музея Славы наших семей, который открывает «Пионер». Боевые и трудовые награды Арона Вульфовича Дубровского — дедушки Валеры Дановича. Фотография 1944 года — на ней партизаны в освобожденном Смоленске. В центре — Сергей Владимирович Гришин — дедушка Лены Гришиной. Кусок угля, который добывают в Экибастузе — городе, который начинал строить Николай Иванович Петренко — дедушка Тани Лариной.

Отец и сын. Владимир Николаевич и Сергей Владимирович Гришины после войны.

дорогу Саратов — Сталинград и другие. Работал под обстрелом, бомбежками...

А в казахстанскую степь строить Экибастуз дедушка приехал в 1948 году. Голая степь, ветер, а под ногами — несметные богатства — угольные залежи. Приехал он не один, а с семьей: женой — моей бабушкой Маргаритой Александровной и годовалой дочкой.

В строящийся город, на первый угольный разрез ехала и ехала молодежь. Дедушку и еще нескольких «старожилов» попросили встречать их, рассказывать о стройке. И дедушка отлично справился с этой задачей! Совсем недавно он встретился с Героем Социалистического Труда Зинаидой Федотовной Илюшкиной, которая шестнадцатилетней девушкой в 1949 году приехала в Экибастуз. Сели, стали вспоминать трудности и радости прошлых лет. Зинаида Федотовна говорит: «Николай Иванович, знаете почему я осталась в Экибастузе? Ведь я сначала и степи испугалась, и ветра, и быта неустроенного. Ваши «лекции» помогли, спасли. Все вы!» Вот такой силы горел в сердце дедушки огонь, такой была вера в будущий город и бесконечные составы с добытым углем.

Приехали в Экибастуз и родители моей бабушки — Александр Иванович и Елизавета Михайловна Поповы.

Вот так и зажили все вместе, большой семьей. Всей семьей строили город.

Рос город. И дети дедушкины подросли. Сын Александр выучился на шофера. Дочь Галина — преподаватель в музыкальной школе. А мама моя — Наталья — инженер-строитель...

Я тоже, как дедушка, посадила под своим окном деревце. Каждый день поливаю его, переживаю, что степной ветер может высушить слабенькие, хрупкие пока веточки. Но я думаю, деревце мое обязательно вырастет. И еще больше станет деревьев в казахстанской степи.

Таня ЛАРИНА,
г. Павлодар Казахской ССР.

ОТ ПРАДЕДА ДО ПРАВНУКА

Прочитав документальное повествование «Человек приходит из Детства» в журнале «Пионер», я, пожалуй, впервые в жизни заду-

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ДЕКАБРЬ 12
Москва 1980 г.
Издательство «Правда»

малась над тем, что история страны, как из кирпичиков, складывается из судеб отдельных людей. Это заставило меня по-другому взглянуть на историю и родословную моей семьи. Более пристально, что ли.

Моего прадедушку Владимира Николаевича Гришина я, конечно, не знала. Но мой папа и дедушка иногда рассказывают о нем. Когда в деревне Фомино Смоленской области, где он жил, образовался колхоз, Владимир Николаевич первым написал туда заявление. Он был сапожником, но умел делать любую крестьянскую работу, вообще очень умел и любил трудиться. За это его уважали односельчане. И когда он стал колхозником, его примеру последовали очень многие.

Во время Великой Отечественной войны в избе Владимира Николаевича был партизанский штаб. Много раз рисковал он жизнью, собирая у себя в доме партизанских командиров.

Мой прадед, даже выйдя на пенсию, не перестал трудиться. Все отговаривали его: мол, в таком возрасте не работать надо — отдыхать. Но и в восемьдесят пять лет он продолжал косить, заниматься разной крестьянской работой. Он умер прямо в поле, во время сенокоса.

Его сын — мой дедушка — был школьным учителем. А во время войны стал партизанским командиром.

Иногда дедушка рассказывает мне про войну, и тогда я слушаю, открыв рот. Однажды он рассказал мне про Бовкинскую блокаду.

Бовки — это деревня в Смоленской области. В лесу около этой деревни фашисты окружили партизанский полк, которым командовал дедушка. Они бросили в бой отборные части 4-й армии с артиллерией, танками, авиацией. Но силой не смогли одолеть партизан, решили взять полк измором.

Около двадцати дней, запертые в маленьком лесу, стойко держались партизаны. Вместе с полком в лесу оказалось около двадцати тысяч беженцев из окрестных деревень — попади они в руки фашистам, всем грозил бы расстрел.

Костров зажигать было нельзя — на огонь тут же летела вражеская авиация. Патроны у партизан кончались, и дедушка решил пойти на хитрость. Среди беженцев один старик знал дорогу через болото, которое оккупанты считали непроходимым и откуда совершенно не ждали удара. Часть партизан ударила с тыла, а часть — в лоб. Тысячеголосый крик «ура!» был так яростен и неожидан, что фашисты решили: наступают регулярные части Красной Армии. Блокаду удалось прорвать.

За эти и другие подвиги моему дедушке Сергею Владимировичу Гришину присвоили звание Героя Советского Союза. А было ему тогда всего двадцать шесть лет. После войны дедушка стал кандидатом военных наук и сейчас преподает в Военной академии имени М. В. Фрунзе.

С моей бабушкой, Верой Петровной, он познакомился в партизанском отряде. По заданию ЦК комсомола ее забросили в тыл врага. Глядя сегодня на мою добрую и такую домашнюю бабушку, я даже не могу поверить, что во время войны она была отважной разведчицей, ходила в оккупированный фашистами Смоленск и совершила немало подвигов.

У моего папы Николая Сергеевича Гришина профессия совсем мирная: он работает в школе учителем труда. Он хочет, чтобы было как можно меньше «безруких» людей, чтобы любой человек мог делать всякие мелочи по дому.

Этим летом он вместе со своими учениками ездил помогать совхозу собирать фрукты. И меня тоже взял с собой. Иногда в жару ребята отлынивали от работы. Папа никого не ругал — он сам еще азартней принимался за дело. И ребятам становилось неловко канючить или лениться.

Многому можно научиться у моей семьи. И мне очень хочется, чтобы и моя биография вписалась в историю страны.

Лена ГРИШИНА,
6-й класс, школа № 327 г. Москвы.

НАШ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ

Мои папа, мама и дядя Володя работают на Днепропетровском металлургическом заводе имени Г. И. Петровского. Мама пришла на завод, когда ей еще не было восемнадцати лет. Сначала работала в заводской лаборатории, училась в вечернем институте. Сейчас она — инженер. Папа — тоже инженер, а дядя Володя — мастер в цехе водоснабжения. Всех их привел на завод мой дед.

Вся жизнь деда была связана с заводом. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он начал работать каталем. Каталь — это рабочий, который убирает шлак и мусор, остающийся после выпуска металла из домны. Работа очень грязная и тяжелая. Но дед упорно учился у старых мастеров, работавших еще с 1897 года, со дня пуска завода, и вскоре он стал горновым. Работа горнового более сложная и ответственная — он выпускает чугун из домны. Потом дед стал мастером, а потом и начальником смены.

Во время войны дед воевал артиллеристом. Был тяжело ранен в обе ноги. Из госпиталя, получив инвалидность, вернулся на родной завод, который в то время находился в Магнитогорске в эвакуации. Когда завод возвратился в Днепропетровск, дед помогал его восстанавливать, участвовал в пуске всех печей. Врачи говорили, что ноги его не заживут, что всю жизнь ему придется ходить на костылях, но дед оставил костыли и разрабатывал ноги до тех пор, пока раны не затянулись.

У деда было много наград. Ордена, медали, «Похвальный лист»... Все это наши семейные реликвии. Они очень дороги нам, и я часто рассматриваю их.

Валера ДАНОВИЧ,
г. Днепропетровск.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Наташа КАШКИНА живет в Воронеже, учится в шестом классе школы № 71. Вместе со всеми ребятами ждет она, когда придет веселый новогодний праздник. Наташа думает, что это будет так:

Новый год

Бьют часы двенадцать,
На дворе темно.
Слышишь, кто-то тихо
Постучал в окно?
Скрипнула калитка...
Это Новый год!
Он с собою сказку
За руку ведет!
В сказке той прекрасной
Тысячи чудес:
Царь Кощей ужасный
И волшебный лес.
Новый год на елке
Лампочки зажжет
И тебя тихонько
В сказку уведет.

❄

Лина ВОЛОВИЧ сочиняет стихи со второго класса. «День рождения у меня в январе, и поэтому я больше всего люблю сочинять стихи о зиме», — написала нам Лина. Учится она в седьмом классе, живет в Крыму, в селе Садовое.

Первый снег

На поляну снег ложится —
И поляна серебрится.
Как пуховые подушки,
Снег ложится на опушки.
Кружева висят на клене,
Ель покрыта кисеей.
Снег искрится на иголках,
Снег кружится надо мной.

«Вы знаете, что самое красивое можно увидеть зимой в нашем городе Мончегорске? — спрашивает в своем письме шестиклассник Валера ЕФИМОВ.— Это северное сияние. Я о нем даже стихотворение сочинил».

Северное сияние

Посмотри:
Полярное сияние
В переливах разноцветно-сказочных.
Посмотри:
Сиреневое переливается в красное...
Все небо красным стало...
А сейчас?
Зеленый переливается в сиреневый...
Словно какой-то неизвестный волшебник
Написал на темном фоне
Эту удивительную картину,
Необычайно красивую.
Посмотри —
И ты никогда не забудешь,
Как красиво полярное сияние.

❄

Стихотворение о лыжном походе сочинила Лена МЕДНИКОВА, первоклассница из Москвы.

Поход

В поход пошли на лыжах мы,
Катались мы до темной ночи.
А лыжи взяли напрокат.
И отдохнули славно очень.

❄

В теплом городе Тбилиси северного сияния, конечно, не увидишь. Там и снег-то бывает редко! Зато для ребят это настоящий праздник. Вот как написал об этом Дима НОВАК, ученик шестого класса школы № 128 города Тбилиси.

* * *

Весь Тбилиси снегом замело,
Даже небо снегом занесло.
Даже провода — белые,
Будто их из ваты сделали.

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

Юрий КРУТОГОРОВ

Нить ее жизни

Фотографии П. АСАУЛЬЧЕНКО.

Глава, в которой говорится о самом любимом предмете Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР, депутата Верховного Совета РСФСР ткачихи Валентины Николаевны ПЛЕТНЕВОЙ

По поручению журнала «Пионер» к Валентине Николаевне пришли с цветами костромские юнкоры Сережа Белов, Ваня Шаронов и Вера Медведева.

— Здравствуйте. Мы узнали, что за одну пятилетку вы выполнили тринадцать годовых заданий. Поздравляем!

— Спасибо. Да вы располагайтесь, располагайтесь.

— Валентина Николаевна, можно узнать, сколько ж за это время вы сделали льняной ткани?

— Шестьсот пятнадцать тысяч метров.

— Одна?

— Так я ж на двенадцати станках работала!

— Трудно?

— Да как сказать... Нелегко, конечно. Ну, а вам легко ли на пятерки учиться?

— Если по любимому предмету, тогда поднажмешь.

— То-то и оно. Кстати говоря, у меня в жизни нет нелюбимых предметов. Попеть люблю. «Барыню» сплясать. Вот сад у меня на участке — только б им и занималась. И все ж самый любимый предмет — ткачество. Это правда, без хвастовства говорю. Привыкла, люблю. Глядишь, как ткань идет, — просто удовольствие испытываешь...

— И никогда не хотелось перейти на другую работу?

— Не уважаю «летунов». По-моему, так: выбрал дело — служи ему. До конца служи. Так я думаю...

— А как вы стали ткачихой? Кто научил?

— Долгий это разговор.

— А мы не спешим.

— Вот дотошные вы какие. Да куда от вас денешься...

И начала рассказывать...

Глава, в которой рассказывается, как лен били, колотили, во все чины производили, а потом на престол посадили

Мама рано умерла. От отца остались две фронтовые открытки да похоронка. Растила Валю бабушка Екатерина Митрофановна. Она научила девочку корову доить, траву

Секундами измеряет ткачиха Плетнева каждое свое движение.

косить, платье шить. Военное время проглотило детство, и Валя помнит себя всегда во взрослых заботах. Правда, бывало, что и заупрямится: устала очень, а надо на поле идти, лен жать. Бабушка сердилась:

— Трудно ей! А другому легко? Ему, другому-то, тоже трудно.

Что за руки были у бабушки! Ни одной минуты покоя не знали. Не умели отдыхать.

Вот лен собирает. Вот колотит. Вот расчесывает его, как пышную девичью косу. Первый разбор льна — лен-сланец. Второй разбор — моченец. И вот уже волокно мягкое, тонкое: лен-плаун.

Работает бабушка, приговаривает, еще от своей бабки слышала эти слова:

— Били меня, колотили, во все чины производили, на престол посадили.

Вот как уважают лен костромские крестьяне...

Окончила Валя семь классов, Екатерина Митрофановна внучку собирает в город:

— Езжай, подружка, учись на ткачиху.

Приехала Валя в Кострому.

— Как до льнокомбината добраться?

По улице Советской поедешь, потом по проспекту Текстильщиков. Аккурат и будет тебе комбинат.

Знала ли она тогда, что этот маршрут станет в ее жизни единственным и самым главным, путеводной ее нитью?

День тот был осенний, пасмурный, небо висело над городом влажной, небеленой льняной простыней. И на душе было не очень весело: как-то оно все сложится?

Пришло время, девочек, поступивших в ФЗУ при льнокомбинате, повели в ткацкий цех. Помещение огромное, шум такой, словно перед самым носом грохочет порожний товарняк.

Только Валя и услышала, как первая ее учительница, ткачиха Анна Федоровна Пучкова, крикнула:

— Присма-атривайтесь...

Валя присматривается. Цеху нет конца и края. Станки интересные — так и ходят в них лопасти, так и ходят. Не станки — живые пряхи. Только куда пряхе с таким станком тягаться? Он точно запряг себе в подмогу тысячу веретен. Все нити из веретен повдоль тянутся, а одна за белкой-челноком поперек них носится. Глазом не уследишь, как эти нити переплетаются чудным образом.

Валя потом рассказывала, каким ей цех тогда показался, а Анна Федоровна смеялась:

— У нас это по-другому называется. Нити повдоль — основа. Нить поперечная, что за челноком бегает, — уток. Переплетает же их, плотно прибивает друг к дружке механизм по имени бердо. Да усвоишь еще, времени впереди много.

— А сколько учиться? — спрашивает Валя.

— Всю жизнь...

Глава, в которой рассказывается, как Валентина Плетнева училась быть мастерицей, и про то, почему солнце ходит по небу одной дорожкой

И Валя начала учиться.

Анна Федоровна Пучкова чем-то бабушку напоминала: такая же обстоятельная, дотошная, сердечная. Про ткацкие станки говорила как о существах живых.

— Это шестьдесят пятый? С норовом. Покапризничать, чертяка, любит. Но заправь его хорошо, смажь, на челночке всякую шероховатость сними наждачной бумагой — всю душу отдаст. Честное слово! Семьдесят шестой? Трудяга, каких поискать. Ненасытный, только подавай ему пряжу. Семьдесят третий — тот с хитрецой. Не любит, чтобы на нитях основы были узелки или утолщения. Всякий станок не любит, но этот особенно...

И Валя, правда, начинала относиться к станкам, словно к существам, которые понимают и слышат ее.

Так Анна Федоровна передавала девочкам свой опыт. Мастерство ее, словно по сообщающимся сосудам, как живая влага, переливалось от одного человека к другому. Через глаза, уши, сердце. И скоро Валентина стала работать на четырех, а потом и на шести станках. Управилась! Шесть станков — это, как говорят ткачихи, типовая норма. Но Плетнева не успокоилась. Еще, говорит, дайте. Шутка ли? С шестью бы справиться, а ей неймется. Ведь дело-то не простое. В один заправь шпули с уточной ниткой, с другого сними тепленький рулон материи, на третьем челнок застопорился. То носился, как угорелый, и вдруг — на тебе: встал.

Особенно обрывы нитей донимают. Просто напасть какая-то. С барабана на вал тянется тысяча нитей основы. Какая-нибудь ниточка, что послабее, возьмет и порвется. Ниточка эта протянута через ламельку, как через ушко иг-

Валентина Николаевна показывает свой цех школьницам. Может, кто-то из них найдет здесь и свою дорогу в жизни?..

лы. Обрыв — ламелька соскакивает вниз, станок отключается.

И всюду поспеть надо. Руки так и мелькают. Ноги на месте не стоят. Туда-сюда. Точно с челноком напрегонки. Трудно.

А Анна Федоровна подбадривает:

— Ох, нелегкая у нас, ткачих, дорожка. Так ведь и солнце все одним путем по небу ходит. А не устает. Почему? Потому что светит. Вот и мы людям светить должны, иначе какая жизнь...

Пришло время — начала Валентина Плетнева работать на двенадцати станках.

Глава, в которой секретарь партийной организации ткацкого производства ткачиха Екатерина Григорьевна Шахунова рассказывает о своей подруге

— Пришла к нам в цех молоденькая девушка. Сразу после школы. Валя Дедушева. Еще за партой услышала она о Плетневой. И в сочинении написала: «Хочу быть не просто ткачихой, а такой, как Плетнева».

Наша Валентина к тому времени стала уже Героем Социалистического Труда. Вот две Валентины встретились. Старшая стала учить младшую. Это в характере Плетневой: что умеет сама — дать другому. Разве не этому учила ее Анна Федоровна? Теперь Дедушева сама мастерица каких поискать. Не так давно привела в цех младшую свою сестренку: «Пусть Валентина Николаевна ее тоже обучит...» Вот так.

Наша Валечка — депутат Верховного Совета РСФСР, член комиссии по делам молодежи. И, выступая там, добивалась важного решения: каждому пареньку и девушке, что пришли на производство со школьной парты, непременно прикреплять умного и знающего наставника. И ее услышали повсюду.

Мы любим нашу Валентину. Скольким людям она помогла как депутат! Ветерану войны помогла получить квартиру. Настояла, чтобы в Костроме построили новую больницу. Добилась, чтобы город чище убирали.

А о том, как работает, лучше всего говорит письмо, которое прислал ей Леонид Ильич Брежнев: «Дорогая Валентина Николаевна! Сердечно поздравляю Вас с замечательным достижением — выполнением к годовщине со дня открытия XXV съезда КПСС трех личных годовых заданий...»

Это было несколько лет назад. Сегодня Валя Плетнева выполнила тринадцать годовых норм! Мы безмерно ею гордимся.

Глава, в которой рассказывается, как ткачиха Плетнева превратила свой станок в «машину времени» и оказалась почти в 1990 году

Волшебный клубок, разматываясь и разматываясь, приводит сказочного героя куда тому пожелается.

Тридцать три года идет за своей льняной нитью, путеводной нитью своей жизни, Валентина Николаевна Плетнева, и та привела ее в будущее. Ее станки превратились в «машину времени».

Трудно вообразить, как за пятилетку сделать тринадцать годовых норм. Тут есть что-то от волшебства, точно Плетнева имеет дело не с льняной, а с той, сказочной, нитью.

Нет, все обыкновенно. Никаких чудес.

Рабочая смена Плетневой самая обычная. Восемь часов. Только в том-то и суть, как смотреть на эти часы. Плетнева рассматривает их как бы с помощью особого микроскопа, когда зримо видятся так часто ускользающие от нас мельчайшие частицы времени — секунды. Вот в чем тайна ее успеха.

Секундами измеряет ткачиха Плетнева каждое свое движение.

Есть даже карта, которая показывает, как и по какому маршруту Валентина Николаевна обходит все свои станки. Между прочим, в комбинатском профтехучилище эту карту изучают так, как школьники изучают карту географическую.

Ни одного лишнего шага. Ни одного неэкономного жеста.

Порвалась нить основы. Ее надо связать, пропустить через ламельку. На эту операцию по норме отпущено 28 секунд. Плетнева справляется за 18 секунд. Видите, десять секунд «в уме». Зарядить в станок шпули с уточной нитью надо за шесть секунд. А Валентина Плетнева втрое быстрее это делает.

И так на каждой операции, а их множество. Вот какая удивительная сноровка. Она не с часами — с секундомером соревнуется!

Секунды, секунды... Вот мелочь-то, скажет иной. А вот и не мелочь, когда имеешь дело с двенадцатью станками. И экономисты тоже сказали — не мелочь. Сэкономленные секундочки дают Плетневой за одну смену... три с половиной часа высвобожденного времени. Почти полсмены.

И так каждый день. А за пятилетку вон сколько набежало! «Машина времени» доставила ткачиху Плетневу почти в 1990 год.

Глава, в которой костромские юнкоры задают Валентине Николаевне еще один вопрос

— Скажите, если бы вы начали с самого начала и вам было бы, как после войны, пятнадцать лет — какой путь избрали?

— А тот же самый. Дорожка, верно, нелегкая. Но нет мне ее дороже. Улица Советская, проспект Текстильщиков. Я так, ребята, думаю: на каком месте человек бы ни был, он всегда должен хоть чуть-чуть светить людям. Улыбкой. Работой. Душой.

Ну вот, вроде все сказала. Отдохну маленько. Завтра к шести утра на смену выходить...

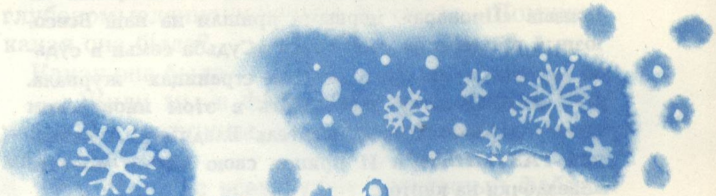
Новогодние встречи

Самый-самый любимый праздник — Новый год. И хотя ты стал большой, не веришь в сказки и в душе подсмеиваешься над младшей сестренкой, которая, замерев, ждет Деда Мороза, все-таки — признайся честно — веришь в удивительную встречу, необыкновенный подарок, необычное происшествие, ожидающее тебя именно под Новый год.

Все чудеса «Пионеру», конечно, не под силу. Но вот некоторые... Скажем, удивительные встречи! Разве не мечтал ты иногда о таком: «Иду я себе по улице, а навстречу... Олег Попов. Тут-то я расхрабрюсь и спрошу его...» Ну, что ж, под Новый год все возможно. В этом номере тебя ожидают удивительные встречи с популярными и любимыми артистами, писателями, спортсменами. Можно задать любой вопрос. Но условие — только один. Итак...

И причем совершенно серьезно...

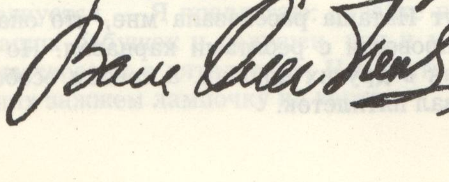
«Мой друг говорит, что легче всего в цирке клоунам... Вышел на арену, упал пару раз, перекувыркнулся, и все смеются. Но мне что-то не верится. Однажды по телевизору показывали Олега Попова, как он пришел после представления к себе в комнату... Он был таким усталым, что даже не сразу стал разгримировываться».

Гена Зайцев, г. Кишинев.

ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ ПОПОВ, народный артист СССР:

Совершенно с твоим другом не согласен. Клоун должен быть одновременно и жонглером, и фокусником, и акробатом... И уметь все это делать лучше тех, кого он изображает. Как ты думаешь, легко это? Не зря же клоун готовится и репетирует всегда больше других артистов цирка.

Чарли Чаплин кажется на экране смешным и неуклюжим, а на самом деле за этим стоит огромное мастерство. Смешить людей совсем непросто. Порой над одной маленькой шуткой думаешь несколько месяцев, и причем совершенно серьезно.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Ребята! Только что вы прочитали рассказы ваших товарищей, которые раньше всех откликнулись на призыв «Пионера», первыми пришли на наш Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны» — он проходит на страницах журнала.

— Я тоже хочу участвовать в этом пионерском сборе,— позвонил нам писатель Владимир Лукьянович РАЗУМНЕВИЧ. И принес свою новую повесть «Звездочки на карте».

Мы обрадовались: мы и взрослых приглашаем на сбор — писателей, рабочих, людей всех профессий — родителей, учителей и старших друзей наших читателей, всех друзей журнала «Пионер».

Член редколлегии «Пионера», лауреат Государственной премии РСФСР, писательница Мария Павловна Прилежаева тоже участвует в нашем сборе-поиске. Вот что она сказала о повести Владимира Лукьяновича РАЗУМНЕВИЧА, обращаясь к вам, наши читатели:

— Владимир Лукьянович РАЗУМНЕВИЧ ведет с вами, ребята, разговор о том, что непременно должны знать все дети нашей страны,— о героических традициях советских людей. Смысл и суть пятилеток, их значение для развития нашего социалистического общества писатель раскрывает на конкретных примерах нашей советской истории, в которой принимали участие ваши бабушки и дедушки, ваши отцы и матери.

Через отдельные человеческие судьбы писатель показывает значительные события трудовой биографии Советского государства. И с первых же страниц пробуждает в нас, как и в героях своей повести, желание отправиться на поиск новых исторических материалов о нынешней и прошлых пятилетках, узнавать еще и еще, «какие пятилетки были и какие люди в них жили».

Эта повесть писателя — патриотическая игра, с помощью которой вы, ребята, откроете для себя немало интересного и поучительного, научитесь по-настоящему дорожить достижениями нашего народа, загоритесь стремлением жить с пользой для общества.

Я желаю успеха всем участникам Всесоюзного пионерского сбора-поиска «Судьба семьи в судьбе страны» — и пионерам и взрослым.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ,
лауреат Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей

Звёздочки на карте

РАССКАЗЫ-БЫЛИ ПРО ТО, КАКИЕ ПЯТИЛЕТКИ БЫЛИ

Вместо предисловия

Наташа становится вожатой октябрят

Наташа пришла из школы домой веселая.

— Я, папа, теперь вожатая у октябрят!

Глаза у Наташи хитрые. Видно, задумала что-то. Всегда у нее какие-то тайны.

— Знаешь ли ты, папа,— таинственно спрашивает Наташа,— куда уходят годы?

Я пожал плечами.

— Не знаешь. А вот Митя Востриков знает.

— Он кто — профессор, твой Митя?

— Он в первом «Б» учится. Митя сказал: все наши годы уходят в пятилетки.

— Умный он,— говорю я дочке,— Митя Востриков.

И тут Наташа рассказала мне, что она задумала провести с ребятами карнавал. Но не такой, как в других школах, а совсем особенный. Карнавал пятилеток.

Сколько знаю Наташу, никогда от задуманного она не отступится.

И вот мы вместе с ней отправляемся на новогодний карнавал к октябрятам.

Посредине комнаты стоит елка. Разноцветные лампочки прячутся в зелени веток и весело перемигиваются в такт музыке.

Космонавт-первоклассник кружится в танце с маленькой поварихой в белом колпачке. Мальчик в кителе железнодорожника танцует с девочкой в кожаной куртке и красной косынке, а юркий курносый метростроевец в желтой каске с буквой «М» подпрыгивает рядом с медсестрой в военной форме. И кажется, будто ее сумка с красным крестом больше, чем она сама.

Но вот оттеснили всех два юных моряка. Вихрем влетели в комнату и затопали ногами так, что лампочки на елке вздрогнули. Дорогу легендарному «Яблочку»!

Потом октябренок в шлеме танкиста читал стихотворение про День Победы. И все мамы и папы вместе с октябрятами пели песню комсомольцев-добровольцев, у которых беспокойные сердца...

Наташа тихонько, чтобы не мешать празднику, спросила меня:

— Папа, как думаешь, лампочки на елке волшебные? — И сама себе ответила: — Они, папа, волшебные. Ты увидишь сейчас, они переберутся на карту.

Тут и вправду случилось чудо. Неожиданно свет в зале погас, лампочки на елке, как нам показалось, исчезли. И засверкали ярким пламенем на карте. На географической карте, которая висела на стене, а мы ее раньше не заметили. Мы на елку смотрели.

Наташа храбро вышла вперед и рассказала октябрятам, как вскоре после гражданской войны в Москве состоялся VIII Всероссийский съезд Советов. На этом съезде Владимир Ильич Ленин говорил о будущем Советской России. Он сказал, что без электрификации не выбраться нашей стране из отсталости, не стать могучей державой. На стене тогда тоже висела огромная карта. Стоило к ней прикоснуться указкой, и вмиг вспыхивал огонек. Как звездочка на небе. Ленин называл города и реки, где в скором времени будут построены электростанции, и алые звездочки загорались на карте.

— И на нашей карте сейчас горят лампочки, — сказала Наташа. — Там, где уже построены электростанции. И вы все видите, как их много, и всем ясно, что мечта Ленина сбылась. Она сбылась потому, что хорошо работали во всех пятилетках наши бабушки и дедушки, папы и мамы. И старшие всех других девочек и мальчиков нашей страны. И вот я предлагаю, — голос Наташин дрогнул, и я почувствовал, как она волнуется. — Я предлагаю: давайте расспросим наших бабушек и дедушек, пап и мам, как они участвовали в пятилетках. И в честь каждого из них зажжем лампочку на карте.

— Папа! Ты в каком году родился? — спросила Наташа.

— В тысяча девятьсот двадцать восьмом, — ответил я.

— Ты, папа, ровесник первой пятилетки, — глубокомысленно заметила Наташа. — Помнишь, какая она была?

Какая она была?..

— Жили мы в фабричном общежитии. Папа работал плотником на ткацкой фабрике, мама — ткачихой.

Чуть свет нас всех будил протяжный фабричный гудок. Мама торопливо повязывала красную косынку, папа нахлобучивал до самых бровей рабочую кепку с черным слюдяным козырьком. И они уходили на фабрику. Меня брали с собой, чтобы по дороге оставить в детском саду. На обратном пути, после работы, они заходили за мной, и мы вместе возвращались домой.

В карманах брезентовой папиной тужурки я всякий раз находил сладкий леденец. В папиных карманах всегда застревали опилки, и леденцы вкусно пахли сосной.

А мама однажды принесла мне в подарок матросскую бескозырку и рубаху с большим откидным воротником — матроску. На бескозырке сияло имя ледокола, который в то время штурмовал Ледовитый океан — «Челюскин». Тогда мы все мечтали стать челюскинцами.

Отец часто произносил неизвестные прежде слова: «Магнитка. Днепрогэс...» От него я узнал впервые, что «Магнитка» — это молодой уральский город Магнитогорск. Там построили мощнейшую домну для выплавки чугуна, а «Днепрогэс» — новая гидростанция на Днепре. Она дала электрический ток стране намного раньше, чем намечалось по плану.

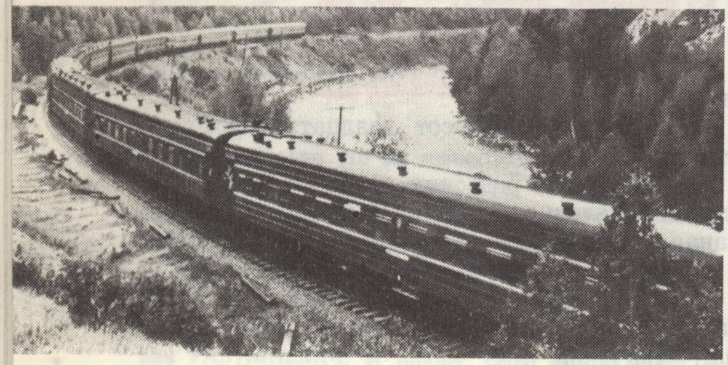
Мой отец часто говорил о стройках первой пятилетки. И я помнил, что люди все работали по-ударному, по-социалистически. И отец мой стремился работать так же.

Я достал из книжного ящика стола старую красную папку. Там среди пожелтевших бумаг лежали похвальная грамота отца и мамин значок ударницы труда.

— Отнеси октябрятам, — вручил я грамоту и значок Наташе. — Это теперь документы ис-

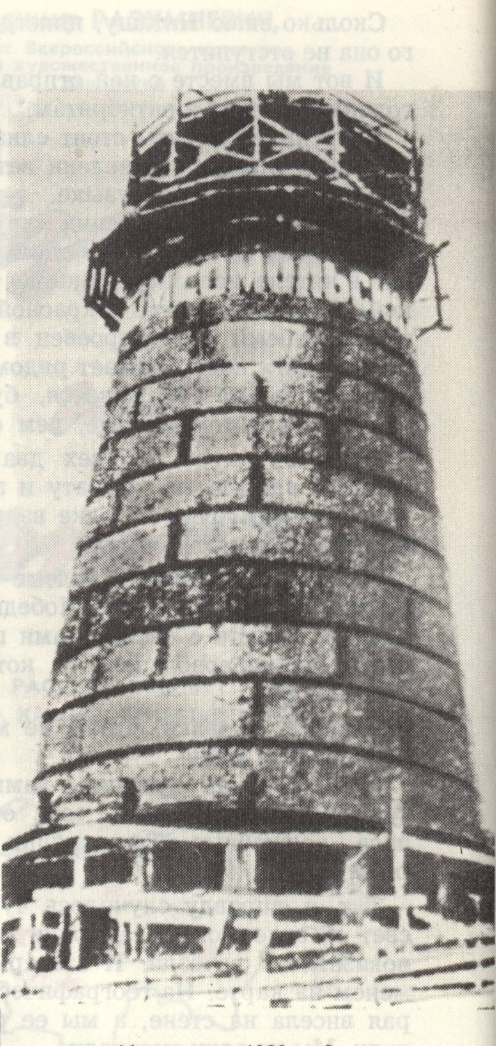
Фотографии из Наташиного альбома

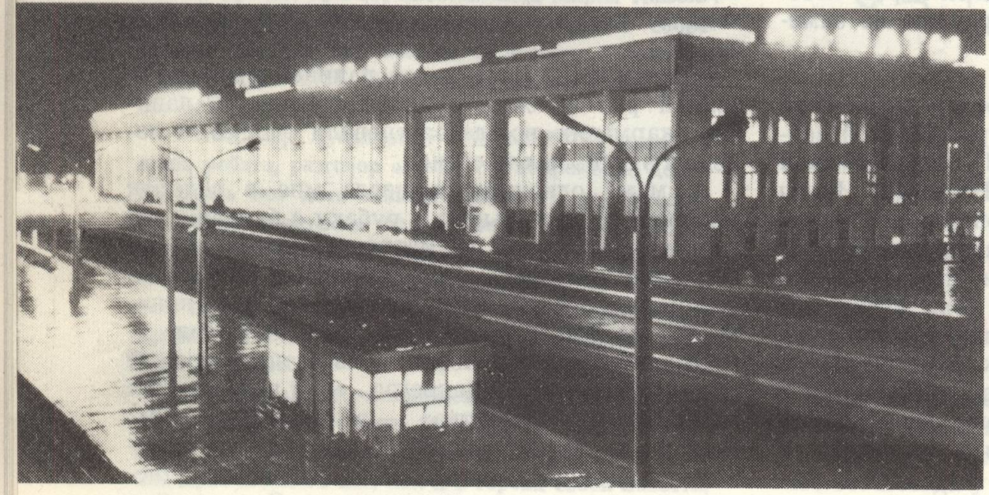

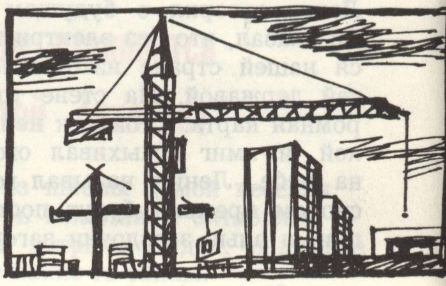

Тяжело было строить Турксиб — первенец советской пятилетки, но как приятно было увидеть потом поезда, бегущие по его рельсам, и сверкающий огнями вокзал в Алма-Ате, крупнейший на этой трассе.

11 августа 1933 года на заводе «Азовсталь» забушевал огонь в крупнейшей домне № 1, домне, на которой недаром написано: «Комсомольская».

тории. Их нужно бережно собирать и хранить. Их, наверное, мало осталось?...

Но, к счастью, я оказался неправ. Дотошные октябрята разыскали, как говорится, в бабушкиных сундуках десяток таких же грамот и обнаружили немало других ценных вещей.

Наташа показала мне картонную карточку-удостоверение пионера Кирилла Шикина, члена общества «Долой неграмотность!». Кирилл Шикин учил неграмотных людей читать и писать. В удостоверение была вложена фотокарточка. Я увидел на ней старика и старушку за школьной партой. Они низко склонились над тетрадками, скорее всего писали диктант. А перед ними, как заправский учитель, стоял мальчик в пионерском галстуке, Кирилл Шикин.

— Этот снимок, — пояснила Наташа, — принесла Клава Шикина, а Кирилл Шикин — ее дедушка. Таким он был в первую пятилетку.

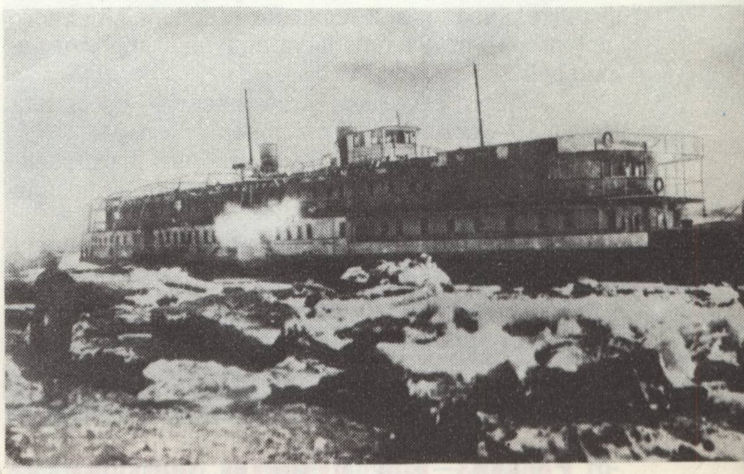

Так начиналось освоение природных богатств в суровых заполярных Хибинах. А потом здесь вырос первенец советской химической промышленности — объединение «Апатит».

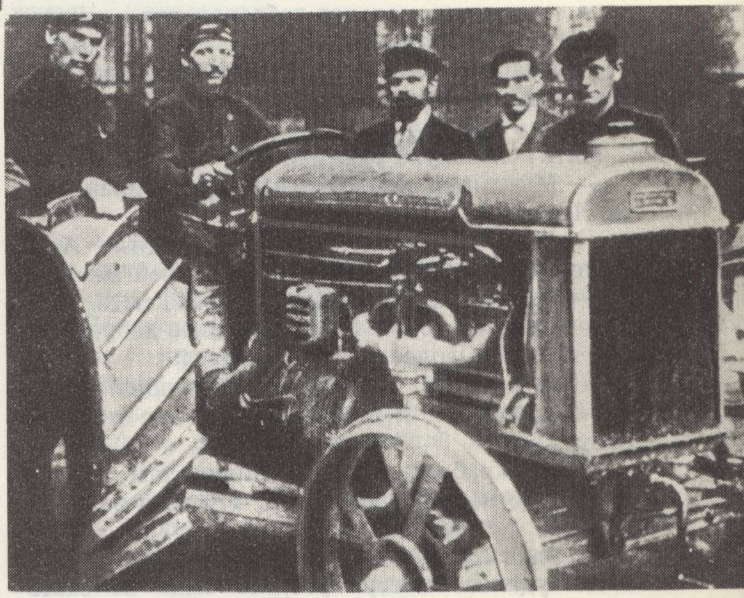
Первую крупную советскую электростанцию — Шатурскую — строила молодежь.

Пассажиры «Колумба» в этом рейсе были первыми строителями Комсомольска-на-Амуре.

Полвека назад в Ленинграде на заводе «Красный путиловец» начали выпускать первые советские тракторы «Фордзон-путиловец». Ныне он называется Кировский завод и производит тракторы, известные во всем мире.

Наташа порылась в портфеле и вынула еще один снимок:

— Это город Комсомольск-на-Амуре, — сказала она.

Я посмотрел на фотографию, но никакого города не увидел. А увидел тайгу.

— Не удивляйся, папа, — предупредила мой вопрос Наташа. — На этом месте в тайге 12 июля 1932 года начали строить город. И сюда, в тайгу, приехали шесть тысяч добровольцев! Среди них был и дедушка Мити Вострикова. Помнишь, я тебе рассказывала про Митю?

Дедушка подарил Мите этот снимок. И еще у его дедушки сохранилась подушка. На ней он спал, когда строил Комсомольск-на-Амуре. Митя приносил подушку в класс, всем показывал. Подушка старая-старая, и мы сказали, чтобы Митя ее обратно отнес.

Подушка никакой исторической ценности не имеет, правда, папа? — заключила Наташа.

— Как знать, — засомневался я. — Хорошо бы поговорить с Митиным дедушкой. Раз хранит он эту подушку столько лет, значит, что-то значительное с ней связано в жизни Митиного дедушки, и стала теперь та подушка дорогой реликвией.

— Митя в соседнем доме живет, — сообщила Наташа, — пойдем и поговорим.

Собрали мы Наташиных октябрят и отправились к Востриковым. Раньше, конечно, спросили разрешения.

Константин Пантелеевич Востриков, Митин дедушка, оказался прекрасным рассказчиком. Его рассказ помог октябрятам зажечь на их карте первую звездочку у города Комсомольска-на-Амуре.

Рассказ про пуховую подушку и про тех, кто строил комсомольский город в тайге

Плотник мебельной фабрики Костя Востриков мечтал совершить в жизни что-то небывалое и радостное.

Шагал он однажды по улице и вдруг видит — плакат. Вихрастый паренек на этом плакате зовет комсомольцев-добровольцев на Дальний Восток строить город в тайге.

— Спасибо за приглашение! — обрадовался Костя и по-дружески подмигнул пареньку на плакате. — Поеду!

Мать всплеснула руками:

— Мыслимое ли дело — ехать на край света! Чем тебе дома плохо?

— Дома хорошо, — ответил Костя. — А в тайге город будут строить. Город моей мечты!

— В тайге медведи, — уговаривала мать.

— Я же не один. Комсомольцев-добровольцев тысячи. Одолеем любого медведя!

— А комары? Там их тьма-тьмущая.

— Справимся и с комарами! — не отступал Костя.

— Не храбрись, сынок. Мороз там знаешь какой? До костей добирается, а у тебя валенки худые.

— Залатаю валенки, не беда, мама.

Не удалось матери убедить сына не ехать в тайгу. Сложил Костя в дорожный чемодан мыло, полотенце, зубную щетку.

— Подушку возьми, — посоветовала мать. — Груз не велик, зато будет куда голову приклонить после работы.

— Вот еще! — отмахнулся Костя. — Товарищи засмеют. Скажут: «Доброволец с подушкой»... Нет уж, я лучше топор захвачу.

Не послушал Костя матери и поехал за десять тысяч километров от дома в неведомый край. Без подушки. С топором.

Направили Костю Вострикова вместе с бригадой лесорубов корчевать деревья, готовить площадку для будущего завода. Хорошо, что догадался с собой топор захватить. Много добровольцев приехало, и на сотню строителей нашлось всего двадцать топоров и пятнадцать пил...

Никто не желал сидеть сложа руки.

— Не для того, — сказали они, — мы издалека ехали.

И тогда Костя предложил:

— Тащите с баржи канаты. Будем лесорубами без топора.

— Разве можно без топора?

— Можно! — засмеялся Костя.

И началась работа.

Своим топором Костя Востриков подрубил корни дерева. Соорудил аркан из каната. Размахнулся со всей силой и бросил аркан на дерево, затянул петлю потуже вокруг ствола. Ребята внизу ухватились за конец каната и стали раскачивать дерево. Оно рухнуло.

— Ай да способ! — обрадовались комсомольцы-добровольцы.

Бригаду Кости Вострикова так и назвали — «бестопорники». Лишь один бригадир, Костя, работал топором. Остальные тянули канат.

Начальнику строительства понравился Костин способ, и он сказал ему:

— Можешь соседнюю бригаду лесорубов на соревнование вызвать. Они, хотя и с пилами, но до вас им далеко. Пусть подтянутся.

По вечерам, после работы, бригадиры подсчитывали, кто больше деревьев повалил. И каждый раз выходило — побеждала Костина бригада.

В конце месяца начальник строительства вручил «бестопорникам» переходящее Красное знамя.

А Костя между тем часто вспоминал слова матери. Верно она говорила: тайга и на самом деле оказалась суровой. И комары кусали по вечерам. И волки по ночам выли зловеще. И медведи вокруг да около бродили. Того и гляди попадешь к ним в лапы. Тайга — глушь, нет вокруг жилья.

Выстроил Костя с товарищами небольшую избушку. Десять человек в ней поселилось. Подушек ни у кого не было, клали под голову пальто или валенки. Эх, жаль не послушался Костя совета матери, не взял с собой подушку.

Спали все на одном боку, плотно прижавшись друг к дружке. Отлежишь бок, а повернуться нельзя — товарища разбудишь.

Дежурный, бывало, командовал: «С левого бока на правый повернись!» И все дружно поворачивались.

Особенно плохо стало, когда морозы ударили. Бураны буйствовали так, что носа на улицу не покажешь. Дороги позамело. Продрогшие и голодные лесорубы неделями ждали, когда из города привезут хлеб и другие продукты. В такую погоду через тайгу не прорвешься. Вездеходных машин тогда не было еще, ездили на лошадях.

От недостатка еды некоторые болели страш-

ной болезнью — цингой. И приходилось комсомольцам-добровольцам — тем, кто покрепче и повыносливее, — становиться на лыжи и двигаться в дальние лесные поселки за мясом и картошкой, за рыбой и солью, за луком и чесноком.

И никакие болезни и лишения, метели и ливни, комары и медведи не могли заставить комсомольцев-добровольцев отступить, бросить работу. По утрам в любую погоду выходили они в тайгу. Больным строго наказывали лежать в постели, а те не хотели слушаться. Поднимались и тоже шли туда, где по-ударному работали товарищи.

Тайга отступала все дальше и дальше, освобождая место для будущего города. И вот уже положен первый камень в основание первого дома. И в честь такого важного события организован митинг, где самым лучшим работникам вручались премии. Начальник стройки жал каждому руку и награждал подарком. Одному — пальто бобриковое, другому — шапку из рыжего лисьего меха, третьему — гармошку с колокольчиками...

Вдруг Костя Востриков услышал свою фамилию:

— Бригадир лесорубов товарищ Востриков Константин Пантелеевич за ударный труд премируется пуховой подушкой в количестве одной штуки и простынями льняными в количестве пяти штук.

Вот так подарок! Снова грянул оркестр. Товарищи вытолкнули Костю из толпы поближе к столу. Начальник вскинул подушку над головой. Взлетела она, словно воздушный шар. Дружно все захохотали. А начальник весело сказал:

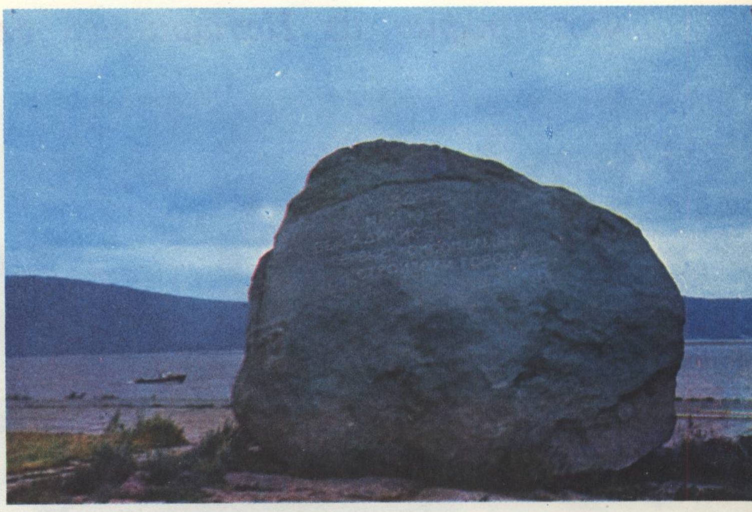
— На такой спать да спать. Отоспишься, Костя, за все бессонные ночи. Боюсь только — на работу тебя теперь не добудишься.

Хорошо спалось Косте в ту ночь! Но проснулся он, как всегда, вовремя. Потому что сон есть сон, а работа есть работа.

Город рос в тайге большой. С заводами и фабриками, с многоэтажными домами и дворцами, школами и институтами. Строители постепенно переселялись в уютные квартиры, оставались жить в новом городе навсегда. Но были и такие, которые уезжали строить другие города. Уехал с ними и Костя Востриков. Захватил с собой топор и пуховую подушку. Эта подушка — награда за честный труд — всегда напоминала ему молодой таежный город, который в честь таких же, как он, комсомольцев-добровольцев, получил нестареющее имя — Комсомольск-на-Амуре.

Странички из Наташиного альбома

— Сегодня я попросила октябрят нарисовать, какой они видят первую пятилетку, — поделилась со мной Наташа. — Один нарисовал

электростанцию на реке, другой — домну у горы Магнитной, третий — трактор в поле...

— Вот тебе альбом, — сказал я в ответ дочке. — Записывай на его страничках все то, что сама узнаешь про пятилетки и что узнают твои октябрята от родителей, учителей, из книг и газет.

Наташа обрадовалась:

— Спасибо, папа. Ты хорошо придумал. В альбом можно собрать и портреты героев труда, и разные фотографии, и открытки, почтовые марки, газетные вырезки. Все, что мы узнаем о пятилетках...

Через несколько дней я заглянул в Наташин альбом. И прочитал там много интересного.

ПРО ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ (1928—1932 гг.)

По заданию Коммунистической партии был разработан пятилетний план. Главная его цель: превратить нашу Родину из отсталой в передовую. По технике мы отставали от капиталистов почти на сто лет.

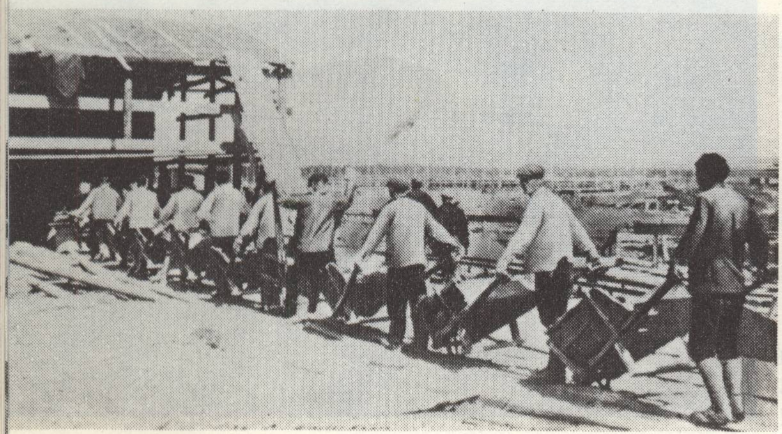
Советские люди сказали: «Догоним!» И с первого же дня первой пятилетки взялись восстанавливать разрушенное войной хозяйство.

Без электричества, известно, разруху не одолеть, промышленность не поднять. Тут помог ленинский план электрификации, который стал частью пятилетнего плана. Вступили в строй Днепрогэс имени В. И. Ленина, Зуевская, Челябинская, Белорусская районные тепловые электростанции. Повсюду загорелись «лампочки Ильича».

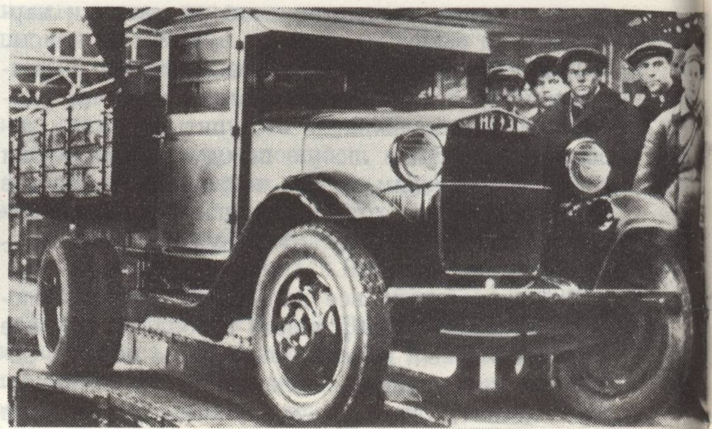
За пять лет были построены Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, Волховский алюминиевый, Батумский нефтеперерабатывающий и другие заводы — всего 1500 крупных предприятий!

При царе в России не было заводов, которые бы выпускали автомашины и тракторы, элект-

Фотографии из Наташиного альбома

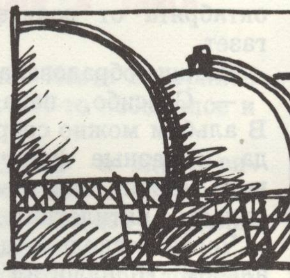

Сначала на Горьковском автозаводе строился прессовый цех. Без всякой механизации, вручную.

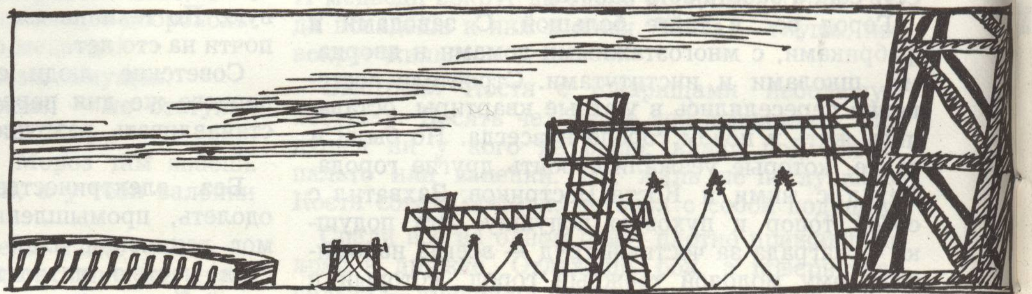
И вот с конвейера сошел первый автомобиль. Было это в 1932 году.

Стахановское движение начинал на автозаводе А. Бусыгин, его вы видите на правом снимке. А на снимке слева комсомолка А. Генералова — последовательница А. Бусыгина.

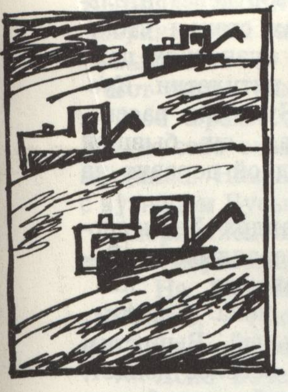
ровозы и комбайны, турбины и станки. Их покупали за границей на золото. В первую пятилетку такие машины стали выпускаться и в СССР, на заводах, которые построили мы сами.

Каждый новый день радовал новыми победами.

Построен Турксиб — так называлась железная дорога, которая связала Сибирь со Средней Азией. Началось строительство канала между Волгой и Москвой-рекой. Забойщик донецкой шахты «Кочегарка» Никита Изотов установил рекорд по добыче угля и стал обучать своему мастерству молодых шахтеров.

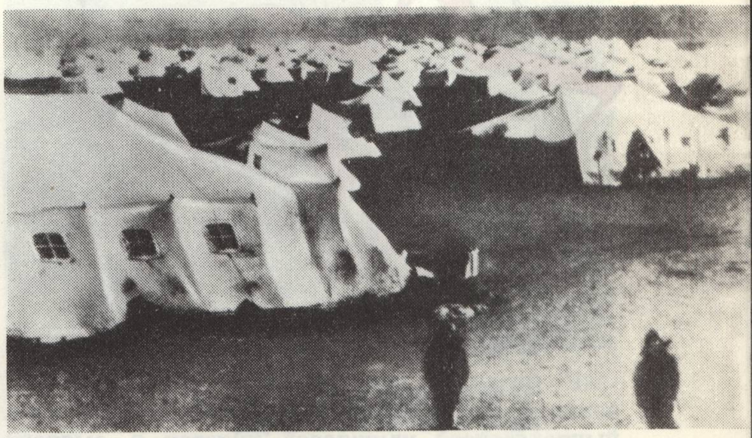
На полях, где раньше хозяйничали помещики и кулаки, крестьяне стали работать коллективно, создавая колхозы и машинно-тракторные станции.

В деревню пришли тракторы с только что пу-

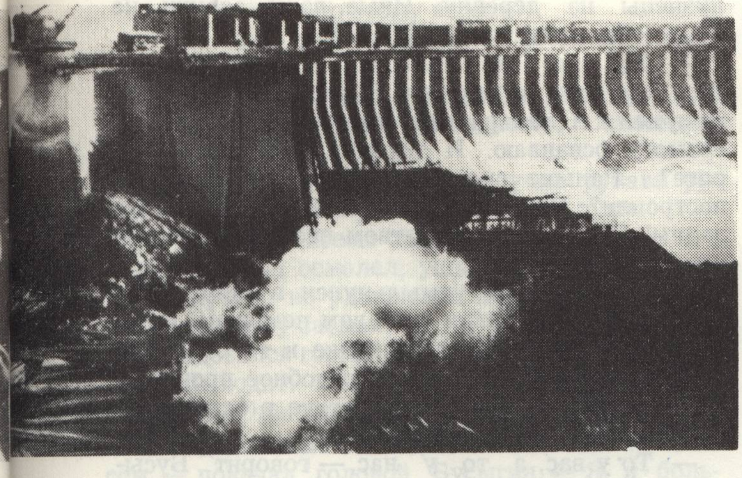

Забойщик Алексей Стаханов идет на рекорд. На другой день его имя узнала вся страна.

В этом палаточном городке у горы Магнитной жили строители флагмана советской индустрии в 1929 году.

В 1931 году советский народ возводил Днепрогэс. Яростно штурмовали волны плотину, вставшую на их пути.

В 1932 году поднималась к небу 2-я домна Магнитки.

щенных в ход Сталинградского и Харьковского тракторных заводов, сельскохозяйственные машины — с Ростовского, Гомельского и Ташкентского заводов сельхозмашин.

Дел в стране было много. Повсюду требовались рабочие руки. В странах, где командовали капиталисты, миллионы людей оставались без работы, а у нас в стране впервые в мировой истории безработица исчезла навсегда.

Первый пятилетний план был выполнен не за пять лет, а всего за четыре года и три месяца!

Была Россия отсталой, крестьянской, а теперь становилась передовой, индустриально-колхозной державой.

— Молодец, дочка,— подумал я.— И октябрята ее молодцы. Теперь они о первой пятилетке многое знают.

ГОРОД ГОРЬКИЙ АВТОЗАВОД

Вечером я пришел с работы и увидел у себя на письменном столе... лапоть!

Взял я старый лапоть небрежно за тесемки, а Наташа тут как тут. Уселась рядом и говорит:

— Лапоть, между прочим, исторический.

— Лапоть? — усомнился я.

Наташа ничего не ответила, только спросила:

— Кто был первым стахановцем, ты помнишь?

— Донецкий шахтер Алексей Стаханов,— без запинки ответил я то, что знал с детства.— Он установил небывалый рекорд: за смену выдал столько угля, сколько раньше добывали четырнадцать шахтеров. У него были последователи — те, кто пытался повторить его рекорд и превысить его,— возникло стахановское движение.

— А самым первым последователем Стаханова кто был? Знаешь? — спрашивает дочка.

— Волжский кузнец Бусыгин Александр Харитонович.

— Вот,— обрадовалась Наташа.— Этот лапоть принадлежал самому Бусыгину. Он строил автозавод на Волге в лаптях. Когда завод стал уже выпускать автомашины, один из товарищей Бусыгина взял его лапти себе на память. И этот знакомый оказался дедушкой октябренка Пети Зырянова. Теперь вот подарил один лапоть нам. Второй отправил в Горький, в музей. «Пусть,— говорит,— земляки Бусыгина увидят, в каких лаптях «железный кузнец» строил их замечательный завод».

Рассказ про «железного кузнеца» и про важного заморского гостя

Из Соединенных Штатов Америки приехал в нашу страну богатый гость. Капиталист. Не на отдых пожаловал, не природой русской любоваться, хотел убедиться, правду ли говорят, что построили русские на волжском берегу огромный завод? И не за горами то время, когда начнут выпускать автомашины, которые покупались прежде за большие деньги у зарубежных промышленников.

Глядит заморский гость — завод действительно построен. В огромных цехах станки стоят, свежей краской отсвечивают. В кузнечном цеху познакомили его с ударниками пятилетки. Кузнец, Александр Харитонович Бусыгин, рассказал гостю, как три года назад он, бывший конюх, босиком пришел из родной деревни на стройку, как завод строил.

Слушает американец Александра Харитоновича, а сам все на его лапти поглядывает. Бусыгин перехватил его взгляд и говорит:

— Вы не смотрите, что мы пока в лаптях, завод мы построили замечательный. Выпустим вот первый автомобиль, жизнь веселее пойдет, у каждого рабочего тоже сапоги и ботинки будут.

— Ваш цех,— соглашается гость,— под стать нашему, американскому. Я подсчитал: четырнадцать ковочных машин, десять паровых молотов и тридцать девять прессов... Только вот вопрос: кто на них работать будет? Для такой техники грамотные рабочие нужны. А у вас все кузнецы из деревни. Иные даже азбуки не знают. Не выйдет у вас ничего!

— Ну, это вы напрасно! — обиделся кузнец.— Я тоже из деревни. Ни писать, ни читать не умел. А теперь вот вместе с товарищами грамоту осваиваю. И технику одолеем! Не верите?.. Раньше срока на целый год мы завод построили? Построили! Досрочно и автомобиль дадим! Приезжайте, покатаем вас на нашем советском автомобиле!

Гость заморский ухмыльнулся в ответ:

— Покатаете, если мы вам поможем, моторы продадим. У нас в Америке и то более семи лет уходит на то, чтобы подобное производство пустить в ход. А вы хотите в одну пятилетку...

— То у вас, а то у нас,— говорит Бусыгин.— Хотите поспорим?

Гость на прощание снисходительно протянул руку кузнецу и сказал миролюбиво:

— Так и быть, принимаю вызов. Только предупреждаю заранее — не выиграть вам в этом споре...

Настал 1935 год, и с конвейера сошло 7550 машин «ГАЗ». Собрались заводские кузнецы и написали письмо в центральную газету, чтобы могли прочесть об их успехах и в нашей стране и за границей.

«Теперь,— писали они,— когда застучали первые мощные молоты, невольно вспоминаются слова одного американского промышленника, что нам не справиться со своей задачей, взятой, дескать, не по плечу, что без помощи иностранцев у нас ничего не выйдет. Пусть уважаемый мистер приедет к нам и посмотрит, как мы начинаем выпускать советские автомобили из советских деталей».

Но «уважаемый мистер» так и не приехал.

А завод в Горьком из года в год выпускал автомашин все больше и больше. Вместе со всеми рабочими завода старались и кузнецы изо всех сил. И однажды Александр Харитонович

отковал за смену столько деталей, сколько ни одному кузнецу во всем мире не удавалось. Пытались достигнуть бусыгинского рекорда и на американских заводах. Но ничего у американцев не вышло.

Вот тогда заморский гость, который спорил в свое время с Александром Харитоновичем, дал о себе знать: прислал на завод своего помощника. Наказал ему непременно встретиться с кузнецом Бусыгиным.

Американец оказался дотошным. Все приставал с вопросами да расспросами, что да как.

— На нашем заводе в Америке,— спрашивал гость,— такая же техника, а дела у кузнецов идут значительно хуже. Почему?

— Ясно почему,— спокойно отвечал Бусыгин.— Ваш рабочий не чувствует себя хозяином своего дела. А мы в своем цехе для себя работаем. Потому и дело наше спорится.

— Странный вы человек, мистер Бусыгин,— удивлялся американец,— несгибаемый, словно железный. Многие у нас в Америке считают, что вы, советские, из железа сделаны.

— А вы сами-то этому верите?

— Да как вам сказать...— засмеялся американец.

— Ущипните меня,— неожиданно предложил Бусыгин.— Разрешаю. Убедитесь, железный ли я?

Александр Харитонович засучил рукава рубахи и протянул гостю свои сильные руки:

— Не смущайтесь. Ущипните! Сильнее!

Американец осмелел, ущипнул со всей силой. И тут кузнец не удержался и вскрикнул от боли. И сам тому засмеялся.

Обрадовался гость:

— Выходит, мы с вами из одного теста слеплены. Одинаковые.

— Одинаковые-то одинаковые, да не совсем,— покачал головой Бусыгин.— Я и больным бываю, и слабым быть случается. Но когда нужно Родине — в труде ли, в сраженье ли — мы, советские люди, становимся в самом деле железными. И никакая сила нас не сломит.

Странички из Наташиного альбома

ПРО ВТОРУЮ ПЯТИЛЕТКУ (1933—1937 гг.)

Боевой лозунг второй пятилетки: «Овладевай техникой! Лишь с помощью техники мы сможем построить социализм!». Создавая и осваивая новую технику, советские люди повсюду — на земле, в небесах и на море — совершали подвиги.

На земле было построено заводов в три раза больше, чем в первую пятилетку.

Под землей в мае 1935 года открыли движение первой очереди Московского метро.

А в небесах наши летчики Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков впервые в истории совершили беспосадочный перелет по маршруту Москва—Северный полюс — Северная Америка. И еще наши летчики доставили на Северный полюс, на дрейфующую льдину, первую советскую полярную экспедицию — отважных папанинцев.

По морям и океанам отправились в дальние рейсы первые советские ледоколы и первые советские корабли.

Когда машин у нас было мало, основная надежда возлагалась на ручной труд, а когда появилась новая техника, победы стали добывать умением управлять машиной. Вот так Алексей Стаханов и Александр Бусыгин добились небывалого рекорда. За ними пошли другие новаторы.

Ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы, которые прежде работали на двенадцати станках, перешли на обслуживание сразу ста станков.

Машинист Петр Кривонос стал водить свой грузовой поезд в два раза быстрее.

Комбайнер Константин Борин установил стахановский рекорд на уборке колхозного урожая.

Украинская трактористка Паша Ангелина организовала первую в стране женскую тракторную бригаду стахановцев. Звеньевая Мария Демченко работала по-стахановски на выращивании свеклы.

Ударников труда на заводах, стройках и шахтах называли не только стахановцами, но еще и рабочими-отличниками. А ребята в школах по примеру взрослых стали соревноваться за право называться «школьниками-отличниками». Они правильно рассудили: без отличных знаний не научатся они работать по-стахановски на новых машинах и станках.

Вторая пятилетка, как и первая, была выполнена досрочно.

Рабочие за девять месяцев до конца пятилетки рапортовали о своей победе: «Есть пятилетний план!».

Труженики колхозов и совхозов задание по производству зерна и хлопка выполнили досрочно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Татьяна КОТЕНЕВА

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Музыка бравурная!
Бурное дыхание!
Фигурное,
Фигурное,
Фигурное катание!
Мои коньки,
Как два коня,
Несут,
Несут,
Несут меня!

Я год назад
Пришел сюда.
Сказали мне:
— Не бойся льда.
Не бойся льда.
Наоборот,
Пускай тебя боится лед.

И я с тех пор
Не знал похвал.
Я воевал.
Я лед пугал.
Я синяки считать устал.
Я падал,
Падал и вставал.

Так продолжалось
Целый год,
Но, видно,
Испугался лед.
Теперь коньки,
Как два коня,
Несут,
Несут,
Несут меня!
Они послушны мне!
И вот
Опять,
Опять
Лечу на лед.

— Нет!
Я отсюда не уйду,—
Шепчу я льду.
Кричу я льду:
— Еще посмотрим,
Чья возьмет,
Кто победит,
Я или лед!

Музыка бравурная!
Бурное дыхание!
Фигурное,
Фигурное,
Фигурное катание!

ЛУННЫЙ ЛУЧ

Ночью вылез из-за туч
Осторожный лунный луч.
Невесомый, тоненький
Лег на подоконнике.
Я взобрался на окошко,
Оградил его ладошкой.
Он немного подрожал,
Но из рук не убежал.
Я сижу и не дышу,
Лунный луч в руках держу,
Словно мостик голубой
Между мною и Луной.

ЧУДО

Вековой уральский лес
Полон сказок и чудес.
Кто не верит в чудеса,
Может убедиться сам.

Ну не чудо разве?
Ты споткнулся в Азии,
А лежишь в сугробе,
Но уже — в Европе!

ССОРА

Видно, так заведено:
Что течет, то течь должно.

Что растет, как ни верти,
То не может не расти.

То, что тает, всякий знает,
Обязательно растает.

То, что колется и жжется,
Жечь должно, должно колоться.

И этим... кто кусается,
Кусаться полагается.

А если разобраться,
Я первый начал драться.

— Эй ты, давай мириться!
Да что с тобой творится?

Ведь если так махать хвостом,
Хвост может отвалиться!

СНЫ

Вы знаете сами,
Вы знаете сами,
Что каждая ночь
Переполнена снами.

У снов существует
Строжайший закон.
Кто спит,
Видит только
Свой собственный сон.

Я каждую ночь,
Опуская ресницы,
Грущу,
Что мой сон
Никому не приснится.

Вы знаете сами,
Вы знаете сами,
Что снами
Нельзя поделиться
с друзьями.

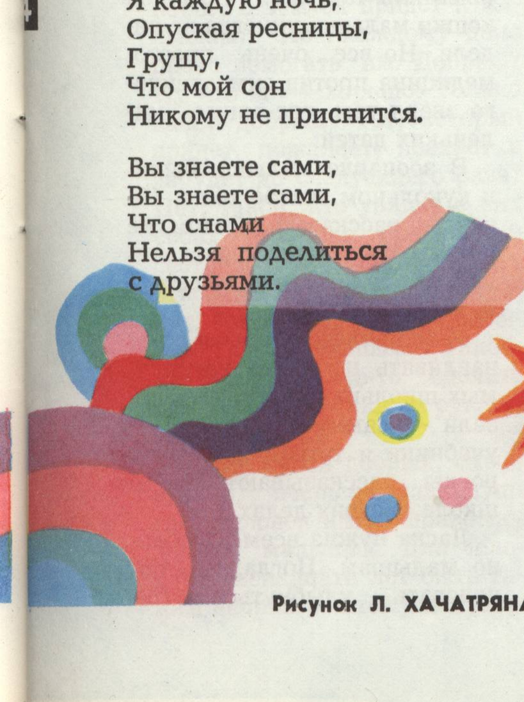

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА

Новогодняя встреча

Необычный календарь

«Однажды, когда по телевизору показывали выступление Марины Черкасовой и Сергея Шахрая, мы с мамой даже забыли про пирог, и он подгорел у нас в духовке. Мне очень хочется поздравить Марину и Сергея с Новым годом. И еще спросить, как они любят встречать этот праздник?»

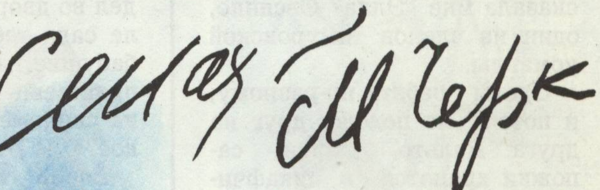
Валя Сергеева, г. Клин, Московская область.

МАРИНА ЧЕРКАСОВА и СЕРГЕЙ ШАХРАЙ, чемпионы Европы, чемпионы мира, серебряные призеры Олимпиады в Лейк-Плэсиде:

Спасибо. А что касается Нового года, то в прошлый раз мы встречали его чуть ли не на льду. Со стадиона ушли так поздно, что еле успели доехать до дома и сесть за праздничный стол. А утром, в семь часов, опять тренировка. Новогодняя пора у нас самая горячая — разгар спортивного сезона, и мы готовились сразу к трем соревнованиям: чемпионатам Европы и мира, к Олимпийским играм. Тренироваться приходилось с утра до вечера. Даже день 31 декабря не был исключением.

Любой вид спорта требует от спортсменов много сил и терпения и с каждым годом все больше и больше. Стоит только чуть-чуть сбиться с темпа — спортивная форма потеряна, а войти в нее снова непросто. Тут уж не приходится считаться и с праздниками и с выходными.

Наши праздники — это дни, когда мы одерживаем спортивные победы. И ничего, что не совпадают они с обычным календарем.

ТИМУРОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
«ДЕТСКИЙ ДОМ — НАШ ОБЩИЙ ДОМ»
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

К ВАМ ПРИШЛИ!

Одесский детский дом № 10 по переулку Марины Расковой в районе знаменитой Молдаванки. Полтора года назад штаб Тимура города Ильичевска, что в Одесской области, отправил сюда своих разведчиков.

Дом для малышей от трех до семи лет. У каждой группы по две комнаты: просторная игровая, полная стеллажей с играми и игрушками на любой вкус — конструктор, мозаика, куклы...— и спальня. «Хорошо для детей здесь все устроено: яркие краски, удобная мебель, сама атмосфера какая-то теплая»,— сказала мне Элла Овсянко, один из членов тимуровской команды.

Одеты ребята по-разному, и потому не похожи друг на друга. Пальто, шапки, сапожки хранятся в шкафчиках, где нарисованы ежик, мишка, крокодил... Строго соблюдается режим дня, в котором есть время и для занятий, прогулок, и сказок. Их читает или рассказывает воспитательница.

Малыши сами застилают кровати, поливают цветы, следят за своими игрушками, дежурные накрывают и убирают со стола. Их учат буквам, учат составлять рассказы по картинкам, считать. Они с удовольствием читают наизусть стихи, рисуют...

Ребята сыты, одеты, крыша над ними не прохудилась, дрова пилить не нужно. Даже цветное чудо — телевизоры — есть. И все же в своем вахтенном журнале тимуровцы написали: «Им нужна наша помощь». Какая же?

Давай вспомним один день из твоего детства. Любой.

Тебя отводят в детский сад. И по дороге, сидя в санках или на руках у родителей, ты видишь удивительные вещи. Вон старый дом, похожий на избушку Бабы-Яги. Вот зверь, с которым ты хорошо знаком,— дома у вас такой же. Правда, твой рыжий и добрый, а этот полосатый, худой и злющий, хвост трубой. Мальчишки-школьники затеяли на улице новую игру. И в детский сад ты несешь свежие новости: все, что узнал и увидел во дворе и на улице. После сада тебя везут в гости к бабушке на автобусе. И ты пристаешь к отцу, показывая на спидометр: «А это что такое?» И отец объясняет.

Вечер ты проводишь со старшим братом или сестрой. Заглядываешь в их учебники и тетрадки и здорово мешаешь им. Но ты живешь их жизнью, а они твоей. Они защищают тебя от злой собаки, от драчуна Валерки, и ты гордишься ими перед другими ребятами.

Все это привычно для всех детей на свете, но не для малышей из детского дома. Почти все время они видят только друг друга. Даже поездка в надоевшем автобусе для них событие. А как хочется почаще бывать за оградой! Что там? Какой мир? Наверное, необыкновенный.

Мало встреч, не хватает малышам новых впечатлений. Именно их приносят с собой в детский дом тимуровцы. Они выслушают малышей, расскажут о своих делах и о школе, узнают их маленькие секреты, ответят на сто тысяч «почему».

Пришли тимуровцы, и малыши бегом к гостям: рассказать, поделиться, выговориться. Воспитательница уже знает, что у них выпадают зубы, а вот как отнесутся к этому захватывающему факту новые друзья? Аня Коваленко, смущаясь, протягивает свои рисунки: «Ну как? Нравится?» Мальчики ведут к сооружениям из кубиков: «Вот какой город строим».

Показывают живой уголок: ежика, черепаху. А Нина Ивановна, воспитательница, шепотом говорит: «Этих-то зверей они знают. А от кошек бегают!» Тимуровцы про себя удивляются: ну, ладно рысь или там лев... Обычной кошки малыши никогда не видели. Но все очень просто: медицина против симпатичного зверя там, где много маленьких детей.

В зоопарке малыши были, в кукольном театре тоже. Но некому рассказать об этом, не с кем поделиться впечатлениями. Ходили-то все вместе... А теперь есть кому.

И не придется больше останавливать на улице незнакомых школьников, чтобы показали — самые настоящие — учебники и тетрадки. Тимуровцы рассказывают им о школе, о своих делах.

Ласка нужна всем. Особенно малышам. Погладить, поцеловать, улыбнуться. По-

дойдешь, а он повиснет на тебе или поймает руку и прижмет к своей щеке. Воспитатель не всегда может увидеть одного среди всех. Тимуровцам это легче: их много, и им очень близки заботы и дела младших товарищей. Сами недавно были такими же.

«К тебе пришли!» — говорит воспитатель. «К тебе пришли!» — передают малыши по цепочке кому-то одному с завистью и ожиданием необыкновенного. Это праздник одного. Когда приходят тимуровцы, — они приходят ко всем. Это праздник всех.

Очередной сбор штаба Тимура, на который меня пригласили, посвящен детскому дому: «Когда поедем к малышам? И с чем?» — вот что решают председатель Света Панина, комиссар Игорь Белоус, главные Тимуры — Инга Барюха, Валя Беляева, Марина Ильина, члены штаба — Оксана Загорулько, Элла Овсянко, Наташа Бутович, Таня Долгова, Ира Силух...

Когда — это решить просто. А вот с чем? Нужны малышам для занятий физкультурой разноцветные флажки, мешочки с песком. «Сделаем»,— решают ребята. Игрушки и книжки — в подарок. «Соберем». Но ведь не это главное.

Какой человек переступит порог, с чем он придет к малышам? Не каждому дано право помогать им. Добрый? Ну что ж — хорошо. Только какой добрый? Тот, который придет, пожалеет, поахает и забудет до следующего раза? Нет, такой, кто увидит в них своих младших братишек и сестренок, кто ощутит себя в ответе за то, какими они станут: веселыми, трудолюбивыми, любознательными? Такой, кто захочет что-то сделать для них собственными руками и сердцем.

Лишь очень добрый, очень чуткий, очень неравнодушный человек имеет право помогать малышам. Для человека двенадцати лет быть таким непросто. Этому искусству ребят учат взрослые: директор Дома пионеров Людмила Ильинична Доронина, руководитель тимуровского штаба Марина Владимировна Даниленко. Во время сбора штаба комиссар Игорь Белоус вдруг замялся, не зная, как обратиться к новенькой: забыл имя. Казалось бы, беда невелика, но Марина Владимировна после сбора говорит ему: «Комиссар, ты все должен знать. А ты не помнишь, как зовут новенькую. Кто она? Как у нее дома? Может, ей помочь надо?» И так в штабе во всем, потому-то и чутки ребята ко всему, что происходит вокруг них.

Ах, как хочется ребятам бывать в Одессе чаще! Ведь их там ждут. Сто маленьких братишек и сестренок ждут, когда воспитатель распахнет двери и скажет: «К вам пришли!»

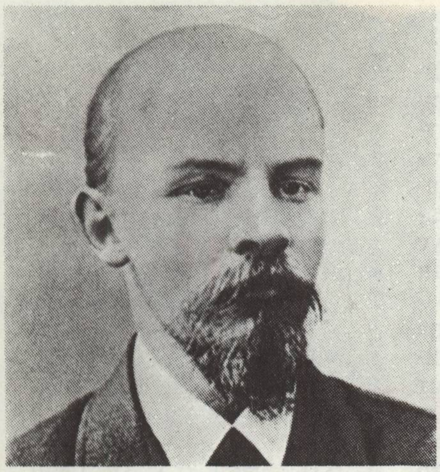
От Всесоюзного штаба Тимура: А как ты и твоя тимуровская команда продолжает операцию «Детский дом — наш общий дом»? Ждем писем.

Рисунок Д. БАРАБАША.

В ДЕКАБРЕ 1980 ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ ЛЕНИНСКОЙ ГАЗЕТЕ «ИСКРА»

Владимир Ильич Ленин. 1900 г.

И ВОЗГОРАЛОСЬ ПЛАМЯ!

Где-то далеко-далеко осталось раннее утро нашего века. Прошло восемь десятилетий, свершились три революции, отгремели три войны. Сменилось не одно поколение, и многое из того, что волновало Россию тогда, на рассвете столетия, давно поросло травой забвения.

Но время не властно над событиями, связанными с жизнью Владимира Ильича Ленина, с историей партии коммунистов. Они живут и всегда будут жить в народной памяти.

На исходе девятнадцатого века, весной 1898 года съезд в Минске провозгласил рождение первой в России политической партии, дал ей имя.

Ее назвали РОССИЙСКОЙ, а не Русской, подчеркнув этим, что партия объединяет трудящихся всех национальностей, борется против национального гнета, за братство народов.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ, ибо главная цель пролетариата и его партии — создание нового общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ, так как ближайшая задача партии — свержение самодержавия, установление народовластия.

РАБОЧЕЙ, потому что партия — передовой, организованный и сознательный отряд рабочего класса.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ. Она была еще малочисленна и слаба. Но она была! Она существовала! Набатно прозвучали слова ее Манифеста: «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и с буржуазией до полной победы социализма!»

Весть о съезде дойдет и до дальнего сибирского села Шушенское. Порадуется Владимир Ильич. С величайшей гордостью скажет своим товарищам, что отныне считает себя членом этой партии. «Мы тоже все, — вспоминает старый партиец Пантелеймон Николаевич Лепешинский, — с большим удовольствием подхватили новый для нас мотив и как будто сразу выросли в собственных глазах».

Невеселое дело — ссылка. Хоть и не тюрьма, а все равно неволя. Покрепче замков и решеток стерегут ссыльного леса, болота, тысячеверстные расстояния. Только и праздник, когда долетит в таежную глухомань добрая весть издалека, с воли.

Все мысли Владимира Ильича — о будущем, о партии. Как ни радостна была весть о первом съезде, он понимал, что дело создания организации революционеров только начато. У партии нет ни устава, ни программы, она разобщена по мелким кружкам.

В Шушенском обдумывает Ленин план создания общерусской политической газеты. Она видится ему лесами на стройке единой, сплоченной революционной партии.

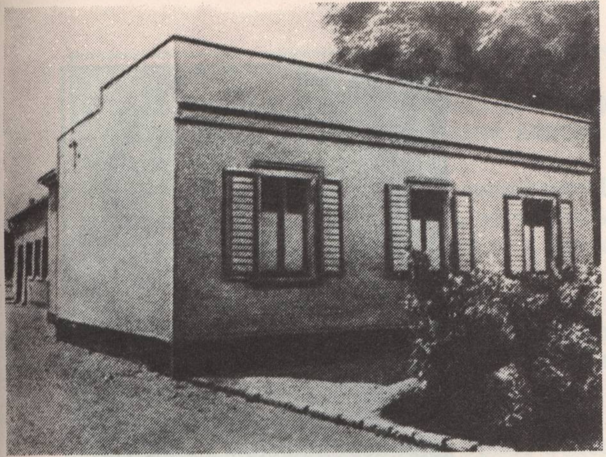
Сразу же, как только окончился срок ссылки, с головой ушел Владимир Ильич в заботы по созданию ГАЗЕТЫ. По пути из Сибири к месту своего временного жительства — в Псков он побывал в Уфе, Москве, Петербурге. Потом ездил в Нижний Новгород, Самару, Сызрань, Подольск, Ригу, Смоленск, снова посетил Петербург и Уфу.

Устанавливал связи, подбирал людей. Создавал ту прочную, так и не порушенную никакими полицейскими репрессиями сеть, через которую потечет в Россию «Искра» — коллективный пропагандист, агитатор, организатор.

Летом девятисотого года жандармский офицер, осматривавший на пограничной станции багаж помощника присяжного поверенного Владимира Ильича Ульянова, сообщил начальству, что имущества у данного пассажира почти никакого нет, лишь книги, в большинстве своем экономические, а из беллетристики только две — Гете и Некрасов.

Мысленно проследуем за пассажиром с кипой книг. Лейпциг и Прага, Женева и Цюрих, Мюнхен и Лондон. Таков был путь Ленина и других русских революционеров: то на восток, в сибирские снега, то на запад, подальше от «голубых мундиров», от «их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей».

Долгая разлука с Родиной была вынужденной, необходимой. Отсюда, из Западной Европы, сподручнее было вести наступление на са-

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 1. ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА. № 1.

НАСУЩНЫЯ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНІЯ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ЛИБКНЕХТЪ

Типография в Лейпциге, где был напечатан первый номер «Искры» (этот номер газеты — на снимке рядом).

модержавие, организовывать пролетарскую армию, учить ее бойцов и полководцев.

Закат XIX века и рассвет нового столетия казались российским обывателям тихими и спокойными. Царила видимость угодного власть имущим порядка. Но видимость обманчивая. Назревала буря.

Глашатаем грядущей бури стала «Искра». Первый номер газеты вышел в декабре 1900 года. Его набрали и отпечатали в небольшой типографии, помещавшейся в Лейпциге на Руссенштрассе — улице Русской. Символическое совпадение. На широкую улицу открытой политической борьбы за свои права выведет трудящихся России ленинская газета.

«Искру» доставляли в Россию в чемоданах с двойным дном, сбрасывали в брезентовых мешках в открытое море у берегов Одессы, Севастополя, Батуми. Везли в тюках мануфактуры, в коробках из-под шляп, в подкладках пальто и пиджаков. Никакие полицейские заслоны не могли остановить поток искровской литературы. Словно семена, несомые ветром, проникали через границы Российской империи слова, зовущие на борьбу за свободу и счастье.

Агенты «Искры» — отважные люди, настоящие рыцари Революции — доносили газету до самых дальних уголков страны. Иван Бабушкин, Николай Бауман, Виктор Курнатовский, Иван Радченко, Ладо Кацховели, Михаил Калинин, Мария Ульянова, Максим Литвинов, Елена Стасова — сколько бесстрашных бойцов, сколько талантливых пролетарских вожаков воспитала и закалила ленинская «Искра». Упорно и отважно, невзирая на преследования, провалы, слежку, создавали они сеть партийных ячеек, комитетов, союзов, сплачивали, готовили к решительным сражениям рабочие массы.

Искровец Иван Иванович Радченко рассказывал в своем письме о беседе с рабочими: «Я был счастлив за Ленина, который за тридевять земель, забаррикадированный штыками, пушками, границами, таможнями и прочими атрибутами самодержавия, видел, кто у нас в мастерских работает, чего им нужно и что с ними будет... Передо мной сидели лица, жаждущие взяться за дело, взяться так, как берутся за зубило, молот, пилу, взяться двумя руками, не выпуская из пальцев, пока не покончат начатое...»

Сормовский рабочий Петр Андреевич Заломов, тот самый, что стал прототипом главного героя горьковской книги «Мать», сумел передать в редакцию «Искры» весточку из тюрьмы: «Самое большое, что в их власти, это то, что они могут отнять у нас жизнь. Вот если бы они могли отнять у нас наши убеждения — это было бы действительно ужасно. У нас против наших врагов имеется сильное оружие — это вера в правоту нашего дела, вера в близкую победу, вера, что на наше место встанут товарищи, более сильные духом, чем мы, вера в то, что с каждым днем число борцов за свободу и справедливость увеличивается и что борцы эти на полдороге не остановятся, доведут свое дело до конца...»

Наступало время всходов искровской пропаганды и агитации. Российский пролетариат поднимался на борьбу. Прокатились забастовки, манифестации. Возникали все новые и новые объединения революционеров.

Петербургские заставы, фабрично-заводские окраины Москвы Иваново-Вознесенска, Екатеринослава, рудники и шахты Донбасса, кузницы Урала, нефтяные промыслы Каспия — здесь, в самых глубинах жизни, и рождалась несокрушимая сила народная — ленинская рабочая партия, вооруженная передовой теорией, могучая неразрывной связью с массами, сознательностью, мужеством, дисциплиной партийцев.

Отсюда, с полей классовых битв, под гул сходок и стачек, под песни маевок и посвист сибирских метелей начало свой легендарный путь по земле удивительное и прекрасное племя большевиков — людей, скроенных из великой стойкости и великой любви к трудовому народу.

Шли первые годы двадцатого столетия. Годы-буревестники. Пробуждалась Россия. Вставали заводы, поднимались деревни. Собиралась под знаменами партии Ленина революционная рать.

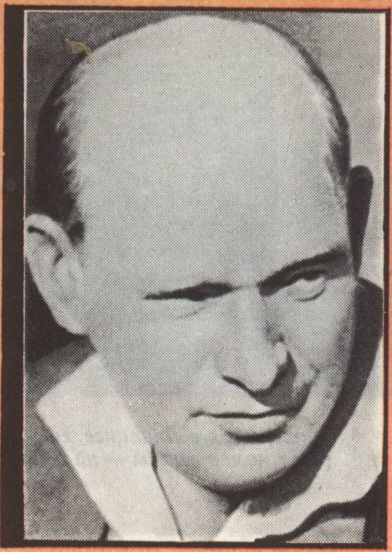
И возгоралось пламя!

В. ЯКОВЛЕВ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Эдуард ШАРАПОВ

ВСТРЕЧА С ЭРНСТОМ

Машина медленно двигается по весенним улицам пригорода Берлина: Шунталерштрассе, Мозишштрассе, поворот налево — Кирхельц, направо — Раденцер, снова поворот и, наконец, Бодельшвингштрассе. Вот этот серый трехэтажный дом с островерхой крышей...

Протягиваю руку к звонку и не решаюсь сразу нажать кнопку: за дверью живет дочь Эрнста Тельмана.

У Ирмы Габель-Тельман широкая и приветливая, как у отца, улыбка. Я так хорошо знаю ее по фотографиям. Такие же открытые голубые глаза. Трудно поверить, глядя на ее быстрые, энергичные движения, что родилась она в ноябре 1919 года.

Сегодня шестнадцатое апреля — день рождения вождя немецких трудящихся Эрнста Тельмана. И я приехал, чтобы поздравить Ирму и ее мужа Иоханиса Габеля.

Мы пьем ароматный кофе и разговариваем. Ирма вспоминает свои детские годы.

В памяти осталось, как отец, готовясь к выступлениям на рабочих митингах, шагал взад и вперед по коридору их небольшой квартирки в Гамбурге, обдумывая свою речь. Комнатка была маленькая, и, чтобы не мешать жене и дочке, Эрнст вышагивал по коридору.

— У меня уже своеобразный рефлекс выработался, — неторопливо рассказывает Ирма, — если отец принялся расхаживать по коридору, надо ждать серьезных событий в жизни гамбургских рабочих.

— Выступлений против хозяев-эксплуататоров, — поясняет Иоханис. — Их было немало.

— Знаете, — вдруг оживляется Ирма, — как немецкие коммунисты и рабочие называют площадь перед домом в Гамбурге, где долгие годы жила наша семья? Ее называют Красной площадью. Каждому рабочему-гамбуржцу известно, что в пролетарском районе города — Эппендорфе есть своя, как в Советской России, Красная площадь. Ее назвали так потому, что с балкона своей квартиры Эрнст Тельман часто выступал перед собравшимися на площади рабочими. Теперь в этой квартире коммунисты бережно сохраняют музей вождя немецкого пролетариата...

— Хотите жареной картошки с луком? — неожиданно перебивая себя, спрашивает Ирма и уже не просто улыбается, а весело и озорно смеется. — Отец очень любил жареную картошку с луком и помидорами, — поясняет она, увидев мое удивление. — Ему нравилось самому готовить это блюдо. И, между прочим, у него очень неплохо получалось. В его день рождения мы всегда угощаем гостей жареной картошкой по рецепту отца.

Ирма идет на кухню, а я прошу рассказать Иоханиса Габеля, как он познакомился с Эрнстом Тельманом.

— О, когда это было! Очень давно, — начинает с восклицания Иоханис. — Я тогда был молодым человеком, совсем мальчишкой. Летом 1924 года здесь, в Берлине, в Трептов-парке, на том самом месте, где сейчас стоит известный всему миру памятник советскому воину-освободителю, собрались рабочие, чтобы послушать Эрнста Тельмана. Среди них и мы, мальчишки. Как всегда, только Тельман начал говорить, появилась полиция. Эрнст прервал свою речь, что-то сказал стоявшим около него товарищам и неожиданно для нас резко и сильно свистнул. Толпа рабочих расступилась. Полицейские решили, что рабочие их испугались, и устремились к Тельману. Но рабочие, пропустив отряд полицейских, тесно сомкнули свои ряды. За несколько секунд, без единого крика и выстрела полицейские были обезоружены, а митинг продолжался. Вот так я впервые увидел Эрнста Тельмана...

Старый коммунист Иоханис Габель рассказывает мне о других своих встречах с Тельманом — на митингах, собраниях. Выясняется, что в 1932 году Иоханис принимал участие в охране председателя компартии во время его знаменитого выступления против растущей фашистской угрозы на митинге в берлинском Дворце спорта.

Последний раз Габель виделся с Тельманом в 1933 году на прогулке во внутреннем дворе

моабитской фашистской тюрьмы, куда оба они были заточены захватившими власть гитлеровцами...

— Эрнста Тельмана, — заключает Габель, — так и не удалось освободить из тюрьмы. Он был убит фашистами в Бухенвальде в августе 1944 года.

Входит Ирма с блюдом вкусно пахнущей картошки. И мы стараемся переменить тему.

— Какие песни любил Эрнст Тельман? — спрашиваю я.

— Самые разные, — откликаются Ирма и Иоханис одновременно. — Эрнст вообще очень любил музыку. Дома со своей семьей и с друзьями мы пели и народные немецкие песни, и русские, и революционные.

— Да, да, — оживляется Иоханис, — пели «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу» «Красная Армия всех сильней» и вот эту... «Дунья, Дунья я, комсомолёчка моя...» — смешно произнося русские слова, поет Иоханис. Мы подхватываем песню: Ирма — по-немецки, я — по-русски: «Дуня, Дуня, Дуня я, комсомолочка моя...»

И тут мы слышим стук. Кто-то робко, еле слышно стучит в дверь.

— Как вы думаете, кто это? — заговорщически спрашивает у меня Ирма. И не дожидаясь ответа, сообщает:

— Эрнст Тельман.

— Эрнст Тельман? — моя растерянность забавляет супругов Габель.

Ирма отворяет дверь, и в комнату радостно вбегает белокурый, голубоглазый мальчуган, которому, как выясняется, два года.

Увидев незнакомого человека, малыш остановился, робко прижался к Иоханису и потихоньку внимательно принялся меня рассматривать.

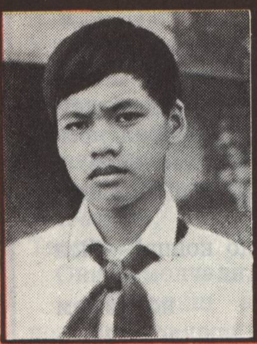
— Знакомьтесь, — говорит Габель, — это наш внук и правнук Эрнста Тельмана. Его полное имя Ёрг-Эрнст Габель-Тельман, но все зовут его Эрнстом Тельманом в честь прадедушки.

Я погладил мальчонку по белокурым, таким же, как у прадеда в детстве, локонам и легонько обнял за плечи. Маленький Тельман осмелел, придвинулся ко мне и потянулся к лежащей на столе шариковой ручке.

— Что же ты не поздоровался? — ласково спросил внука Иоханис. — Разве ты забыл, как приветствуют товарищи по партии друг друга?

Правнук Эрнста Тельмана заулыбался, поднял вверх сжатую в кулачок правую руку и звонким голосом выкрикнул:

— Рот фронт!

ЦИТАДЕЛЬ

ГАВРОШИ НАШИХ ДНЕЙ

Сергей **МАКЕЕВ**

Февраль звал на поля. Во Вьетнаме это пора посадки риса. Еще вчера на школьный двор привезли рисовую рассаду. И сегодня школьники вышли бы на поле с песней, как на праздник.

Если бы не этот грохот с северной границы...

— Тьеу, сынок! — позвала мать. — Помоги мне собраться!

Тьеу Ван Хон вошел в дом. Вещи уже связаны в узлы. Нужно только помочь одеться младшим братьям и сестрам. А их четверо. Тьеу натягивал им на ноги сандалии и башмаки, заглядывал снизу вверх в заплаканные, перепуганные глаза. Хотелось их утешить, успокоить... Но слов Тьеу не находил.

Отец вернулся со сборного пункта, где собрались ополченцы, с винтовкой за плечами и патронташем на поясе.

— Скорее, — торопил он. — Сейчас подойдут машины, заберут женщин, детей и стариков...

Улицы заполнились народом. Никто не произносил слова «война». Но все знали, что она началась. Граница с Китаем проходила всего в двадцати километрах от их поселка. Раньше ее называли «границей дружбы». Теперь зовут «границей измены», не проходит и дня без бандитских налетов, обстрелов из пушек.

Стали слышней пулеметные и автоматные очереди. На серпантине горной дороги появились бронемашины. Тьеу не мог различить иероглифов на борту. Но по цвету и форме пехотинцев понял — китайские. Из-за холмов на вражескую колонну с пронзительным пением полетели мины. Головную машину резко дернуло и развернуло поперек шоссе. В нее с ходу врезалась шедшая следом машина. Пехотинцы в панике спрыгивали на землю, многие падали, сраженные огнем

вьетнамских пограничников.

Пограничников было мало. Им пришлось прекратить стрельбу и отступить в джунгли.

Но пока шел бой, беженцы успели погрузиться на машины и повозки, запряженные буйволами. Тьеу не хватило места. Он побежал домой за велосипедом и выехал из поселка последним.

Вдруг переднее колесо фыркнуло, обод застучал по дороге. Прокол! Тьеу растерянно огляделся. Колонна китайских бронемашин въезжала в поселок.

Куда скрыться?

В километре от поселка на холме белел новый корпус завода фосфатных удобрений — гордость общины и всего уезда Хомвьет. «Там обязательно должны быть наши!» — решил мальчик. Тьеу во весь дух рванул к заводу.

— Ты почему не уехал вместе со всеми? Жизнь надоела? — напустился на него директор завода Нгуен Ить Та.— Выдрать бы тебя! Жаль времени нету... Ладно, заходи, раз уж пришел... Найди Хоанга, он тебя приспособит к делу. Знаешь Хоанга?

Еще бы Тьеу не знал Хоанга! Этот парень был секретарем комсомольцев завода, шефом их пионерской дружины. Тьеу осмотрел цех. Возле окон пристроились человек двадцать заводских рабочих и крестьян кооператива, вооруженных винтовками. В угловых окнах были установлены ручные пулеметы. У дальней стены готовились к обороне в основном молодые ребята — комсомольцы.

— Хоанг! — позвал мальчик скуластого парня со значком Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина на груди.— Хоанг, это я, Тьеу Ван Хон из восьмого класса...

— А-а, здравствуй! — насмешливо сказал Хоанг.— Ты что же это, решил производственную практику здесь проходить?! Выбрал время, нечего сказать!

— Все эвакуировались... а я не успел... — пролепетал испуганный Тьеу.

— Не горюй,— уже серьезно произнес Хоанг.— Работу мы тебе дадим: будешь набивать патронами пулеметные диски...

Мальчику отвели место подальше от окон, раскрыли ящик с патронами. Дело оказалось нехитрым.

— Внимание! — крикнул, обернувшись к товарищам, один из стрелков.— Идут! Человек пятьдесят, не меньше!

Время тянулось, как скучный урок. Снаружи доносились чьи-то резкие голоса.

— Огонь! — эхом раскатилась команда.

Защелкали винтовочные выстрелы. В ответ с улицы застучали автоматные очереди. Пули влетали в цех, щербили бетонный потолок, осыпая мальчика цементной пылью.

Но вот и пулеметы заговорили. Пулеметчик бросил к ногам Тьеу опустевший горячий диск, а сам приладил новый и снова открыл огонь. Тьеу принялся за дело. Сначала пальцы не слушались, дрожали руки. Но странное дело! — скоро работа успокоила его, даже стала казаться будничной...

После перестрелки тишина звучала громче пальбы. Бойцы отходили от окон. Затворы выплевывали на пол желтые гильзы.

Хоанг подошел к мальчику и сказал озабоченно:

— У нас двое раненых. Один совсем плох... Это тебе, Тьеу.— Парень протянул мальчику карабин.— Вставай вон к тому окну. Будь осторожен...

Через поселок, вздымая тучи пыли, двигались на юг китайские бронемашины и танки, маршировали пехотинцы. А у подножия холма, на котором стоял завод, сосредоточилось уже пятьсот китайских солдат. Они готовились к новой атаке и построились цепью.

На полпути к заводу защитники встретили их дружным залпом. Китайцы залегли. Они приближались то ползком, то короткими перебежками.

Тьеу вспомнил, как учил его тренер в стрелковом кружке: плотно прижал приклад к плечу, чуть касаясь щекой полированной поверхности, прицелился. Один китайский солдат вскочил на ноги и согнувшись побежал. Тьеу задержал дыхание и плавно нажал на спусковой крючок. Враг выронил автомат и упал. Тьеу перезарядил карабин.

В тот день ополченцы отбили три атаки. На другой две. Потом снова три. На четвертый день у них вышли продукты, кончилась вода, были на исходе боеприпасы. Раненые мучились без лекарств, просили пить.

— Эй, вы! — закричали снаружи в мегафон на ломаном вьетнамском языке.— Выходите и сдавайте оружие! Помощи вам ждать неоткуда. Если через пятнадцать минут не поднимете белый флаг,— пощады не будет!

Нгуен Ить Та собрал коммунистов и комсомольцев.

— Какое примем решение, товарищи?

— Стоять до конца! — был ответ.

— Давайте поднимем флаг,— вдруг предложил Хоанг.— Только не белый, а красный!

— Верно, поднимем красный флаг! Пусть бесятся китайцы! — поддержали его ополченцы.

— Здорово придумано,— похвалил директор.— Только где мы возьмем красный флаг? Знамя завода я отправил в тыл вместе с техническими документами...

— У меня идея! — воскликнул Хоанг и вскочил с места.— Я сейчас!

Скоро он вернулся вместе с Тьеу. На груди мальчика был красный пионерский галстук.

— Маленькое, но знамя! — тихо сказал Хоанг.

Через пятнадцать минут пионерский галстук на длин-

ном бамбуковом шесте был поднят над крышей завода.

Ночью в окно первого этажа влетел камень. К нему была привязана записка: «Не стреляйте. Свои».

Вот на пороге появилось несколько мужчин. Кто-то включил фонарик, и Тьеу не поверил своим глазам: впереди шел его отец!

Отец и сын обнялись.

— Папа, ты останешься с нами? — осторожно спросил Тьеу. Ему очень хотелось, чтобы отец был рядом. Одновременно он боялся, что отец уведет его в джунгли и отправит в тыл.

— Нет, сынок, — ответил тот. — У моего отряда другое задание. Но я постараюсь навещать тебя. Мы будем приносить вам из джунглей еду, воду, патроны...

— А мама? А братья, сестры? С ними ничего не случилось?

— Не беспокойся. Они в тылу, — успокоил отец. — Удалось эвакуировать почти всех... Но четырнадцать человек — те, кто отстал по дороге, — убиты. Там были женщины и дети, старики...

— Четырнадцать... надо запомнить, — прошептал Тьеу.

Они замолчали.

— Товарищ командир, — позвал кто-то отца Тьеу. — Светает, пора уходить...

Отец поднялся и пожал сыну руку.

День проходил за днем. Иногда враги атаковали завод по три-четыре раза. Все испробовали: лобовые атаки, обходы с флангов, с тыла. Напрасно! Ряды нападавших редели.

Пятерых ополченцев похоронили защитники завода ночью во дворе. Число раненых росло с каждым днем.

Однажды утром Тьеу разбудил грохот канонады. Но теперь пушки ревели не с севера, а с юга. Мальчик выглянул в окно. Через поселок возвращались потрепанные, пропыленные китайские полки.

Китайцы начали новую атаку на завод, с ожесточением лезли под пули. Ополченцы поняли, что эти атаки последние...

— Смотрите! — закричал вдруг Тьеу. — Они взорвали школу!

Дым и пыль медленно оседали в том месте, где совсем недавно была новая школа.

Раздался новый взрыв — и рухнули стены поселковой больницы. Языки пламени охватили многие дома. Горел и дом, где жил Тьеу...

Наутро в поселок вошли вьетнамские солдаты. Ополченцы покинули свою цитадель. Тридцать дней и ночей длилась китайская агрессия. Тридцать дней и ночей отчаянно сопротивлялась маленькая крепость!

...Тьеу стоял над развалинами своего дома. Ветер перелистывал книги с обгоревшими листами...

— Ничего, сынок, мы построим новый дом, еще лучше прежнего, — сказал отец и положил руку на плечо.

— Я знаю!

— Отчего же ты плачешь?

— Помнишь, ты сказал, что китайцы убили четырнадцать наших? В тот день я поклялся расквитаться за каждого. А сумел отомстить только за четверых...

— Ты помог отстоять завод. Это важнее, чем месть. А всего важнее сейчас мир. Но ты не забывай свой счет врагу. Береги Вьетнам. Ты понял меня, сынок?

Слезы бежали по лицу Тьеу. Он не мог говорить, только кивнул головой.

Артур ОЛО

Одноглазый дрозд

СКАЗКА

Пересказ с французского
Сергея МИХАЛКОВА.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Фрэдэрика была не в духе. Ей было не по себе. Фрэдэрика скучала. Красивый бумажный кораблик, приклеенный мамой на оконное стекло, потерял одну мачту — ночью ее сорвал ветер. Кукла Колета, уткнувшись носом в диванную подушку, мрачно молчала. Разноцветные кубики утратили свой блеск. Смешной пес из белой клеенки, время от времени, кивая своей квадратной головой, напрасно старался развлечь Фрэдэрику, она не обращала на него никакого внимания. Ей действительно было не по себе. Она не имела никаких желаний. Ей просто было скучно.

Из сада доносилось пение Дрозда.

— Почему он поет? Что его так радует? — спрашивала себя Фрэдэрика.

Наконец она заставила себя выглянуть в окно, чтобы посмотреть на Дрозда. Она увидела его на старой яблоне. Дрозд весело перескакивал с ветки на ветку, прогуливался по ним, останавливался, снова гулял и снова скакал, не переставая при этом петь.

Фрэдэрика вышла в сад и подошла к яблоне.

— Дрозд! Эй, Дрозд! Чему ты так радуешься? — прокричала Фрэдэрика, обращаясь к Дрозду. — Отвечай!

Дрозд наклонил головку набок, взглянул на девочку красивым черным глазом, вытянул шею и громче прежнего засвистел.

Фрэдэрика громко хлопнула в ладоши.

— Дрозд! Эй, Дрозд! Послушай меня!

Дрозд перескочил на самую высокую ветку, прошелся по ней, свистнул, но не ответил. Теперь Фрэдэрике едва-едва был виден кончик его хвоста.

— Милый Дрозд! — более вежливо сказала Фрэдэрика. — Спустись пониже и поговори со мной!

Дрозд сделал три прыжка с ветки на ветку и очутился прямо над головой Фрэдэрики.

— Отступи немного! — попросил он.

— Хорошо, я отойду! — послушалась девочка и отошла от яблони на два шага.

Дрозд снова засвистел.

— Скажи, пожалуйста, почему ты так свистишь? — уже совсем вежливо спросила Фрэдэрика.

— Потому что я весел, ответил Дрозд.

— А почему ты весел?

— Потому, что я доволен.

— А почему ты доволен? — не унималась Фрэдэрика. — Я вот с самого утра скучаю. Мне грустно и мне ничего не хочется.

— Делай, как я — свисти! — посоветовал Дрозд.

— Я не умею свистеть. Впрочем, я немного пою, но это бывает так редко! — призналась Фрэдэрика, и у нее на глаза навернулись слезы. — А вот, чем ты доволен, я никак не пойму.

— Теперь подойди поближе! — решительно сказал Дрозд.

— Как поближе? — не поняла Фрэдэрика.

— Встань на гриб, который растет возле яблони!

— Но я же его раздавлю!

— Ты его не раздавишь! — уверенно сказал Дрозд. — Делай так, как я сказал.

Фрэдэрика осторожно поставила ногу на шляпку большого гриба. К своему удивлению, она его не только не раздавила, но, когда встала на его широкую шляпку двумя ногами, гриб начал неожиданно подниматься, как подъемная машина, и через мгновение Фрэдэрика очутилась на одной высоте с Дроздом.

— Садись рядом со мной! — приказал Дрозд и подвинулся на толстой ветке. Фрэдэрика послушалась. Гриб тотчас исчез.

— Ой! — испугалась Фрэдэрика. — Как же я отсюда слезу?

— Не беспокойся! — сказал Дрозд. — Он вернется! — И снова засвистел.

— Можно не свистеть, когда я с тобой разговариваю? — рассердилась Фрэдэрика. — И ответь мне, наконец, на мой вопрос: почему ты так весел?

— Я весел потому, что в отличие от тебя,

всем доволен! — задорно ответил Дрозд. — Я весел потому, что на все смотрю одним глазом. Я Одноглазый Дрозд!

Фрэдэрика задумалась.

— Я тебя не понимаю! — сказала она, помолчав.

Дрозд запрокинул головку и снова запел. А когда кончил свистеть, сказал:

— Я могу тебе объяснить свое состояние. Это очень просто. В жизни все имеет две стороны: прекрасную и уродливую. Так как я Одноглазый, я всегда вижу только одну сторону: прекрасную. Вот почему я никогда не грущу. И затем, Солнце! Любишь ли ты Солнце? Лично я глотаю его!

Фрэдэрика задумалась, а потом сказала:

— Мама сшила мне сарафан специально для загара, чтобы мое тело было побольше открыто. Это так приятно — солнце на теле! Но мама говорит, что это опасно — можно сгореть!

— Твоя мама так говорит, потому что она смотрит в два глаза! — убежденно сказал Дрозд. — А у меня только один, и я вижу им только хорошее. Я сказал тебе, что я глотаю Солнце, когда пою?

Сказал. Но как же ты его глотаешь? — удивилась Фрэдэрика.

— Я открываю свой клюв, и оно золотит мне горло! — объяснил Дрозд. — Вот почему так хорош мой свист.

А когда идет дождь?

— Тогда я свищу, чтобы Солнце вернулось. И оно возвращается и опять золотит мне горло. Когда я свищу, я весел и всем доволен. Ты поняла?

— Да, но ты Одноглазый! — возразила Фрэдэрика.

— А какой толк от того, что ты Двуглазая, когда ты скучаешь, ворчишь и всем недовольна, если верить твоим словам.

Ну, ладно! — сказала Фрэдэрика. — Можешь не верить. На сегодня хватит. Как мне отсюда слезть на землю? Откровенно говоря, мне надоело с тобой разговаривать.

— До свиданья, Жаворонок! — неожиданно сказал Дрозд и перелетел на макушку большого тополя. Теперь Фрэдэрика его уже не видела, а только слышала его свист. Волшебного гриба под яблоней не оказалось. Очевидно, его съела коза. Пришлось на помощь звать маму. Та пришла и принесла лестницу. Фрэдэрика молча спустилась на землю и, не говоря ни слова, побежала в дом. Мама так и не поняла, как ее девочка оказалась на яблоне.

* * *

— Здравствуй, Дрозд!

— Здравствуй, Фрэдэрика!

— Скажи мне, Дрозд, почему ты в прошлый раз назвал меня Жаворонком?

Фрэдэрика вышла в сад и подошла к яблоне.
— Дрозд! Эй, Дрозд! Чему ты так радуешься? — прокричала она.

— Не знаю. Мне показалось, что ты похожа на Жаворонка. Я не раз слышал, как ты смеешься. Ты ведь не всегда такая, ты умеешь смеяться. Когда ты хохочешь, твой смех напоминает мне трель Жаворонка. А потом ты вдруг начинаешь капризничать и плачешь. И правда же, это не очень красиво!

— Мне трудно задирать голову, когда я с тобой разговариваю, — сказала Фрэдэрика. — Спустись пониже!

— А ты поднимись ко мне! — возразил Дрозд.

— О, нет, — сказала Фрэдэрика. — Прошлый раз ты меня обманул со своим грибом. Он так и не вернулся. И мне попало от мамы.

...Соловей в один прекрасный день, когда Солнце пекло особенно сильно, выпил столько солнечных лучей, что обжег себе горло.

— Но достаточно полететь! — сказал Дрозд.

— Каким образом? — удивилась Фрэдэрика. — Я ведь не птица и не бабочка!

— Это очень просто: закрой один глаз!

— Зачем?

— Твои вопросы мне надоели, — рассердился Дрозд. — Один твой глаз говорит, что ты умеешь летать, а другой — что не умеешь. Закрой тот глаз, который говорит, что ты не умеешь.

Фрэдэрика попробовала закрыть один глаз, но напрасно она при этом размахивала руками, ноги ее оставались на земле.

— Ты видишь, Дрозд! У меня ничего не получается!

— Конечно, вижу! — ответил Дрозд. — И не получится, если ты будешь закрывать оба глаза. Закрой только левый, а правый оставь открытым.

Фрэдэрика послушалась Дрозда. Она закрыла левый глаз, правый широко открыла и замахала обеими руками, как крыльями. В то же мгновение она оторвалась от земли.

— Сюда, сюда! Ко мне на ветку! — позвал ее Дрозд и подвинулся, чтобы дать девочке место. — Как видишь, это совсем не трудно. Стоит только очень захотеть...

* * *

Дома шла большая уборка. Мокрой тряпке, новому венику, половой щетке и старому пылесосу хватало работы. Мама выжала тряпку в ведро с водой и посмотрела на Фрэдэрику.

— Фрэдэрика! Почему ты закрываешь один глаз? — спросила она.

— Чтобы быть веселой.

— Странная идея. Кто дал тебе такой совет?

— Дрозд.

— Какой Дрозд?

— Одноглазый.

— Любопытно, — пожала плечами мама. — Впрочем, если Дрозд так сказал... Но разве это тебе не мешает?

— Нисколечко, мамуля!

И тут Фрэдэрика наткнулась на свернутый ковер, который она не заметила из-за своего закрытого глаза Она упала и опрокинула ведро с водой.

— Не плачь! — сказала мама. — Но на всякий случай, советую тебе закрывать один глаз только при встречах с Одноглазым Дроздом.

* * *

С самого утра Фрэдэрика не слышала пения своего друга и забеспокоилась, не улетел ли он?

После обеда она выбежала в сад и еще раз обошла все деревья. Дрозда нигде не было видно и слышно.

«Может быть, он перелетел к соседям?» — подумала Фрэдэрика. Но ни Жанина, ни Моника, ни Роже, ни Филипп, никто из ее друзей не видел и не слышал Дрозда. В полном отчаянии Фрэдэрика стала громко звать:

— Одноглазый Дрозд! Где ты? Где ты?

— Я здесь, что нужно тебе от меня? — послышался неожиданно откуда-то сверху недовольный голос.

Фрэдэрика подняла голову и увидела своего одноглазого друга. Он сидел на самом краю крыши и исступленно тряс головой.

— Что с тобой? — участливо спросила Фрэдэрика. — Я с утра тебя ищу. Что случилось?

Дрозд еще сильнее затряс головой.

— Ветер загнал камень в мой единственный глаз! И я был вынужден открыть другой, чтобы летая не разбить себе голову о деревья. И вдруг я увидел, как все противно и уродливо! Ах, я несчастный!

— Эх ты, дурачок! — сказала Фрэдэрика. — Спустись ко мне, и я вылечу тебя.

Дрозд, ахая и охая, спустился с крыши.

— Дай мне перышко! — попросила Фрэдэрика.

— Возьми его сама! — проворчал Дрозд.

Фрэдэрика вытянула из дроздиного хвоста маленькое перышко.

— Открой засоренный глаз! — сказала она.

Дрозд неохотно приоткрыл глаз. Большая слеза выкатилась из него прямо на руку Фрэдэрики.

— Как неприятно! — воскликнул Дрозд. Как неприятно!

— Потерпи! — сказала Фрэдэрика и нежно провела перышком по гладкой поверхности черного блестящего глаза.

— Ну, вот! — сказала Фрэдэрика. — Это всего-навсего маленькая песчинка! Но в глазу она казалась огромным камнем. Я освободила тебя от него! — И Фрэдэрика весело рассмеялась.

Дрозд клюнул Фрэдэрику в руку, взлетел на ближайшую ветку вишневого дерева и начал клевать вишни. Он был опять счастлив.

— Как хороша жизнь! Я опять могу радоваться, петь! Мой глаз опять открыт для всего прекрасного! — запел он.

— Ты мог бы меня поблагодарить! — крикнула Фрэдэрика. — Вместо этого ты клюнул меня в палец и сделал мне больно!

— Закрой глаз, который видит все в дурном свете! — весело ответил Дрозд.

* * *

— Вчера ночью я слушала Соловья! — сказала Фрэдэрика.

— Ночью надо спать, — сказал Дрозд.

— Я проснулась и уже не могла заснуть. А он пел.

— Почему ты думаешь, что это пел Соловей? — спросил Дрозд.

— Мама тоже проснулась, и она сказала: «Послушай, как поет Соловей!»

— Он пел лучше меня? — как бы между прочим спросил Дрозд.

— Нет, — ответила Фрэдэрика, — но иначе. Когда ты свистишь, у меня появляется желание смеяться, прыгать и кувыркаться в траве. Это так весело. Но когда он пел, мне хотелось прижаться к маме. Не знаю почему, но нам обеим было грустно.

— Как глупо пением наводить грусть на окружающих! — воскликнул Дрозд.

— А сам Соловей грустный? Ты его знаешь? — спросила Фрэдэрика.

— Конечно, грустный! — сказал Дрозд. — Не по-настоящему грустный, нет! Но у него всегда глаза на мокром месте. Он это называет меланхолией. Впрочем, он не всегда был такой.

— Расскажи, каким он был, — попросила Фрэдэрика.

— Когда-то, давным-давно, Соловей был прелестной серой птичкой с голосом не больше воробьиного. Он не умел ни петь, ни свистеть, как мы — птицы-певцы. Однажды мой дедушка стал подтрунивать над дедушкой Соловья потому, что тот умел только кое-как чирикать. «Если б я захотел, — рассердился Соловей, — то я бы пел так же хорошо, как ты». «Попробуй!» — посоветовал ему мой дедушка. Дедушка Соловей стал следить за дедушкой Дроздом и заметил, что тот каждое утро глотает солнечные лучи. Соловей решил сделать то же самое, и в один прекрасный день, когда Солнце пекло особенно сильно, он широко раскрыл свой клюв и выпил столько солнечных лучей, что сжег себе горло и больше не мог не только чирикать, но вовсе потерял голос.

— А почему тогда твой дедушка не обжигался? — спросила Фрэдэрика.

— Ты не догадалась?

— Нет, — призналась Фрэдэрика.

— Мой дедушка, как и я теперь, пил Солнце на заре, когда солнечные лучи мягкие и теплые. А если бы мы ждали полудня, то и мы бы обжигались. Итак, дедушка Соловей потерял голос. Но один из его сыновей, более умный, решил: «Если мой папа обжегся Солнцем, значит, нужно найти другое средство, чтобы научиться петь». В тот же самый вечер, увидев на небе ясную, круглую Луну, он начал глотать ее лучи один за другим. И, представь себе, он запел. Песня его была сладкая, томная, но немного грустная. Грустная, как сама Луна, которая никогда не смеется. И вот с тех пор, когда Солнце заходит, соловьи начинают петь.

— Какая изумительная история! — прошептала Фрэдэрика.

Дрозд замолчал, потому что заметил маленькую гусеницу, которая к нему приближалась, не предполагая, что́ ее ждет.

* * *

Зима была очень суровая. К счастью Одноглазого Дрозда, Фрэдэрика его не забывала, она пустила его жить на чердак и ежедневно кормила хлебными крошками.

Но вот уже несколько дней, как морозы стали спадать и бледное Солнце медленно, как после долгой болезни, но все чаще показывалось на небе.

Как-то солнечным утром Дрозд взлетел на крышу дома и засвистел, что есть мочи.

— Зиме конец! Зиме конец! — свистел он. — Скоро Весна! Скоро Весна!

Однажды при встрече с Фрэдэрикой он сказал:

— Ты убедилась, что умеешь летать. Хочешь, я на днях возьму тебя с собой?

— Куда? — спросила Фрэдэрика.

— На птичий праздник! — ответил Дрозд. — Птицы будут отмечать начало Весны. Для нас, певчих птиц, это великий праздник.

— Хорошо, — согласилась Фрэдэрика, — но я не умею петь, как вы.

— Это неважно, — сказал Дрозд. — Ты будешь только смотреть и слушать. Тебе придется помолчать, иначе ты можешь напугать птиц-певцов, и они улетят. Тогда ты сорвешь наш праздник.

— А как он проходит? — поинтересовалась Фрэдэрика.

— Сначала мы все вместе поем «Гимн Весне», — сказал Дрозд. — Затем каждая птичья семья произносит свои пожелания к наступающему году. После этого присуждают награды за лучшие пожелания: солнечные лепешки, лунные пирожные, ледяные сосульки, которые еще до конца не растаяли.

— Ты тоже будешь награжден? — спросила Фрэдэрика.

— Нет, я состою в Жюри, — ответил не без гордости Дрозд. — Я буду присуждать награды победителям. С моим пением считаются.

— И когда же мы полетим? — спросила Фрэдэрика.

— Скоро. Очень скоро. Я тебя предупрежу, — сказал Дрозд и начал приводить в порядок свои перышки.

Через три дня установилась восхитительная погода. Небо было такое голубое, как мамино праздничное платье. Солнце светило и грело вовсю.

Воробьи чирикали до умопомрачения.

— Мы улетаем, Фрэдэрика! — объявил Дрозд.

— Когда?

— Сейчас.

— Мне надо собраться, — сказала Фрэдэрика. — И потом я не знаю, сумею ли я лететь? Прошлый раз я ведь только попробовала.

— И очень удачно, — сказал Дрозд. — А собираться в дорогу незачем. Полетишь налегке. Только закрой как следует свой плохой глаз, а то ты можешь упасть на землю. Погоди, я придумал, как подтолкнуть тебя.

Дрозд сделал знак Тополю. Тополь склонился к ногам девочки.

— Ухватись за него и — в путь-дорогу! — крикнул Дрозд.

Фрэдэрика ухватилась обеими руками за макушку Тополя, тот быстро выпрямился, и Фрэдэрика очутилась в воздухе рядом с Дроздом.

Они летели рядом, набирая скорость. Фрэдэрика на лету заклеила свой левый глаз кусочком пластыря, который оказался в кармашке ее платья. Теперь глаз был надежно закрыт. Вскоре Дрозд и девочка были окружены сотнями птиц, летевшими в том же направлении.

— Куда они летят? — спросила Фрэдэрика.

— Туда же, куда и мы, на «Праздник Весны», — ответил Дрозд. — Не разговаривай со мной, мы уже приближаемся.

Они были над лесом. Дрозд показал на полянку:

— Опустись тут. Встань за сосну, за всем наблюдай, но молчи. Когда все закончится, я прилечу за тобой.

Фрэдэрика плавно опустилась на траву и спряталась за ствол большой сосны. Вокруг полянки все деревья были усеяны птицами, которые шумно и радостно переговаривались. Одни без умолку щебетали, другие пели, не обращая внимания на окружающих. На одной из берез группа Жаворонков без конца репетировала свои трели. Вокруг стоял праздничный птичий гомон и гам. И вдруг все стихло. На полянке появился Попугай. Переваливаясь с ноги на ногу, он направился к большому пню и лениво взобрался на него. В ту же минуту к Фрэдэрике подскочил Дрозд.

— Смотри хорошенько! — предупредил он Фрэдэрику. — Праздник начинается.

— Кто это? — шепотом спросила Фрэдэрика, показав в сторону Попугая.

— Это Попугай! Он Председатель Жюри! — ответил Дрозд.

— Как странно, ведь сам он не умеет петь.

— Зато у него прекрасный слух! — сказал Дрозд. — И потом, лучше его никто не умеет произносить речей. К тому же он никому не завидует, потому что живет в домашних условиях, на всем готовом.

— Как же он сюда попал?

— Очень просто. Каждую Весну он находит возможность удрать на денек из своей клетки. Не знаю, что бы мы сегодня без него делали, — объяснил Дрозд.

Попугай, не двигаясь с места, три раза хлопнул крыльями. Краски его бесподобного оперения переливались на солнце.

Сигнал Попугая был встречен невообразимым шумом крыльев. Все птицы постарались занять места поближе к Попугаю. Они расселись группами, и Дрозд называл Фрэдэрике каждую группу в отдельности.

— Видишь, это — Жаворонки. Возле них — Синицы. А вот это Малиновки в ярких жилетах. Сбоку — Снегири. Поближе к ним — Зяблики желтые, коричневые и других цветов. Позади них Соловьи, а рядом мои однофамильцы. Видишь?

— Я вижу еще Воробьев! — сказала Фрэдэрика.

— К сожалению, и они здесь, — сказал Дрозд. — Их много больше ста, но от них не отделаешься, раз они уже тут. Теперь я возвращаюсь на свое место возле Попугая. А ты притаись и не очень выглядывай из-за сосны, а то

тебя могут увидеть. Наблюдай и молчи, как рыба!

Одним прыжком Дрозд очутился около других важных птиц, собравшихся на толстой ветке рядом с Попугаем.

«Это Жюри!» — подумала Фрэдэрика.

Тут были птицы разного рода и, без сомнения, лучшие певцы. Попугай важно посмотрел вокруг, вытянулся и неожиданно сильно ударил своим клювом о пень, на котором стоял. Вокруг воцарилась мертвая тишина.

— Друзья мои! — произнес хриплым голосом Попугай. — Друзья мои! Настал великий день Весны! Вы приглашены сюда достойно отметить это событие, дающее нам надежду на теплые гнезда, пшеничные зерна, спелые вишни, вкусных гусениц, горячее солнце, прозрачную воду и для меня, быть может, фисташки! Споем наш Гимн Весне! Я начинаю: ля-я-я!

Это «ля» прозвучало так фальшиво, что Фрэдэрика чуть не вскрикнула. Впрочем, птицы сделали вид, что ничего не заметили. Только Воробьи, как по команде, нагло захохотали. Попугай строго посмотрел в их сторону, и смех затих. И тут все, кто умел петь, запели хором:

Жаворонки:
Земля очнулась после сна,
Ушла Зима, пришла Весна,
Над нами небо ясное!
Весенний лес шумит листвой
И вновь у нас над головой
Сияет Солнце красное!
Чем выше будет в поле рожь,
Тем ты гнездо спокойней вьешь!

Все птицы хором: *Так пусть же это сбудется!*

Синицы:
Весна! Для наших птичьих стай
Побольше вкусных мошек дай!

Все птицы хором: *Так пусть же это сбудется!*

Вокруг стоял
праздничный птичий гомон и гам.
На полянке появился Попугай.

Снегири:	*Побольше ягод на кустах*
	Во всех лесах, во всех садах!
Все птицы хором:	*Так пусть же это сбудется!*
Зяблики:	*Пусть будет летом меньше гроз*
	И славно вызреет овес!
Все птицы хором:	*Так пусть же это сбудется!*
Соловьи:	*Пусть ночью, глядя на луну,*
	Мы нарушали тишину!
Все птицы хором:	*Так пусть же это сбудется!*
Дрозды:	*Побольше солнышка дроздам,*
	Чтоб веселее было нам!
Все птицы хором:	*Так пусть же это сбудется!*

Птицы кончили петь Гимн Весне, и снова на полянке воцарилась тишина. Все замерли на своих местах в ожидании наград. Попугай откашлялся и только было начал говорить, как вокруг поднялась адская суматоха. Воробьи загалдели разом. Что они кричали, никто разобрать не мог. Но они галдели так, будто что-то случилось, будто всем грозит беда. Испуганные Жаворонки тотчас же поднялись высоко в небо. Синицы спрятали головки под крылышки и замерли. Дрозды-бойцы застыли с открытыми клювами, задыхаясь от негодования. Тихо плакали Соловьи, а любопытные Зяблики налезали друг на друга, чтобы лучше разглядеть, что происходит. Что касается Попугая, то он, видимо, мало что соображая, смотрел на разбушевавшихся Воробьев. Постепенно шум стих, и один из Воробьев обратился к остолбеневшим членам Жюри.

— Мы тоже желаем петь! — выступив вперед, заявил толстый Воробей. — Чем мы хуже вас? Мы тоже кое-что разучили в честь праздника Весны! И если вы не согласитесь это услышать, то мы вас ошарашим таким шумом, что вам придется спасаться!

Услышав такое требование, члены Жюри решили уступить. Председатель Попугай тоже согласился.

Жаворонки падали с неба, как дождь. Синицы вытянули головы из-под крыльев. Зяблики расселись обратно по своим местам. Все приготовились слушать.

Толстый наглый Воробей взлетел на ветку. Все воробьиные головы повернулись к нему. Это развеселило Фрэдэрику, которая за всем внимательно наблюдала. И тут Воробьи дружно заголосили:

— Лошадиный навоз! Лошадиный навоз! Лошадиный навоз!

Услышав такое, Попугай свалился с пенька вниз головой на траву, да так и остался лежать без сознания. Поднялся ужасный переполох. Певчие птицы все, как один, сорвались со своих мест и взмыли в небо. Только их и видели...

Когда перепуганная Фрэдэрика очнулась, то никак не могла понять, каким образом она очутилась в своем саду под яблоней.

С ветки смотрел на нее Дрозд. Оба его глаза были широко открыты, и, глядя на девочку, он плакал.

— Не плачь! — обратилась к нему Фрэдэрика. — Закрой лучше один глаз.

— Нет, — ответил Дрозд. — Сегодня я понял, что на мир надо смотреть двумя глазами.

Новогодняя встреча

Дело не из легких

«Как становятся артистом?»

Гриша Синицын, Ставропольский край, и еще двести пятьдесят восемь мальчиков и девочек.

КОНСТАНТИН РАЙКИН, артист театра «Современник»:

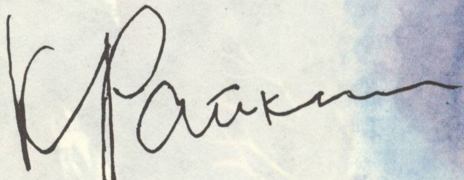
— Несколько лет подряд моему папе писал один мальчик и каждое свое письмо начинал так: «Здравствуйте, меня зовут Саша, фамилия Калягин. Я учусь в четвертом (пятом, шестом, седьмом...) классе и мечтаю стать артистом. Возьмите меня к себе в театр — я больше не хочу учиться в школе...» Папа долго убеждал его, что артист должен быть очень грамотным, эрудированным и что непременно надо закончить школу, прежде чем идти учиться актерскому искусству. Мальчик послушался его. Сейчас вы все знаете прекрасного артиста Александра Калягина. Я вспомнил этот эпизод специально, чтобы еще раз повторить ребятам папины слова, на мой взгляд, абсолютно верные: никакой одаренностью, никаким талантом не заменить невежество и неграмотность.

Дело, за которое вы хотите взяться, прямо скажем, не из легких. Вы, наверное, даже не подозреваете, какая кропотливая работа стоит за хорошим спектаклем, за любой сыгранной ролью. Надо иметь сильную волю, если понадобится—уметь перебороть в себе сомнения и даже... страх.

В фильме Никиты Сергеевича Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих» есть эпизод, где я прыгаю со скалы в реку. Течение в горной реке, которую снимали, было на редкость стремительное. А если захочешь попробовать ногой водичку, то собьет.

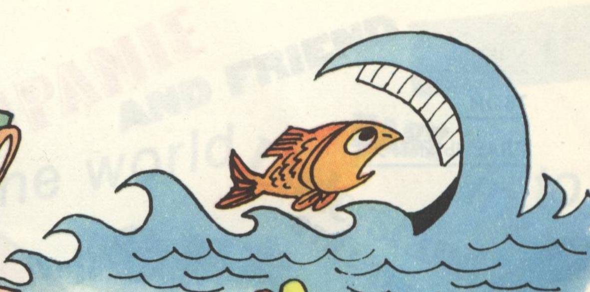
Целыми днями здесь работали водолазы: исследовали дно, измеряли глубину. Мы с режиссером подходили к ним за консультацией. И вот наступил день съемок. Включили камеры и навели на меня. Мне вдруг стало так страшно, все сжалось внутри. Но отступать было некуда: мотор шел...

Я прыгнул. А потом ко мне подходили люди, пожимали руку. Старые горцы, наблюдавшие за съемкой, похлопывали меня по плечу, говорили добрые уважительные слова. Мне показалось, что я самый счастливый человек на свете...

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Чем питаются реки?

Ученик: Рыбой.

Романова, Захарова,
Свердловская область.

* * *

Учитель: Что является спутником нашей планеты?

Ученик: Спутником нашей планеты является Галилей Галилео.

В. Подорожный,
Донецкая область.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель: Что такое Эллада?

Ученик: Это новая марка машин.

Таня Демидова,
Сырдарьинская область.

* * *

Учитель: Кем была заселена территория Германии в III веке?

Ученик: В III веке Германия была заселена болотами и лесами.

* * *

Учитель: Что такое мумия?

Ученик: Это жена фараона.

Таня Сухорослова,
Пермская область.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница: Что такое соцветие?

Ученик: Это цветы, сложенные в кучку.

Ирина Данилова,
г. Небит-Даг.

НА УРОКЕ ГЕОМЕТРИИ

Учитель: Какой треугольник называется прямоугольным?

Ученик: У которого все углы прямоугольные.

Галя Рубцова и Люда Филь,
г. Арзамас.

НА УРОКАХ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница: Почему як покрыт густой и длинной шерстью?

Ученица: Потому что он дикий.

* * *

Учительница: Расскажи нам, пожалуйста, о ящерицах.

Ученик: Ящерицы быстро бегают, несмотря на то, что волочат свое тело за собой.

Эдик Сарапас,
г. Мурманск.

Из школьных сочинений

«Когда молодой Чичиков дорос до молодых лет, он...»

«Дни летели день за днем, обгоняя друг друга».

«Вскоре дерево намокло так — хоть выжимай!»

«Суворов очень хотел стать суворовцем».

«На дороге стояла пыль столбом, так что нельзя было пройти».

«Из распахнутой нараспашку рубашки выглядывали ярко-голубые глаза».

«Собака приветливо улыбалась».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

УЧЕНЬЕ — ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ТРУД

СЕКРЕТЫ КОМАРОВОЙ

Сегодняшний урок в нашей рубрике ведет Николай Григорьевич ПОТАШОВ, учитель английского языка

Наверное, нет школьника, который не мечтал бы проснуться однажды утром и вдруг легко и свободно заговорить по-английски (немецки или французски)! Но вместо чуда — долгое сидение над учебником и словарями, неуклюжее произношение, дрожание перед очередным вызовом к доске. Может, поэтому так часто спрашивают ребята в письмах: «Как изучать иностранный язык?», «Правда ли, что можно овладеть английским за несколько месяцев?», «Как исправить оценки по иностранному?»

Часто можно услышать: «Вот Комаровой язык дается, а у меня, наверное, способностей нет». В чем же секрет Комаровой? Я уверен: ее секрет — это ПАМЯТЬ и ВОЛЯ. Не спеши разочаровываться, не торопись считать себя несчастным из-за того, что у тебя их нет. Качества эти, абсолютно необходимые для изучения иностранного, можно и нужно развивать.

Что же значит «воля», если речь идет об иностранном языке? «Волевой человек» Комарова, я думаю, умеет заставить себя ВСЛУХ и МНОГОКРАТНО проговорить все, что задается учителем для чтения.

Сделать усилие и составить монолог с новыми словами, такими на первый взгляд скучными и труднопроизносимыми. И даже сверхусилие, чтобы победить свое косноязычие, говорить уверенно, не боясь, что речь выглядит смешной и есть ошибки.

Теперь, что значит ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ?

Прежде всего умение заставить работать все виды памяти: и механическую, и зрительную, и образную, и логическую.

Некоторые ребята, опасаясь прослыть зубрилами, стесняются признаться себе, что иностранные слова им приходится чаще всего запоминать МЕХАНИЧЕСКИ. Изучая иностранный, стыдиться этого не стоит. Слов и выражений огромное количество, а урок длится сорок пять минут, и всего-то их два в неделю... Значит, должны работать ВСЕ ВИДЫ ПАМЯТИ. И обязательно механическая. Особенно много значит обыкновенная зубрежка в самом начале, когда только начинаешь заниматься языком.

Потом, когда появится «чувство языка», ты все больше и больше будешь полагаться на память ЛОГИЧЕСКУЮ. Запоминание будет уже осмысленным. Новое слово back (спина) может напомнить тебе другое похожее. Скажем: back-bag (чемодан). Или salt (соль) сотнесется с другим противоположным по ощущению sugar (сахар). Тот, у кого хорошая ОБРАЗНАЯ память, может, произнося новое слово, воображать предмет, который оно означает.

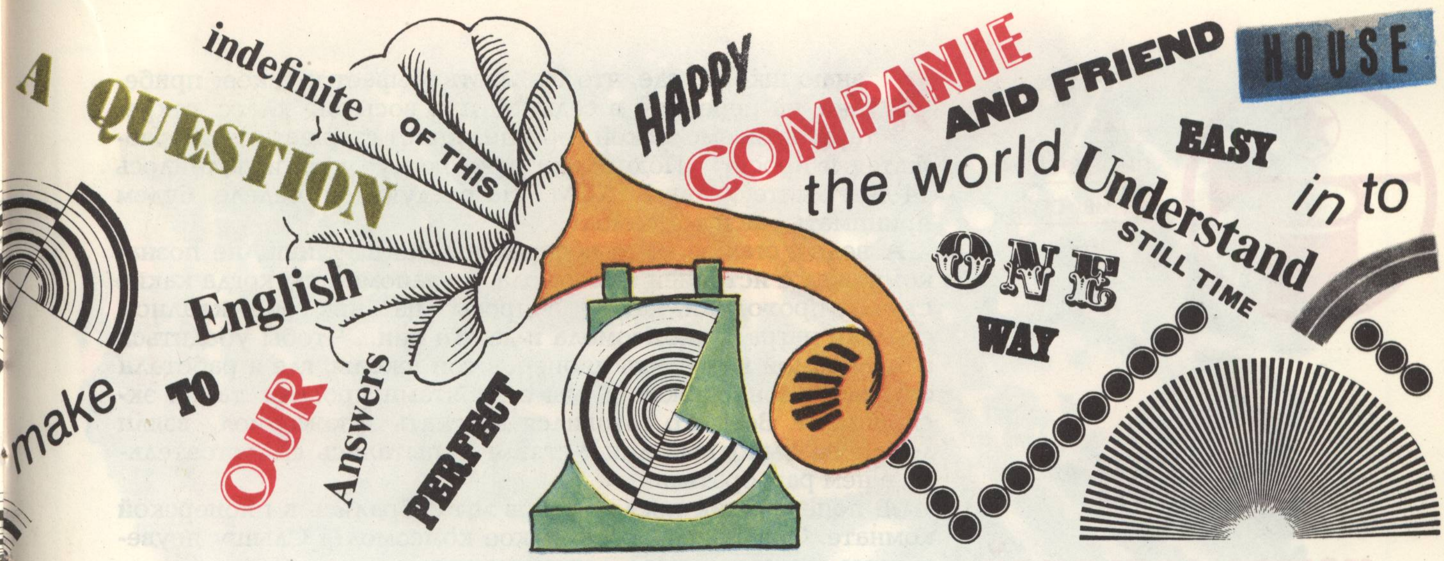
Научиться удерживать в памяти слова и правильно произносить их чрезвычайно важно, но это только лишь основа. (Кстати, не стесняйся подражать учителю или диктору на магнитной записи — только так можно добиться верной интонации, произношения.)

Мы ведь никогда не говорим отдельными словами! Значит, надо СТРЕМИТЬСЯ ЗАПОМИНАТЬ НЕ СЛОВА, А ФРАЗЫ. **Не семь слов сумей выучить за урок (раньше это считалось нормой), а семь фраз.** Вместо того, чтобы заучить слова friend (друг), competition (соревнование), game (игра), запомни предложение: I like games and competitions. My friend, too. (Я люблю игры и соревнования. Мой друг тоже.)

Чтобы новое слово не лежало мертвым грузом в твоей памяти, постарайся сразу придумать с ним новые предложения.

Учитель предложил вам новые слова и выражения: to be popular (пользоваться популярностью), exhibition (выставка), to be interested (интересоваться). Тут же попробуй составить со своим соседом по парте диалог:

The exhibition is very popular with the people of our town.	(Эта выставка очень популярна в нашем городе.)
I am interested in it, too.	(Мне она тоже интересна.)

I have an idea. Let's go to the exhibition together. (У меня есть предложение. Давай сходим на выставку вместе.)

Не стесняйся при этом играть, жестикулировать — почувствуй себя немножко актером. И можешь быть уверен: эти слова прочно и естественно войдут в твою память и речь.

Конечно, тебе очень хочется спросить: зачем тратить столько усилий, времени? Выучивают же взрослые язык легко и быстро во время специальных сеансов? Выучивают. Но, к разочарованию ребят, которые рассчитывают выучить язык без усилий, должен сказать: СУГГЕСТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ, во время которого человек расслабляется и запоминает непроизвольно, незаметно для себя, только эксперимент. Организовать такое обучение сложно. А в школе попросту невозможно.

Но вот использовать НЕПРОИЗВОЛЬНОЕ ЗАПОМИНАНИЕ, на котором строится такое обучение, просто необходимо для тебя. И тут ничего сложного нет. Ведь речь идет об играх. Знакома тебе книга «100 игр и развлечений на английском языке»? Если нет, то обязательно разыщи ее.

В игры можно играть и без учителя, дома, и в кружке, попросту на скамейке, в школьном дворе.

Я думаю, тут тебе и советовать не нужно, что-что, а играть ты умеешь. Вот, например...

Испорченный телефон

Незнакомое английское слово передается по цепочке, шепотом, на ушко. Водящий, который придумал это слово, выслушивает его на конце цепочки: искажено оно или нет? Если теперь передать слово обратно и вслух, то легко можно определить, кто виноват в искажении. Виновник штрафуется фантом.

А выигрывают в этой игре все. Потому что это отличная тренировка для отработки правильного произношения.

Переводчик

Выбираются два ученика. Один из них становится переводчиком, другой иностранцем. Ребята задают вопросы переводчику. Переводчик не только переводит вопрос, но и преобразует прямую речь в косвенную. Выслушав ответ, он снова переводит их классу.

Можно устроить конкурс на лучшего переводчика.

Закончи рассказ

Эта игра более сложная. Кто-то из ребят читает рассказ и на самом интересном месте вдруг останавливается. Теперь каждый из слушателей должен сам придумать конец. Побеждает тот, чей вариант оказался больше всего похожим на настоящий.

Конечно, игры — вещь прекрасная. Но мне хотелось бы, чтобы и НА УРОКЕ ВЫ НЕ ТРАТИЛИ ВРЕМЯ ПОНАПРАСНУ. Один мой ученик как-то сказал, что считает для себя потерянным урок, на котором ему не удалось поговорить по-английски хотя бы пятнадцать минут.

Твои успехи очень зависят от того, какие отношения сложились у ребят на уроке. Если после каждого неправильного ответа будут раздаваться смешки, если вы будете ловить вашего товарища на неверно произнесенном слове, если будете ждать чужой ошибки, чтобы посмеяться,— вряд ли вы добьетесь многого.

На уроке вы должны ощущать себя командой корабля, которая плывет к единой цели, и от успехов каждого зависит, сколь долог и труден будет этот путь.

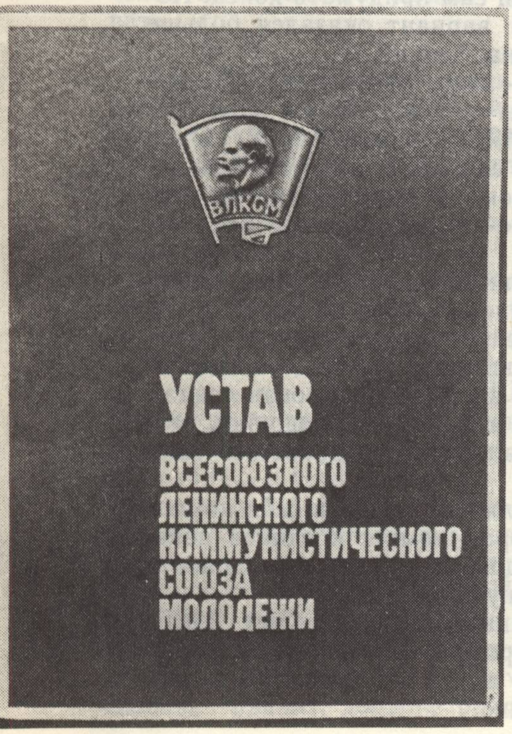
И еще. Иностранный язык требует ЕЖЕДНЕВНЫХ тренировок. Поэтому обязательно занимайтесь дома в те дни, когда у вас нет урока по расписанию.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ШТАБ ПИОНЕРСКИХ АКТИВИСТОВ «ГОРН»

Закон комсомольской жизни

Сегодняшнее наше занятие снова для старших пионеров. О том, как изучать Устав ВЛКСМ, рассказывает Татьяна СОЛОМАТИНА, вожатая лагеря украинской пионерии «Молодая гвардия».

Я знаю школы, где, что скрывать, бывает и такое: прибегают на перемене в седьмой или восьмой класс секретарь комсомольской организации, старшая пионервожатая и просят: «Поднимите руки, кому уже исполнилось 14 лет. Учите Устав ВЛКСМ. На следующей неделе будем принимать вас в комсомол».

А ведь Устав за одно воскресенье не выучишь, не познакомишься с историей комсомола, не запомнишь, когда какие съезды проходили, какие вопросы на них обсуждались, сколько наград у комсомола и за что они... Чтобы убедиться в этом самой и убедить пионеров той школы, где я работала старшей пионервожатой, мы с ребятами провели такой эксперимент. Все, кто готовился вступать в комсомол, взяли домой на выходные дни Устав и попытались самостоятельно в нем разобраться.

В понедельник после уроков мы собрались в пионерской комнате. Спрашиваю: «Что такое комсомол?» Слышу неуверенные ответы: «союз», «организация»...

Вместе находим определение Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (с него начинается Устав). Обговариваем каждое слово: почему самодеятельная, почему общественная организация?..

По какому признаку строится ВЛКСМ? Кто-то запомнил, что ВЛКСМ строится по территориально-производственному признаку, но что это значит, объяснить не может.

«Твои старшие брат и сестра комсомольцы. Вот вступишь ты в комсомол, сможете вы организовать дома первичную комсомольскую организацию? А с приятелями по двору можете?» — допытываюсь я у мальчика. Постепенно находим объяснение — что значит «территориально-производственный признак». Комсомольская организация создается по месту учебы или работы, а уже потом первичные организации объединяются в районные, городские... по территориям.

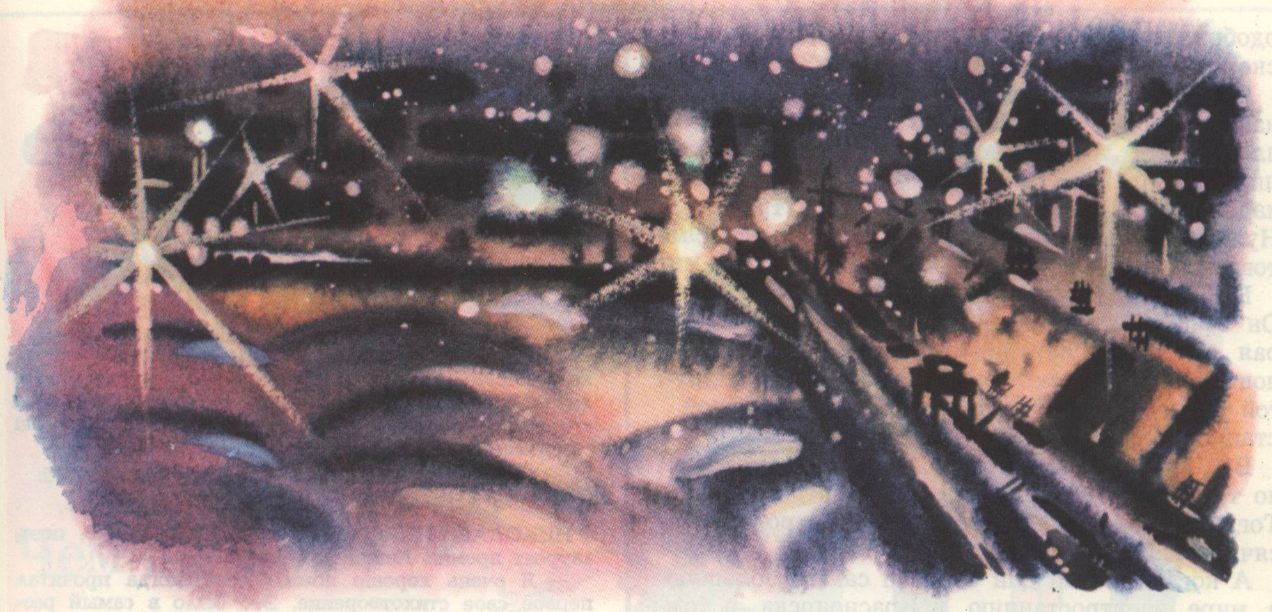
«Какой высший орган комсомола?» Дружно отвечают: «Съезд ВЛКСМ». «А высший орган вашей первичной комсомольской организации?» Кто-то неуверенно: «Комсорг». Вот тебе и раз. Две ошибки сразу. Приходится подробно разбирать этот вопрос Устава.

В общем, в тот день мы пришли к заключению, что необходимо организовать кружок для тех, кто готовится вступать в комсомол. Такие кружки есть во многих дружинах, называются они по-разному. У нас назывался: «Наш Ленинский комсомол».

Комсомольцы нашей школы подсчитали, что большинству семиклассников исполняется 14 лет в первой половине учебного года. Значит, готовить пионеров к вступлению в комсомол надо со второго полугодия шестого класса. Начинать не с изучения Устава, Устав лучше оставить напоследок. Начинать занятия надо с истории комсомола, с рассказов о комсомольском знамени, билете, значке, с рассказов об орденах комсомола. Когда дело дойдет до изучения Устава, выделить основные или сложные для понимания моменты. Чаще всего пионерам трудно ответить на такие вопросы: Что является основой комсомола? Какой руководящий принцип организационного строения комсомола? Чем занимается первичная комсомольская организация? Какая главная задача ВЛКСМ? Священный долг комсомола? Каковы обязанности членов ВЛКСМ?

В нашем кружке каждому пионеру поручали подготовить пятиминутное выступление по сложному вопросу с объяснениями, примерами. После таких занятий ребята не только могли без запинки отвечать Устав, они **понимали** все его положения.

Кружок работал при комитете комсомола, занятия вели комсомольцы-активисты, помогал им учитель истории.

А. НЕКРАСОВ

НА ЛЕНИНСКОМ ПУТИ

«Св. Николай», маленький колесный пароходик, на котором В. И. Ленин ехал в ссылку, остановился у селения Скит, чтобы набрать дров на дорогу. Многие пассажиры сошли на берег.

Ленин тоже сошел. Вместе с ним был Глеб Максимилианович Кржижановский, инженер, специалист по энергетике. Он тоже ехал в ссылку, в верховья Енисея. Дрова грузили долго. Ленин и Кржижановский успели поговорить и налюбоваться могучим Енисеем, стиснутым с двух сторон громадами каменных «щек»...

О чем они думали, о чем говорили, глядя, с какой чудовищной силой несет Енисей свои воды, теперь уже никто не скажет. Но не может быть, чтобы не шел у них разговор о том, что вся эта сила пропадает зря, и о том, насколько бы легче жилось нашему народу, если бы такие реки трудились на пользу огромной, бессильной и темной страны, какой была Россия.

Потом были годы борьбы, годы ссылки, годы эмиграции... Путешествуя по дорогам Швейцарии, Владимир Ильич не раз видел маленькие электростанции на горных речках и, возможно, думал о той роли, которую суждено сыграть электричеству в будущем.

И вот подготовленная партией Ленина пришла победа трудового народа в нашей стране. Большевики взяли власть в свои твердые руки.

Незавидное наследство досталось им от прежних правителей: огромная, темная, нищая, неграмотная страна, разрушенная долгими годами войны, измученная голодом, эпидемиями, яростными наскоками врагов...

Тогда одна была забота — выстоять. И выстояли. Пришло время думать, как дальше жить.

На Западе и в Америке в то время модно было предрекать нам скорый конец. Р. Уилтон, корреспондент «Нью-Йорк таймс», в книге «Агония России» писал: «Большевизм не способен создавать, а, напротив, он несет с собой только уничтожение. С экономической точки зрения продолжение существования советского режима — это невозможность, с политической точки зрения — абсурд».

Тогда хватало и у нас таких, которые не верили, что удержится Советская власть. «Где тут удержаться? Придется ко вчерашним врагам идти на поклон, выручайте, мол».

И выручили бы враги, не дали бы с голоду умереть, только за помощь пришлось бы расплачиваться Советской властью.

Но Владимир Ильич Ленин, возглавлявший молодую республику, знал: надо так сделать, чтоб и Советскую власть сохранить и ни к кому на поклон не идти. И он нашел выход: электричество! Вот что даст нам силы и выведет страну из нищеты! Ведь электроэнергия, если ее вволю, любого человека превращает в сказочного богатыря. Электричество за любую работу берется и с любой работой справляется. Ему все под силу. А получить электричество можно и от бегущей реки и от горящего торфа... Ему все годится.

В. И. Ленин лучше других все это понимал. Тому самому инженеру Кржижановскому, с которым когда-то ехал в ссылку, он поручил возглавить специальную комиссию и составить план восстановления и развития всего хозяйства нашей страны, а все тяжелые работы, которые при этом потребуются, предложил взвалить на «электрических рабов», как он писал Кржижановскому.

План электрификации (ГОЭЛРО) Кржижановский доложил на VIII съезде Советов. Съезд

одобрил план, и начала страна шагать по ленинскому плану в сегодняшний день.

Сейчас даже трудно представить, что могли найтись люди, которые были против ленинского плана. А в то время находились. «Придумали, — говорили они, — на какое-то электричество надеяться, силы и последние деньги тратить... Нужно сперва старые заводы восстановить, а тогда и вперед посмотреть можно».

Но Ленин лучше всех умел смотреть вперед. Он твердо сказал: «Электрификация — это вторая программа партии». И партия, как всегда, пошла за Лениным: электростанции одна за другой росли по всей стране, и с каждой такой станцией народ наш становился сильнее.

В 1927 году начали строить самую большую по тем временам Днепровскую электростанцию. Тогда тысячи лошадей работали на стройке, тысячи людей.

А когда в наши дни строили самую большую в мире электростанцию у Красноярска, в том самом месте, где когда-то Ленин и Кржижановский смотрели, как бежит Енисей, на стройке и людей-то не видно было: электричество с другой мощной станции делало за людей всю тяжелую работу.

Помог нам ленинский план. Могучими, сильными стали мы сегодня, а давно ли слабыми были? Когда Ленин ушел от нас, крестьяне села Шушенское, где Ленин отбывал ссылку, решили построить крошечную станцию на реке Шуше. Подготовили проект, а построить так и не сумели: не было таких материалов, не было таких машин у нас. За все приходилось платить золотом, а золота тоже не хватало. Сейчас в тех местах строится самая мощная электростанция в мире — Саяно-Шушенская.

Она уже частично работает. А когда наберет полную силу, все переменится в тех местах. Встанут заводы, которые будут выплавлять алюминий из дешевого сырья, вступят в строй новые угольные разрезы, которые дадут миллионы тонн дешевого угля... И все машины для этой станции мы сами построили, своими руками, сами на своих кораблях привезли по ледовым морям.

Нет, что ни говори, — сильными стали люди в нашей стране!

Когда-то торф был главной пищей наших первых электростанций. Сейчас есть у нас дешевый уголь, и сибирская нефть, и природный газ. Мощные реки отдают нам свою силу, раскрепощенная энергия атома работает на нас. Но все равно, главное в нашей энергетике — электричество. Это оно дает нам силы, делает нас могущественнее, как и предсказывал Ленин.

Впереди XXVI съезд нашей партии. Как будет развиваться наша энергетика, какие будем строить новые электростанции — и об этом пойдет разговор на съезде. Ясно одно: могущество страны и хорошая жизнь каждого советского человека требуют, чтобы энергетика развивалась быстрее всего народного хозяйства.

Так, как намечал Ленин в своем историческом плане...

Новогодняя встреча

Веселая роль

«Я с восьми лет пишу стихи, но пока стесняюсь их кому-нибудь прочитать. Я хочу спросить поэта Николая Добронравова (мне очень нравятся песни на его стихи), когда он начал писать их и помнит ли самое-самое первое свое стихотворение?»

Света Лунина, Краснодарский край.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ДОБРОНРАВОВ, поэт, лауреат премии Ленинского комсомола:

— Я очень хорошо помню день, когда прочитал первое свое стихотворение. Это было в самый разгар войны. Под Новый год мама принесла билет на елку в Колонный зал Дома союзов. Это была такая радость, что я еле дождался назначенного дня. В валенках, закутанные в шерстяные платки, мы танцевали вокруг елки и смотрели немудреное представление, которое разыгрывали для нас артисты оставшегося в Москве театра. А потом наступила очередь зрителей. Мы старались изо всех сил, вспоминая стихи, песни, басни. И вот на этом крошечном концерте я прочитал свои первые стихи; помню, даже приз за них получил. И хотя игрушки были бумажные и почти все одинаковые, а лампочки — бледные и тусклые, для меня эта елка лучшая.

Вообще с Новым годом у меня связано много приятных воспоминаний. В молодости я был артистом, играл в детском театре. Поэтому часто участвовал в новогодних представлениях, которые шли в разных домах культуры, клубах. И вот что странно: все время мне доставалась роль Нового года. Знаете, он выходит под самый конец спектакля и, ни слова не говоря, машет рукой. Сначала мне было обидно — очень уж маленькая роль, но когда я увидел, как радостно встречают меня зрители, мне и самому становилось весело.

Близится Новый год, и всем ребятам — читателям «Пионера», я хочу пожелать, чтобы он у них начался с хорошей новогодней елки. И, может быть, кто-то рискнет прочитать свои первые стихи.

Добронравов

Чем дружнее совет

Я председатель совета дружины. Когда меня избрали, я спросила одного из членов совета дружины прошлого года, нравится ли ему работа? И услышала: «Какая работа? Ни разу все вместе не собрались». Крепко я задумалась над этими словами: как сделать, чтобы ребятам в совете было интересно?

На первый сбор совета дружины пришли немногие. А теперь все ходят. Почему? Сначала я сама бралась за все сразу, но дело не двигалось ни на шаг. Потом поняла, что надо доверять ребятам. Теперь мы вместе обсуждаем то, что задумали сделать, распределяем, кто за что отвечает, стараемся не упустить ни одну мелочь. Тогда все проходит удачно. Успех радует, и всем хочется сделать еще больше.

Ребята почувствовали, что с ними считаются. Каждый может высказать свою точку зрения по любому вопросу, и его слушают.

Но заседания совета дружины у нас пока еще проходят неважно. Мы не умеем коротко и ясно говорить, одного часа нам не хватает. Многие опаздывают, пусть на 5—10 минут,— все равно это мешает.

Хоть и совещаемся мы долго, совет в дружине проводит много интересных дел. Стали выпускать школьную стенную газету «Еженедельник», проводить спортивные состязания между классами, устраивать костюмированные балы...

И еще я заметила: чем дружнее совет, тем лучше ведется работа в дружине.

Света КУЗНЕЦОВА,
г. Алма-Ата.

Все равно научусь!

Раньше фигурное катание было для меня чудом, доступным лишь очень талантливым, смелым, волевым людям. Себя я такой не считала. Но вот увидела по телевизору выступление Лены Водорезовой. Она почти моя ровесница, а боролась за награду наравне с прославленными чемпионами. И я подумала: «Конечно, Лена занимается фигурным катанием давно. Но что мне мешает научиться хотя бы самым простым элементам?» Я решила испытать себя.

На следующий же день попросила родителей купить мне коньки и сделала первые неуверенные шаги. Скольжение давалось трудно: больше падала, чем каталась. Заметив, что я едва держусь на коньках, два мальчика показали мне, как правильно отталкиваться. Проходили дни, я уже свободнее чувствовала себя на катке и пыталась выполнять несложные фигуры: «змейки», повороты... А торможение никак не выходило. Я так расстраивалась, думала: все, брошу. Но вечером снова зеркальная поверхность льда становилась моим «Куликовым полем».

Достала я и книгу «Азбука начинающего фигуриста». Она мне очень помогла.

Как только в этом году зальют каток, я буду продолжать заниматься фигурным катанием. С тех пор как я впервые надела коньки, я уже многому научилась: не отступать перед трудностями, не унывать.

Наташа ФЕДИНЧИК,
пос. Ударник, Херсонская область.

Эно РАУД

И снова Муфта, Полботинка и Моховая Борода

НОВАЯ КНИГА О НАКСИТРАЛЬЧИКАХ

Окончание. Начало в № 9.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

План освобождения

Муфта и Полботинка добрались до больницы, Воротника они привязали к фонарному столбу, хотя этого можно было и не делать: Воротник и так подождал бы. Но Муфта не хотел, чтобы Воротника приняли за бродячую собачонку.

— Я надеюсь, что Вольдемар чувствует себя лучше,— сказал Муфта.

— Я тоже надеюсь,— сказал Полботинка.— Но не следует забывать, что выздоравливающие больные самые несносные. Выздоравливающий слишком торопится совсем поправиться и делается ужасно беспокойным.

Они вошли в больничную дверь, прошли мимо гардероба и направились по коридору к палате Вольдемара.

На полпути они встретили сестру Кирсипуу; в руках у нее был шприц и какие-то ампулы. Если в прошлый раз она не обратила на Муфту и Полботинка никакого внимания, то теперь по ее лицу расплылась широкая улыбка.

— Здравствуйте, крошки,— сказала она, останавливаясь.— Пришли навестить дядю Вольдемара?

Накситралли тоже остановились и вежливо поклонились.

— Да,— сказал Полботинка.

А Муфта спросил:

— Не могли бы вы сказать, как он себя чувствует?

— Трудно сказать что-нибудь определенное,— любезно ответила сестра Кирсипуу.— Он беспрерывно охает, сил нет слушать. Но у него прекрасный аппетит и температура больше не поднимается. Значит, дело пошло на лад.

— А он не стал беспокойнее? — поинтересовался Полботинка.

— О да,— сказала сестра Кирсипуу.— Он невыносимо беспокоен.

— Хороший признак,— заметил Полботинка.

А сестра Кирсипуу продолжала:

— Честно говоря, его беспокойство начинает уже надоедать. Из-за него у меня скоро не останется времени для других больных. Сегодня, например, он меня вызывал звонком не меньше десяти раз. И, представьте себе, лишь для того, чтобы спросить, не идете ли вы к нему.

— Мы? — растроганно переспросил Муфта.

— Ну, конечно,— улыбнулась сестра Кирсипуу.— Он говорит, что, кроме вас, у него никого нет.

Она пошла было дальше, но вдруг, словно что-то вспомнив, спросила:

— Ведь вы накситралли, не так ли?

— Да,— в один голос подтвердили Муфта и Полботинка.

Значит, я была права,— с удовлетворением сказала сестра Кирсипуу.— Кстати, я читала о вас в газетах... Однако разрешите спросить, где же ваш третий спутник?

Муфта и Полботинка, конечно, не могли предполагать, что этот вопрос был задан не от чистого сердца. Да и откуда им было знать, что сестра Кирсипуу на самом деле была прекрасно осведомлена о судьбе Моховой Бороды.

— Он похищен,— сказал Полботинка.

— Похищен! — воскликнула сестра Кирсипуу Силы небесные!

Ее удивление было не совсем притворным. Ее приятельница весьма туманно рассказала сестре Кирсипуу, как ей удалось заполучить Моховую Бороду. И теперь эта история очень заинтересовала ее.

— Как же это случилось? — допытывалась она.

— Нашего друга просто-напросто украли,— сказал Муфта.— Но подробностей мы, к сожалению, не знаем.

— И, представьте себе,— добавил Полботинка,— вором оказалась женщина. Нам удалось даже узнать ее адрес: проспект Свободы, дом девять. Там она и держит бедного Моховую Бороду.

— Насильно?— удивилась сестра Кирсипуу.

— Ну конечно,— подтвердил Муфта.— Добровольно Моховая Борода не пробыл бы там ни одной минуты. Уж настолько-то мы его знаем.

— Только вот... Полботинка многозначительно кашлянул.— Только вот надо надеяться, что ему совсем недолго осталось томиться в плену.

Лицо сестры Кирсипуу вспыхнуло от любопытства.

— В самом деле?

— Мы освободим его,— заявил Муфта.

А Полботинка сказал:

— Именно об этом мы и хотим посоветоваться с Вольдемаром.

— О-о,— сказала сестра Кирсипуу.— Интересно, очень интересно. Надеюсь, что дядя Вольдемар сумеет дать вам полезный совет.

Тут она вдруг заторопилась.

— Мне надо спешить,— улыбнулась она.— Меня ждут.

Она торопливо ушла, хотя в самом деле ее сейчас никто не ждал. Она поспешила к телефону и набрала номер своей приятельницы.

— Извините за беспокойство,— начала она.— Вы знаете, какие ужасные разговоры идут в городе? Что вы будто бы похитили своего крошку и держите его у себя силой. Просто невероятно, до чего люди могут додуматься, не правда ли?

— Кто же говорит такие глупости?— услышала она в ответ.

Когда сестра Кирсипуу подробно передала ей свой разговор с Муфтой и Полботинком, дама сказала возмущенно:

— Я надеюсь, сестра Кирсипуу, что вы-то, во всяком случае, не верите этим россказням? Я нашла своего крошку в какой-то собачьей будке, где он, бедняжка, спал на слежавшейся соломе! Разве можно назвать похищением то, что я взяла его и приютила в своем доме? Разве это насилие, если я по-матерински забочусь о нем, кормлю и лелею?

— Не волнуйтесь, пожалуйста!— сказала сестра Кирсипуу.— На пустые разговоры не стоит обращать внимания. Но теперь вы, во всяком случае, знаете, что его надо сторожить, потому что они, мне кажется, действительно намерены его похитить. Если мне удастся услышать что-нибудь еще, я обязательно вам позвоню.

— Благодарю вас,— сказала дама.— Я буду весь вечер дома.

Муфта и Полботинка тем временем подошли к палате Вольдемара. Из палаты доносились знакомые им стоны, которые тут же прекратились, стоило друзьям постучать в дверь.

— Войдите!— прогремел Вольдемар.

— Моховую Бороду мы снимем с окна хоботом!

Как только накситралли вошли в палату, он воскликнул:

— Ну, наконец-то! Я жду вас с самого утра.

Муфта протянул Вольдемару букет цветов, а Полботинка поставил на тумбочку большую коробку шоколадных конфет. На этот раз они быстро пришли к единодушному решению порадовать больного гостинцами. И им не пришлось об этом жалеть: Вольдемар явно обрадовался, он открыл коробку и протянул им.

— Угощайтесь смело,— сказал он.— Не стесняйтесь.

Они и не стеснялись. Муфта взял одну, а Полботинка семь шоколадных конфет.

— Как ваше здоровье?— спросил Муфта.

Вольдемар сердито фыркнул.

— Здоровье в порядке. Только они готовы держать меня в больнице до конца жизни. Ночью я видел своего слона во сне. Без него мне не жизнь, а одно мучение. Тоска, как говорится. Телесные страдания ничто по сравнению с этой тоской. Но вы, боюсь, не поймете меня.

— Почему же?— воскликнул Полботинка.

А Муфта добавил:

— Ведь и нас насильно разлучили с нашим лучшим другом.

— Неужели?— поднял Вольдемар голову.— И вас тоже?

Муфта и Полботинка рассказали о посещении дамой гостиницы и об исчезновении Моховой Бороды, о встрече в парке и о том, как им удалось найти дом, где живет похитительница.

— Там он теперь и болтается,— сказал в заключение Полботинка.— Его сунули в хозяйственную сумку и вывесили из окна третьего этажа.

Вольдемар слушал эту историю с возрастающим интересом и сочувствием.

— Ну, конечно, эти женщины...— вздохнул он.— Я всю жизнь держался от них подальше и, выходит, правильно делал.

Дверь тихонько отворилась, в палату вошла сестра Кирсипуу. Она слышала последние слова Вольдемара.

— Вы несправедливы к слабому полу,— погрозила она Вольдемару пальцем.— Кто заботился бы о мужчинах, не будь на свете женщин? Кто же за вами ухаживает здесь, в больнице? Не кто иной, как я, представительница слабого пола.

Вольдемар из вежливости не стал возражать, но по выражению его лица было ясно, что о заботах сестры Кирсипуу он не слишком высокого мнения.

Муфта и Полботинка заметили, что сестре Кирсипуу не было особой надобности заходить в палату. Вольдемар ее не вызывал, он все это время держал руки далеко от кнопки звонка.

— Может быть, я могу в чем-то помочь?— растерянно спросила сестра Кирсипуу и, заметив принесенные Муфтой цветы, воскликнула:— Ну, конечно, ох уж эти мужчины! Что бы вы делали без женщин! Надо ведь поставить цветы в воду!

— Да, разумеется,— смущенно пробормотал Муфта и огляделся в поисках вазы.

Но сестра Кирсипуу уже держала вазу в руках. Она наполнила ее водой из крана и поставила цветы. Потом поправила подушку под головой Вольдемара и, уходя, сказала:

— Если понадоблюсь, позвоните.

Вольдемар задумался. На переносице у него залегла глубокая морщина. Муфта и Полботинка и понятия не имели, о чем он мог думать, но у него было настолько сосредоточенное лицо, что накситралли не решались задавать вопросы. Наконец лицо Вольдемара прояснилось.

— Моховую Бороду мы снимем с окна хоботом,— решительно заявил он.

— Хоботом!— воскликнул Муфта.

— Каким хоботом?— спросил Полботинка.

— Слоновьим, разумеется,— пояснил Вольдемар.— Каким же еще?

— Силы небесные!— донеслось вдруг от двери.

Все трое разом посмотрели в ту сторону. Сестра Кирсипуу вошла так тихо, что никто не заметил ее.

— Силы небесные,— повторила она.— Какой смелый и остроумный план! Вы действительно думаете, что слону удастся спасти Моховую Бороду?

Вольдемар не ответил. Он не сводил с сестры Кирсипуу недоверчивого взгляда.

— Возьмите, пожалуйста, конфетку,— сказал он наконец.

Сестра Кирсипуу взяла шоколадную конфету, снова поправила подушку Вольдемара и удалилась так же бесшумно, как вошла.

Едва она вышла, как Вольдемар сел, а затем и встал с кровати. Он начал ходить по палате взад и вперед, но вскоре остановился и удовлетворенно заметил:

— Мы освободим Моховую Бороду сегодня ночью. На это у меня сил хватит, несмотря на мои сломанные ребра.

Вольдемар начинает действовать

— Ты когда-нибудь видел живого медведя?— спросил Муфта у Полботинка.

После посещения Вольдемара они вернулись в гостиницу и, чтобы скоротать время, рассматривали трех мишек на картине.

— Я даже живого слона не видал,— ответил Полботинка.— Но сегодня вечером, можно надеяться, такая возможность представится.

— Я от души надеюсь на это,— сказал Муфта.— Но еще больше меня обрадует встреча с живым Моховой Бородой.

— Это точно,— кивнул Полботинка.— Вот

Муфта с Полботинком надували резиновых Полботинков и бросали их в окно Вольдемару.

здорово будет через столько дней вновь пожать руку живого Моховой Бороды!

За беседой они и не заметили, как стало смеркаться. Затем до их слуха донеслись глухие удары часов на башне ратуши.

— Десять пробило, — сказал Муфта.

Полботинка добавил:

— Настало время действовать.

Они поднялись, и Воротник, все это время уютно дремавший в ногах у Муфты, тоже вскочил. Они спустились в лифте и подошли к администратору, чтобы расплатиться за гостиницу.

— Наверное, бородач нашелся, раз вы нас покидаете? — поинтересовался администратор.

— Так точно, — подтвердил Полботинка. — Часа через два он будет окончательно свободен.

— Поздравляю, поздравляю, — сказал администратор. — Но, насколько я понимаю, с бородачом пока не все решено. Не попридержать ли для вас комнату на денек-другой? Может быть, вы еще вернетесь?

Муфта покачал головой.

— План освобождения Моховой Бороды продуман нами до мельчайших подробностей, — сказал он.

Полботинка добавил:

— Мы сжигаем за собой все мосты. Сжигание мостов — это уже половина победы, не так ли?

— Одно дело — план, — задумчиво сказал администратор, — другое дело — действительность. План может быть составлен блестяще, но при претворении его в жизнь пустяковая случайность может все нарушить.

— В нашем плане предусмотрены все мелочи, — улыбнулся Полботинка. — Например, такой пустяк, как пустая хозяйственная сумка, что останется у дамы под окном, когда Моховая Борода будет оттуда извлечен. Но наш козырной туз — это все-таки слон.

— Слон? — изумился администратор.

— Да, — подтвердил Полботинка. — Мы вводим в действие живого слона. А уж слон-то не подведет.

Последнее утверждение, казалось, вполне удовлетворило администратора.

— Тогда, конечно, — понимающе кивнул он. — Если вы используете живого слона, то дело должно увенчаться успехом.

Накситралли заплатили по счету и направились к автомобилю.

— Мосты сожжены... — сказал Муфта, садясь за руль.

— Теперь остается нажать на газ и — вперед! — сказал Полботинка.

Муфта дал газ, и машина тронулась.

Прежде всего они поехали на проспект Свободы, чтобы проверить, висит ли за окном сумка.

Это было очень важно: отсутствие сумки могло оказаться как раз одной из тех мелочей, о которых говорил администратор.

— Не знаю только, дотянется ли слоновый хобот до такой высоты? — усомнился Муфта.

Но Полботинка уверенно ответил:

— Если слон встанет на задние ноги, то своим хоботом он дотянется и до дальнего уголка квартиры.

Хотя Муфта и не был уверен, что слон Вольдемара умеет стоять на задних ногах, ответ Полботинка успокоил его. Да и о чем тут рассуждать? Вольдемар обещал освободить Моховую Бороду, а Вольдемар производил впечатление человека слова. Теперь главное — быстрее ехать к Вольдемару. Уж он-то знает, какой длины хобот у его слона!

Они поехали в больницу. У Муфты и у Полботинка в ожидании предстоящих событий лица стали серьезными и напряженными. Даже Воротник, казалось, понимал, что им предстоит нечто необычайное. Собачка навострила уши и старательно втягивала ноздрями воздух, хотя в машине ничем, кроме бензина, не пахло.

Показалась больница. Муфта сбавил скорость, чтобы мотор не тарахтел слишком громко. К счастью, палата Вольдемара была в дальнем углу больницы, окно выходило во двор и было отчасти скрыто кустами и деревьями. Муфта проехал мимо главного входа, обогнул здание больницы и остановился прямо под окном Вольдемара.

Мотор умолк. В больнице тоже царила тишина. В большинстве окон было темно, в том числе и в окне Вольдемара.

— Может быть, Вольдемар уснул? — сказал Полботинка.

Муфта пожал плечами.

— Тогда бы слышался храп, — заметил он. — Но если он не спит, то должно слышаться оханье, — возразил Полботинка. — Когда Вольдемар один, он стонет и охает беспрерывно.

— Должно быть, он в полусне, — решил Муфта.

Оба внимательно прислушивались. Полнейшая тишина. Ни храпа, ни оханья.

— Надо что-то предпринять, — наконец сказал Полботинка. — Не можем же мы ждать до утра.

Конечно, он был прав. Но что можно сделать?

Тут Полботинка осенило. Он взял свою рогатку, вылез из машины, нашел на земле маленький камешек и выстрелил им — дзинь! — в окно Вольдемара.

Вскоре окно отворилось, и появилось сердитое лицо Вольдемара.

— Что вы тут расшумелись! — прошептал он. — Еще разбудите всю больницу!

— Извините, — тоже шепотом ответил Полботинка. — Мы подумали, что вы, быть может, задремали.

— Задремал! — возмутился Вольдемар. — Как я могу задремать в такую важную минуту! Я не дремлю, я готовлю.

Сказав это, он исчез за окном, но тут же появился снова.

— Нет ли у вас чего-нибудь, что можно было бы упрятать вместо меня под одеяло? — спросил он. — Сестра Кирсипуу ни в коем случае не должна заметить, что я исчез.

Тут Муфта и Полботинка сразу поняли, что готовил Вольдемар. Они поискали в машине, что ему предложить. Настолько большого предмета, чтобы он мог заменить Вольдемара, у них, к сожалению, не было.

И вдруг Полботинка вспомнил о надувных резиновых игрушках, купленных в свое время в универмаге.

— У меня есть десять надувных Полботинков, — прошептал он. — За одного живого Моховую Бороду я готов отдать хоть десять резиновых Полботинков.

Вольдемар кивнул. Муфта с Полботинком принялись надувать резиновых Полботинков и бросать их в окно Вольдемару. Вскоре выясни-

Моховая Борода беспокойно ворочался на своем диване.

лось, что Вольдемару понадобилось именно девять резиновых Полботинков. Теперь его кровать выглядела так, будто Вольдемар преспокойно спит, натянув одеяло на голову.

Настал решающий момент. Сможет ли Вольдемар, несмотря на сломанные ребра и внутренние повреждения, вылезти в окно? Что из того, что окно было на первом этаже? Если учесть состояние здоровья Вольдемара, задача далеко не проста.

На подоконнике появилась одна нога, затем вторая, и вот Вольдемар в больничной полосатой пижаме уже сидит на подоконнике.

— Ну, как дела? — шепотом спросил Полботинка.

— Да хвастаться нечем, — признался Вольдемар. — Мне, пожалуй, следовало бы отсюда спрыгнуть, но в прыжках я никогда не был особенно силен.

— Может, попробуете соскользнуть? — посоветовал Полботинка. — Скольжение сильно уменьшает сотрясение.

Но Вольдемар отклонил это предложение.

— Скольжение — моя самая слабая сторона, — грустно сказал он.

Молчание. Гнетущее молчание.

Вольдемар все сидел на подоконнике, и накситралли уже начали волноваться.

— Как же быть? — спросил Полботинка.

— Я должен собраться с силами, — сказал Вольдемар еще более грустным голосом.

Вдруг его лицо выразило тревогу.

— Шаги! — сказал он. — Шаги в коридоре! И тут он прыгнул. Послышался глухой стук падения и вслед за ним сдавленный стон. Вольдемар растянулся под окном на земле.

— Тише, тише! — увещевал Муфта Воротника, который начал было угрожающе рычать.

В ту же минуту в палате вспыхнул свет: вошла сестра Кирсипуу. Но, к счастью, она не обнаружила ничего подозрительного. Она решила, что Вольдемар спит, укрывшись с головой одеялом, погасила свет и на цыпочках вышла.

— Пронесло, — прошептал Вольдемар. — На этот раз пронесло. Но если она явится еще раз, то, наверное, разгадает мою хитрость.

— Вам сильно досталось? — озабоченно спросил Полботинка.

— Больше испугался, — ответил Вольдемар.

Он забрался в машину и погладил Воротника, который тут же перестал рычать.

— Умный пес, — улыбнулся Вольдемар. — Сразу видит хорошего человека.

Затем он объяснил Муфте, как проехать в зоопарк, и машина тронулась.

Зоопарк был не очень далеко от больницы, однако ехали они туда довольно долго, потому что Муфта не решался развивать большую скорость на перегруженной машине. Наконец они приехали и остановились у больших ворот зоопарка, где сидел ночной сторож.

Вольдемар вышел из машины.

— Ого! — воскликнул сторож, увидев Вольдемара. — Опять в строю?

— Пока только временно, — сказал Вольдемар. — Но ты лучше расскажи, как поживает мой слон.

— Скучает без тебя, — ответил сторож. — Прямо жаль его. Почти ничего не ест, хорошо, если изредка выпьет глоток воды.

Вольдемар озабоченно нахмурился.

— Мне надо вывести его в город погулять, — сказал он. — Я надеюсь, что небольшая прогулка по городу пойдет ему на пользу.

Теперь, в свою очередь, нахмурился сторож.

— Как? — изумился он. — Гулять по городу? Нет, нет, этого я не могу разрешить. Моя обязанность — следить, чтобы ни один зверь не вышел за ворота. Днем делай со своим слоном что хочешь, а ночью его сторожу я.

Слова сторожа ничуть не смутили Вольдемара.

— Милый друг, — сказал он. — Ты обязан не только сторожить зверей, но и отвечать за них. А если ты сейчас не пустишь слона погулять, он и дальше будет голодать и от этого умрет, а вся вина ляжет на тебя...

Он продолжал в том же духе столь убедительно, что сторож в конце концов сдался.

— Бери своего слона, — махнул он рукой. — Но запомни, что за пределами зоопарка отвечаешь за него ты.

Сторож открыл ворота. Вольдемар чуть не бегом бросился к клетке слона.

Муфта и Полботинка, улыбаясь, смотрели ему вслед.

— Трудно поверить, что у этого человека переломаны все ребра, — сказал Муфта.

— Ребра-то у него сломаны, — ответил Полботинка. — Но духовно его сломить невозможно.

Ужин с блинчиками

Моховая Борода проснулся от запаха блинов, доносившегося из кухни и щекотавшего ему нос. Дама жарила блинчики. Как ни странно, к этому обстоятельству он отнесся равнодушно. Он, конечно, любил блинчики, очень любил их, но сегодня их запах не произвел на него особого впечатления. Ему вообще ничего не хотелось.

Тут он вспомнил, что выбрал из своей бороды всю бруснику, и его охватила тревога. Настало ли время собирать бруснику или еще рано? Не поступил ли он противозаконно? Эта мысль не давала ему покоя и мучила его все больше и больше. И когда из комнаты послышался звон посуды, Моховая Борода решил подать знак, что он проснулся.

— Извините! — крикнул он в открытое окно. — Может быть, вы будете так любезны и посмотрите в газете, напечатано ли разрешение собирать бруснику?

Дама перестала накрывать стол, подошла к

окну и втащила сумку с Моховой Бородой в комнату.

— Сейчас посмотрим,— ласково сказала она. И тут же взяла газету. Она быстро пробежала глазами последнюю страницу и сказала:

— Разрешение есть. С сегодняшнего дня.

С сегодняшнего дня! У Моховой Бороды камень свалился с души. С сегодняшнего дня! Это же замечательно!

— Тебе хочется пойти за брусникой, малыш? — спросила дама.

— Да нет, не особенно,— сказал Моховая Борода, вылезая из сумки.— Я просто так...

— А, может быть, тебе хочется блинчиков с брусничным вареньем?

— Спасибо, нет.

— Тогда с земляничным? У меня чудесное земляничное варенье.

Моховая Борода покачал головой.

— А с малиновым?

Моховая Борода снова покачал головой.

— Ну что ж,— сказала дама, продолжая накрывать стол.— Тогда покушаем блинчиков с сахаром, а варенье оставим к манной каше.

Моховая Борода молчал. Известие о том, что разрешение собирать бруснику напечатано в газете, несколько улучшило его настроение, но по-прежнему ничто не вызывало его интереса, все стало безразлично.

«Откуда такое равнодушие? — думал Моховая Борода.— Может быть, оттого, что казавшееся близким освобождение не удалось? Какой смысл жить, если тебе уже ничего не удается. Нет-нет! Надо постараться взять себя в руки, надо остерегаться затягивающего болота равнодушия! Ведь Муфта и Полботинка теперь знают, где он. Уж они что-нибудь придумают для его освобождения. Нельзя терять надежду. Надо укреплять силу воли. И что важнее всего — никогда нельзя мириться с унизительным пленом. А равнодушие постепенно приводит к примирению, к покорности. Равнодушию надо объявить беспощадную войну».

— Мне все же хочется земляничного варенья,— сказал Моховая Борода.

Никакого равнодушия. Самое главное — чего-то хотеть!

— Вот видишь,— сказала дама.— А я уж подумала, что ты заболеваешь.

— Заболеваю? — засмеялся Моховая Борода.— Я еще никогда не болел.

Они уселись за стол. Дама повязала Моховой Бороде нагрудник, положила в его тарелку аппетитный блинчик, разрезала на кусочки и намазала вареньем. Затем она подцепила вилкой кусок блинчика и сунула Моховой Бороде в рот. Моховая Борода слегка нахмурился, но все же стал жевать.

— Молодец,— похвалила дама.— Ты так мило кушаешь, малыш.

Моховая Борода отметил про себя, что после его дневного сна в хозяйственной сумке дама стала к нему особенно ласкова. Моховая Борода не мог понять, в чем дело, потому что не знал о телефонном разговоре дамы с сестрой Кирсипуу. Именно из-за этого телефонного разговора дама была теперь так внимательна к Моховой Бороде. После этого телефонного разговора в ее сердце вкрались сомнения, которые она старалась отогнать, что ей, однако, не совсем удавалось.

— Мой маленький дружок,— сказала дама, засунув Моховой Бороде в рот следующий кусок блинчика.— Скажи мне одну вещь, только скажи совершенно честно, пожалуйста. Тебе когда-нибудь казалось, что тебя похитили?

Моховая Борода пробормотал что-то невнятное.

Нелепый вопрос, в самом деле. Подумать только! Его впихивают в хозяйственную сумку, уносят, а потом еще спрашивают, не кажется ли ему, что его похитили?

— Может быть, тебе кажется иногда, что я держу тебя насильно? — продолжала дама.— Скажи откровенно, не стесняйся.

Час от часу не легче! Его держат за семью замками. Сторожат каждый его шаг, гулять водят на поводке, как собачонку. И тут вдруг такой вопрос! Уж не кажется ли ему, что его держат здесь насильно!

— А как бы вы назвали мое положение? — спросил он.

Дама сунула ему в рот еще кусок блинчика.

— Я назвала бы это благополучием,— сказала она, улыбаясь.— Ну, скажем, хотя бы эти блинчики, по-твоему, не хороши?

— Хороши,— согласился Моховая Борода.

— Вот видишь! — победоносно заявила дама.

И тут зазвонил телефон.

Дама встала, подошла к телефону и сняла трубку.

— Алло!

— У меня новости,— послышался из телефонной трубки бодрый голос сестры Кирсипуу.— И я думаю, что эти новости могут вас заинтересовать.

— Вот как? — сказала дама.— Я слушаю.

Она старалась принять по возможности равнодушный вид, чтобы Моховая Борода ни о чем не догадался.

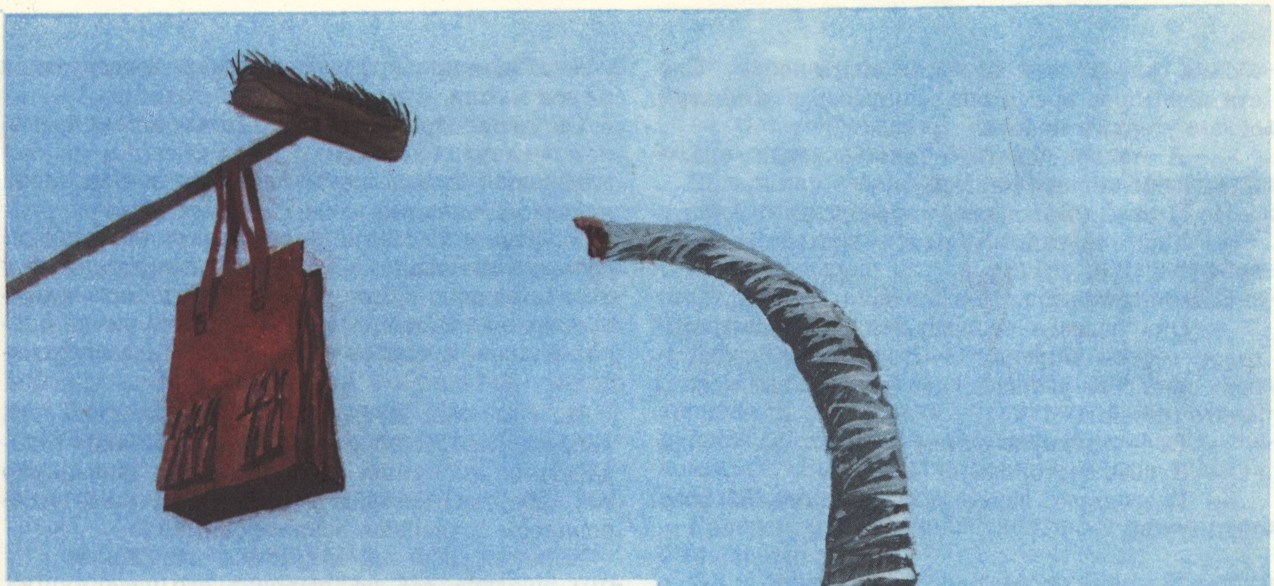
— Вашего малыша собираются снять с окна с помощью хобота,— сказала сестра Кирсипуу.— Вы меня поняли?

Дама не поняла, и сестре Кирсипуу пришлось разъяснить ей подробнее. Она рассказала обо всем, что слышала в палате Вольдемара, и в заключение добавила:

— Таким образом, план похищения у них, видимо, готов, но трудно сказать, когда они приступят к его осуществлению. Вольдемару предстоит еще несколько недель пролежать в постели, но я ничуть не удивлюсь, если в один прекрасный день он вдруг исчезнет из палаты. От такого медведя всего можно ожидать.

— Он что, такой силач?

— Страшный силач,— сказала сестра Кирсипуу.— Ростом два метра. С черной, как смоль, бородой. Как у разбойника. Но при этом он очень добрый.

— Добрый? — удивилась дама. — При такой внешности?

— Вот именно, — подтвердила сестра Кирсипуу, — недаром он так сочувствует Моховой Бороде и стремится освободить его.

Последнее замечание даме не очень понравилось.

— Хорошо, — сухо сказала она. — Я буду ждать новостей.

Положив трубку на рычаг, она снова села за стол и добавила себе и Моховой Бороде блинчиков. Затем она пристально посмотрела на Моховую Бороду и неожиданно заявила:

На ночь уложу тебя спать в комнате.

Моховая Борода побледнел.

— Почему? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Ты такой бледный, — сказала дама. — Я серьезно обеспокоена твоим здоровьем.

— Но я же никогда не спал в комнате, — попытался возразить Моховая Борода. — Никогда в жизни.

— Ты никогда в жизни и не болел, — напомнила дама. — Поэтому я должна заботиться о твоем здоровье.

У Моховой Бороды кусок застрял в горле.

До чего же не везет! Что если Муфта и Полботинка ночью придут, чтобы освободить его, а хозяйственной сумки за окном не окажется?

— Я вижу, что и аппетит у тебя плохой, — сказала дама. — Меня ничуть не удивит, если выяснится, что ты уже болен. Нет, за окном, на ветру, тебе ни в коем случае нельзя спать.

Наконец, когда уже стало смеркаться, дама убрала со стола посуду и постелила Моховой Бороде на диване. Велико было его удивление, когда он увидел, что дама взяла пустую хозяйственную сумку и на палке от щетки вывесила ее за окно.

— Зачем? — воскликнул Моховая Борода. — Зачем вы это сделали?

— Просто так, — сказала она. — По привычке.

Она велела Моховой Бороде лечь под одеяло,

Хобот слона все поднимался и поднимался, пока не подобрался к хозяйственной сумке.

а сама отправилась на кухню мыть посуду. Спустя некоторое время она вернулась в комнату и села в уголке в кресло.

— А теперь спать, — тихо сказала она. — Спать, мой бедный малыш!

Но Моховая Борода все ворочался.

— Мой бедный малыш, — повторила дама про себя.

Зазвонил телефон, и дама взяла трубку.

— Он исчез! — послышался взволнованный голос сестры Кирсипуу. — Вольдемар бежал через окно. Я уверена, что вскоре вы можете ждать гостей.

— О! — вздохнула дама.

— Будьте настороже.

— Благодарю вас, — сказала дама. И повесила трубку.

Расставание

Город окутала ночь. Улицы совсем опустели. Только изредка мелькали фары автомобилей или торопился домой запоздалый прохожий.

Фургон свернул на проспект Свободы.

— Теперь скоро, — прошептал Полботинка. Муфта двигался очень медленно, чтобы Вольдемар, ехавший за ними на слоне, не отставал.

— Поезжай все-таки побыстрее, — попросил Полботинка. — У меня нервы не выдерживают.

Но Муфта взглянул в зеркало, где он видел слона, и покачал головой.

— Терпение, — сказал он, — терпение и труд долго живут.

Полботинка понял, что Муфта сильно волнуется. Иначе он не перепутал бы поговорку. Полботинка и сам очень волновался. Это было вполне понятно, потому что с каждой секундой они приближались к своему другу Моховой Бороде.

— Двадцать один... девятнадцать... семнадцать, — читал Полботинка номера на домах.

Теперь или никогда! На чаше весов лежала судьба друга, Моховой Бороды. Или вернее не столько на чаше весов, сколько в хозяйственной сумке.

И тут они увидели эту роковую сумку.

— Дом номер девять, — сказал Полботинка.

Они прибыли. Муфта подвел машину к краю тротуара и выключил мотор.

— Ну, посмотрим, на что способен слон, — сказал он.

Теперь все зависело только от слона. Сами они больше ничего предпринять не могли.

Вскоре подошел и слон. Вольдемар остановил его под самой сумкой.

— Это она и есть? — Вольдемар пальцем указал на сумку.

— Она самая, — сказал Муфта.

Вольдемар поудобнее уселся на спине слона.

— И Моховая Борода в ней? — спросил он.

— Точно, — подтвердил Полботинка. — Он, наверное, спит.

— Гм, — пробурчал Вольдемар и погрузился в свои мысли.

Он думал довольно долго, а слон тем временем покачивал хоботом.

Наконец Вольдемар наклонился к уху слона и что-то прошептал.

Муфта и Полботинка сгорали от нетерпения. Сумеет ли Вольдемар объяснить слону, что эту хозяйственную сумку необходимо достать и опустить вниз? В конце концов ведь это же не цирковой слон, а самый обыкновенный, зоопарковский!

Но сомнения Муфты и Полботинка оказались напрасными. Хобот слона уже поднимался к хозяйственной сумке. По-видимому, Вольдемар так сроднился со слоном, что между ними установилось полнейшее взаимопонимание.

Хобот подобрался к сумке и схватил ее.

— Только бы не выронил его из сумки! — забеспокоился Муфта.

К счастью, и это опасение оказалось напрасным. Слон снял сумку с палки так ловко, что Муфта и Полботинка ахнули от удивления.

Висевшая на слоновом хоботе сумка медленно приближалась к земле. Слон, казалось, понимал, что с сумкой надо обращаться бережно, он осторожно опустил ее наземь.

— Готово. — Полботинка был в восторге и вместе с Муфтой подбежал к сумке.

— Он в сумке? — спросил Вольдемар, сидя верхом на слоне.

— В сумке, в сумке! — радостно улыбнулся Муфта. — Он спит!

Муфта и Полботинка смотрели на своего спящего друга, и оба были растроганы до глубины души. Вот он, их дорогой Моховая Борода! После стольких злоключений наконец они вместе! Наконец-то он на свободе!

Вдруг Моховая Борода открыл глаза и, ничего не понимая, уставился на Муфту и Полботинка.

— Что случилось? — растерянно спросил он. — Где я?

Ты на свободе, — улыбнулся Муфта. Полботинка пояснил:

— Мы сняли тебя хоботом оттуда, с окна. Моховая Борода сел в своей сумке.

— Невероятно, — пробормотал он. — Совершенно невероятно.

— Он еще толком не проснулся, — подмигнул Полботинка Муфте. — И пока вообще ничего не понимает.

И тут Моховая Борода заговорил:

— Мне кажется, что я проснулся, но я боюсь этому верить, — сказал он. — Неужели это вы, мои друзья?

— Конечно же, мы! — воскликнул Полботинка.

— А верхом на слоне восседает Вольдемар, — сказал Муфта. — Ему-то ты и обязан своим освобождением.

Тогда Моховая Борода вылез из хозяйственной сумки и отвесил Вольдемару глубокий поклон.

— Большое вам спасибо, — вежливо сказал он. — Благодарю вас от всей души.

Затем он опять недоверчиво огляделся по сторонам и вздохнул:

— А все-таки я боюсь, что все это лишь прекрасный сон. На этот раз я ведь улегся спать совсем не в сумке, а на диване в комнате, и, следовательно, меня никто не мог освободить.

— Да приди ты в себя наконец, — чуть не рассердился Полботинка. — Садись-ка лучше в машину и поехали. А для обсуждения снов у нас будет еще сколько угодно времени.

Моховая Борода послушался и уже сделал несколько шагов к машине, как вдруг где-то поблизости послышался взволнованный женский голос:

— О, позволь, мой малыш, хоть попрощаться с тобой. Позволь мне на прощание еще хоть разок приласкать тебя.

Накситральчики застыли ошеломленные. Воротник в машине испуганно залаял, а Вольдемар, сидя верхом на слоне, разразился удивленным бормотанием.

— Это вы? — воскликнул Моховая Борода, сразу узнавший даму по голосу. — Вы здесь!

Тотчас же появилась и сама дама. Она вышла из-за фонарного столба, где уже давно пряталась в ожидании Муфты, Полботинка и Вольдемара.

— Прежде всего мне хотелось бы развеять твои сомнения, — ласково обратилась она к Моховой Бороде. — Все это тебе вовсе не снится, а происходит наяву. Ты в самом деле улегся спать на моем диване, но когда наконец заснул, я перенесла тебя в хозяйственную сумку.

— А зачем вы это сделали? — удивился Моховая Борода.

— Я случайно узнала, что друзья собираются тебя освободить, — продолжала дама. — Я хорошенько обдумала твое положение. И поняла, что твое место среди твоих друзей и что я не имею права насильно удерживать тебя. Тогда я положила тебя в хозяйственную сумку, чтобы друзья могли тебя спасти.

Воцарилось молчание.

— Сначала я хотела лишь издали тайком посмотреть, как ты уйдешь, — сказала дама. — Но не выдержала — так хотелось еще разок приласкать тебя!

И тут она подхватила Моховую Бороду на руки и крепко обняла его. В глазах у нее были слезы.

— До свидания, мой маленький! — сказала она. — Желаю тебе только добра.

Опять молчание. Каждый думал о своем.

Когда дама наконец поставила Моховую Бороду на землю и выпустила из рук, она вдруг уставилась на слона.

— Какой великолепный зверь! — одобрительно сказала она. — Он действительно чистой породы?

Этот вопрос, несомненно, предназначался Вольдемару.

— Это африканский слон, — сказал Вольдемар.

— О-о, — протянула дама. — Если бы вы только знали, как я люблю животных!

Вольдемар кашлянул. Он был вынужден втайне признать, что дама была вовсе не так ужасна, как он считал до сих пор.

— В зоопарке есть и другие замечательные звери, — сказал Вольдемар. — Я мог бы как-нибудь рассказать вам о них...

Дама улыбнулась и осушила слезы.

— Благодарю вас, — сказала она. — Я очень тронута и, безусловно, принимаю ваше великодушное предложение. Очень рада с вами познакомиться. Вы необыкновенно добрый человек, как, впрочем, о вас и говорят.

Вольдемар густо покраснел, но в темноте это было незаметно.

— Я тоже очень рад этому неожиданному знакомству, — тихо пробормотал он.

Итак, настала минута расставания. Дама еще раз приласкала Моховую Бороду.

— Счастливого пути, — сказала она и погладила по головке всех накситральчиков по очереди.

— Счастливого пути, — сказал Вольдемар, сидя верхом на слоне. — Напишите, когда будет время.

— Непременно, — сказал Муфта. — Я уже давно никому не писал писем, даже самому себе.

Накситральчики уселись в машину.

Муфта завел мотор и продекламировал с чувством:

— Радостно сердце трепещет в груди,
Теплое море нас ждет впереди.

Впервые после многих трудных дней Муфта снова сочинил стихи, и, как отметил Полботинка, это был очень хороший признак.

Сквозь ночную мглу фургон накситраллей быстро покатил из города.

Перевел с эстонского Л. ВАЙНО.

КОНЕЦ.

«Переменка» получила много, даже очень много писем с вопросами к авторам и исполнителям фильма «Приключения Электроника».

Сегодня в гостях у «Переменки» режиссер-постановщик фильма Константин БРОМБЕРГ.

Корреспондент. Константин Леонидович, судя по многочисленным откликам, ребятам ваш фильм очень нравится. Как по-вашему, почему «Электроник» так приглянулся зрителям?

Режиссер. Прежде всего в этом «виноват» автор сценария, писатель Евгений Велтистов. Это он придумал историю про Электроника и Сыроежкина. Три его книги — «Электроник — мальчик из чемодана», «Рэсси — неуловимый друг» и «Победитель невозможного» — стали основой сценария. В книгах Велтистова обычная жизнь очень интересно сочетается с фантастикой. Мы старались, чтобы и в фильме так было.

Корреспондент. Главные роли в «Приключениях Электроника» сыграли братья Юра и Володя Торсуевы. Как вы их нашли?

Режиссер. Найти ребят было нелегко. Мы ведь искали близнецов, потому что Электроник и Сыроежкин похожи друг на друга, как две капли воды! 82 пары мальчиков из Москвы, Ленинграда и других городов пробовались на главные роли. И вот наконец нашли Юру и Володю. Юра стал Сыроежкиным, Володя — Электроником.

Корреспондент. Вот еще вопросы из писем: «Где живут братья Торсуевы?», «В каком классе, по правде, учится Сыроежкин?», «Электроник в фильме умеет все на свете. А в жизни?»

Режиссер. Братья живут в Москве. Учатся, по правде, сейчас уже в восьмом классе. Умеют играть на фортепиано, петь веселые песни. Умеют ремонтировать мопед — сам видел! Во время съемок фильма научились ездить на мотоцикле, одолевать отвесную стену, чтобы трудные сцены играть самим.

Корреспондент. А как вы различали Сыроежкина и Электроника? Ведь они так похожи!

Режиссер. Очень похожи и даже выросли за время съемок одинаково — оба на 15 сантиметров. Половина нашей съемочной группы до сих пор их путает. Вот когда народный артист РСФСР Евгений Яковлевич Весник, который в нашем фильме играл учителя математики, в первый раз пришел на съемку, он не знал, что в фильме участвуют близнецы. Он вышел на съемочную площадку и сначала увидел Володю. Потом обернулся — сзади стоит Юра! Весник зажмурился, головой покрутил и строго сказал мне:

— Вы меня в следующий раз предупреждайте! Может, у вас тут еще десяток таких мальчиков!..

Но не такие уж братья одинаковые. Улыбаются они, например, по-разному. У Володи — Электроника улыбка задумчивая, а у Юры — Сыроежкина — озорная. Я их по улыбке и различал.

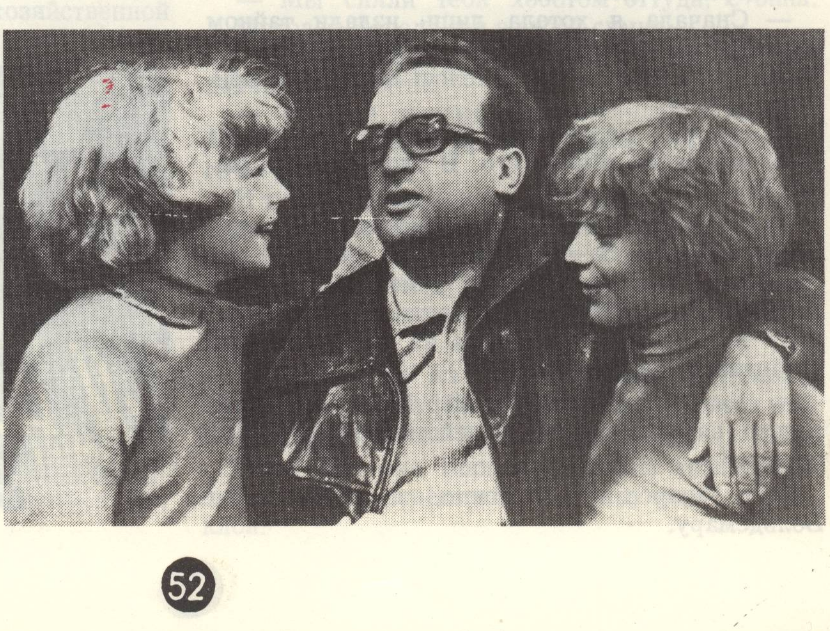
Корреспондент. Расскажите еще об исполнительнице роли «Редчайшей Электронной Современной Собаки и т. д.» Рэсси...

Режиссер. А это не исполнительница, а исполнитель! Рэсси сыграл эрдельтерьер Чингиз. Чингиз — умница! Однажды мы с оператором решали, какой объектив к кинокамере взять для съемок. Думали, думали, и вдруг Чингиз приносит нам двадцать восьмой объектив — тот самый, который и был нужен! А ведь собаки в операторском деле не очень разбираются...

Корреспондент. В новогоднюю ночь сбываются все желания. Если не секрет, что вы загадаете?

Режиссер. Я бы загадал, конечно, про кино: снять фильм «Принц и нищий», и чтобы главные роли играли братья Торсуевы. Но фильм «Принц и нищий» уже есть. Так что, разрешите, я подумаю: до Нового года еще есть время...

Беседу вела Марина ПОТОЦКАЯ.

Новогодняя встреча

Происшествие в кинотеатре

«Я очень люблю смотреть мультфильмы. Особенно «Каникулы Бонифация», «Винни-Пуха»... Мне даже кажется, что их делает волшебник, такой же добрый, как лев Бонифаций. Но ведь никаких волшебников нет?»

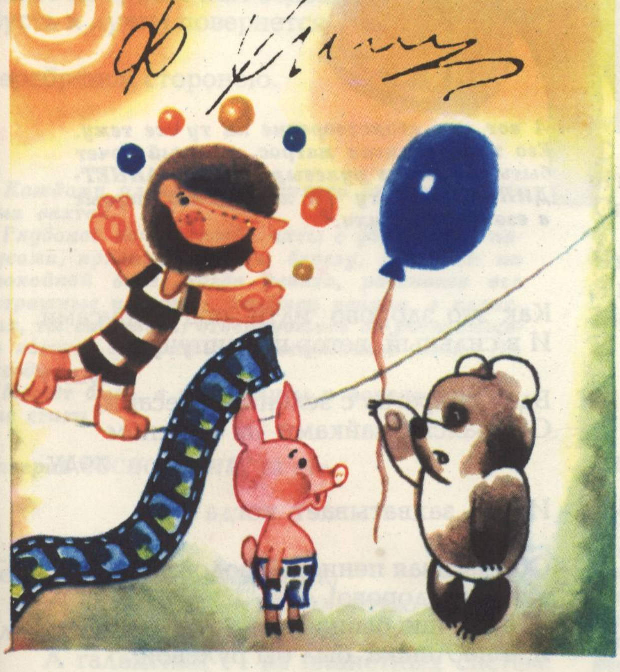
Сережа Ильин, г. Днепропетровск.

ФЕДОР САВЕЛЬЕВИЧ ХИТРУК режиссер-мультипликатор, народный артист РСФСР лауреат Государственной премии:

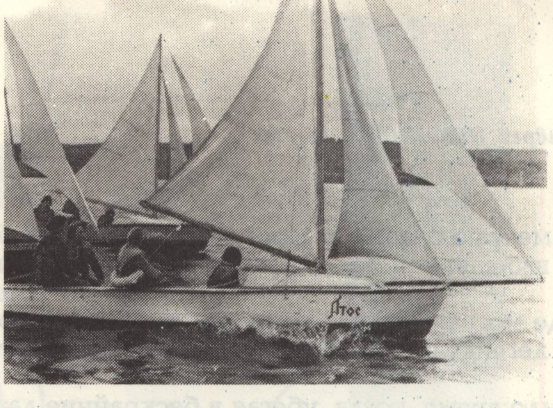
Давным-давно, много лет назад я, надо сказать, тоже верил в волшебников. Когда бабушка в первый раз повела меня в кинотеатр «Иллюзион» на мультфильмы Уолта Диснея, я решил, что передо мной чудо, совершил которое волшебник. Став взрослым, я пришел в студию «Союзмультфильм», и... меня ожидало разочарование. Я увидел обыкновенных людей, которые разговаривали о самых обыкновенных житейских вещах.

Первая самостоятельная работа, за которую я взялся, небольшая сценка — утенок делает фокусы,— показалась мне поначалу очень легкой. Я был уверен, что быстро справлюсь. Но не тут-то было. Долгое время я не мог «развести» утенку руки, не мог заставить зрителей шевелиться, все получалось несвязно, рывками. И мне показалось, что я не гожусь для такой работы, что надо найти себе другую профессию... Какое уж тут волшебство! Но на «Союзмультфильме» существовало замечательное правило: надо было обязательно закончить начатую работу, даже самую маленькую. И я закончил. Теперь, когда несколько десятков лет связывают меня с мультипликацией, я знаю точно: это дело для меня самое лучшее... И уже не в диковинку, что фильм, который для зрителя длится десять минут, для мультипликаторов — год работы, сорок тысяч рисунков...

И еще: мультипликатором я решил стать именно тогда, в кинотеатре «Иллюзион», когда первый раз увидел мультфильмы и решил, что делают их волшебники...

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Публикуя сегодня «Кораблик», подготовленный нашим отрядом «Каравелла», мы поздравляем его юнкоров и юных моряков с присвоением отряду имени А. П. Гайдара.

«Каравелле» — 15 лет

Пятнадцать лет прошло с того дня, когда ребята из пионерского пресс-центра и флотилии «Каравелла» построились на свою самую первую линейку. Полтора десятка лет для пионерского отряда — срок немалый. Сейчас, когда барабанщики играют сигнал построения, в шеренгах уже не увидишь тех, кто стоял на первой линейке. Шестьдесят пятый год — для нас уже история. Многих из нынешних членов флотилии тогда еще не было на свете, а мне, хоть я считаюсь ветераном, стукнуло тогда всего... три месяца.

Но все наши ребята сейчас знают, как начиналась флотилия, как появились у нас первые парусники.

Мы не сразу стали морским отрядом. Когда мне было три года, ребята нашли на берегу Исети ржавую моторную лодку без двигателя, поставили сосновую мачту и парус из простыни и попытали счастья в кораблевождении. Наш первый парусник назывался «Билли Бонс». Хотя по скорости он едва ли соперничал даже с пешеходами и своим внешним видом тоже не блистал, но это был первый большой парусник отряда.

А еще я помню, как вскоре после испытаний «Билли Бонса» мальчишки везли по дороге на тачке из железных труб ободранный корпус самодельной яхты — на ремонт и перестройку. Меня, как самого маленького, посадили внутрь, и я был счастлив. Никто из нас тогда не знал, что мы везем будущую гордость флотилии — бермудский кеч «Пионер» (мы назвали его так в честь нашего журнала). Полностью перестроенный нами, быстроходный и легкий, он стал флагманом флотилии, честно прослужил нам семь лет, а когда состарился, мы по его образцу построили целую «семью» яхт типа «мушкетер»... А в те минуты он вместе со мной тряссв по пыльной дороге и не подозревал, что впереди — штормовые плавания.

Меняются наши «корабли», меняется состав «Каравеллы». Ветераны становятся взрослыми, но среди нынешних мальчишек все так же живет мечта о парусах. Поэтому, как и раньше, ребята из «Каравеллы» любят хороший ветер и высокую волну. Как и прежде, форштевни нашей флотилии рассекают уральские озера. Как и в прошлые годы, наши ребята снимают фильмы о парусах, мушкетерах и барабанщиках. А юнкоры пресс-центра всегда держат наготове отточенные карандаши. И обо всех наших делах рассказывает еженедельная отрядная стенгазета — «Бейдевинд».

В этой газете не только заметки и репортажи. В ней ребята печатают свои рассказы и стихи. В праздничные дни пятнадцатилетия нашей первой линейки некоторые из этих стихов мы предлагаем «Кораблику».

Павел КРАПИВИН,
капитан пресс-центра и флотилии «Каравелла».

Андрей НЕМЧИНОВ, 14 лет.

* * *

Я мечтаю о море, о лазоревых волнах прибоя,
О взбешенной стихии, не нашедшей в просторах
покоя,

Где могучие ветры летят над водой океанов
И легенды поют про любимых своих капитанов.

Было время, когда, убегая в бескрайние дали,
Клипера и корветы берега навсегда оставляли.
Там корсары и бури по волнам погуляли немало,
И фрегаты тонули, когда их волна накрывала.

В море чайки кричат, провожая вельботы
и барки.
В море рифы торчат, кораблям приготовив
«подарки».
Там бутылки с записками волны на берег
выносят
И дельфины на спинах человека-амфибию
носят...

...Я мечтаю о море, о лазоревых волнах прибоя,
И пока с ним не встречусь, не найти мне на
суше покоя.

*

Инна ДЕПУТАТОВА, 15 лет.

Как мы сочиняли стихи

Посвящается Андрею Зайцеву, командиру первого экипажа нашей флотилии.

Живет на свете Андрюшка. Этим летом он проходил парусную практику на яхте, именуемой «Портос». Ловко управлялся со шкотами, легко откренивал яхту при сильном ветре. В общем, был прекрасным матросом. Но вот пришла Андрюшке мысль, что пора ему становиться рулевым. И командир яхты доверил ему руль.

Здорово, когда ты сам управляешь парусником! Так это Андрюшке пришлось по душе, так ему хорошо стало, что начали у него сочиняться стихи. А чтобы они не забылись, Андрюшка хотел их на листочек записать. Но ветер решил пошутить: вырвал и унес из рук бумажку.

Решил тогда Андрюшка на борту яхты записать стихотворение, но шипучие волны смыли мел и унесли в глубину строчки о ветре и парусах.

И решил тогда Андрюшка написать стихи дома.

Вот пришел он с берега домой, снял промокшие кеды и рубашку, забрался в удобное кресло и стал сочинять стихотворение снова. Но... странно! Не получались стихи! И показалось Андрюшке, что издалека прошептали ему пенные волны:

— Вольные стихи любят вольный ветер-р-р...

— Я это и сам понимаю,— вздохнул Андрюшка. — Но как же быть? Ведь я уже обещал стихотворение нашей стенгазете...

Тогда я решила ему помочь, и мы стали сочинять вместе.

И вот что получилось.

Гонки

По воде гуляли волны,
По волнам мотало яхты,
И холодная вода
Заливалась за борта.

Из-за дальних берегов,
Из-за складок облаков
Ветер голову свою
Высунул лохматую.
Ветер плюнул, ветер
дунул —
Поздно на попятную.

Крен направо, крен
налево...
«Приготовься! Шквал!» —
Рулевой, немножко
бледный,
Новичкам орал.

Вот и финиша черта!
Ветер свищет песенку.
Стало даже ничего,
Стало даже хорошо,
Стало очень весело!

Мы ликуем (после гонок
Все немножко нервные).
Правда, мачту ветром
сбило,
Руль в куски расколотило,
Но зато мы первые!!!

*

А вот еще стихотворение на ту же тему. Его тоже написал матрос, который хочет быть яхтенным рулевым, Марат АЙНЕТДИНОВ. Марату 13 лет, и это первые в его жизни стихи.

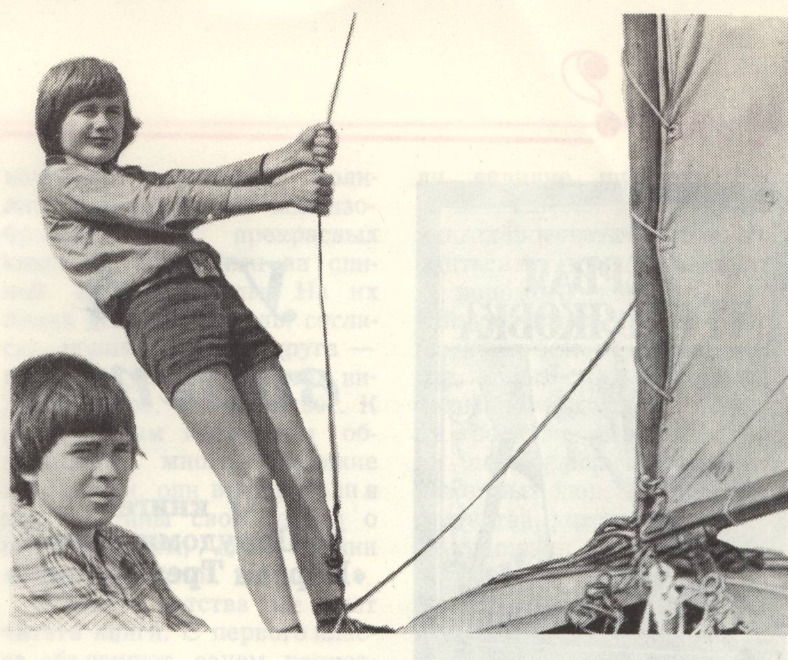
* * *

Как это здорово идти под парусами
И в сильный ветер и в кипучую
волну,
Вдоль берегов с зелеными лесами,
Сшибаясь с чайками на бешеном
ходу.

И дух захватывает, когда яхту
кренит,
Обрызгивая пенистой водой.
Как это здорово!
...Но лучше бы на яхте
Я, а не Лешка был бы рулевой...

Все лето и всю осень мы снимали фильм «Жили-были барабанщики». Это киносказка о смелых мальчишках, которые отстояли от врага свой город. Главный герой фильма—третьеклассник Вовка. Его играл Вова Шардаков. Вот он на снимке. Такой он в фильме, такой он на самом деле — десятилетний барабанщик, яхтенный матрос, подшкипер флотилии «Каравелла». Эту фотографию сделал для нас наш давний друг и помощник — рабкор и яхтсмен Владимир Евгеньевич Депутатов.

А город для сказки мы построили из пенопласта и картона и снимали на берегу озера, по которому ходят наши яхты. На самом деле город маленький, а в кадрах — как настоящий. О Городе Солнечных Петушков и о его маленьких жителях Сережа ГАВРИН (ему 13 лет) написал стихотворение.

* * *

Спит старый город,
Вокруг спят деревни и пашни.
Спят флюгера.
Воробьи притаились на башне.

Спят очень чутким сном
Маленькие барабанщики.
Тихо висят на гвоздях
Их барабаны спящие.

Когда еле свет пробьется
В узенькое оконце,
Они откидывают одеяла
И идут встречать солнце.

Взъерошенные и сонные
Стоят на каменных стенах.
Их марш боевой, рассветный
Город хранит от измены.

Эй, просыпайтесь, люди!
Никто не грозит нам бедою!
Пусть к лучам повернется
флюгер
Серебряной стороною.

*

Каждому из нас приходилось бывать в ночных вахтах.

Глубокой ночью, когда яхты с убранными парусами, приткнувшись к берегу, дремлют на спокойной воде, когда ребята, рассказав все «страшные истории», наконец уснули в палатках, ты сидишь и, отвернувшись от догорающего костра, смотришь в бесконечное небо. На звезды...

Может быть, в эти минуты и появляются такие стихи.

Валерий СОСНОВСКИЙ, 13 лет.

* * *

Человек состоит из клеток,
А Вселенная — из галактик.
Клетки состоят из молекул,
А галактики — из планетных систем.
Молекулы состоят из атомов.
А планетные системы — из отдельных
планет.
Атомы состоят из ядер и электронов,
А планеты — из моря и суши.
Человек — это я.
Может быть, я —
повторение Вселенной?

*

Антон ШИТЛИН, 12 лет.

* * *

И на других планетах
Живут мальчишки тоже —
Далеко за звездами,
За морями тьмы!

Быть может, даже внешне
Они на нас похожи
И любят бой на шпагах
Так же, как и мы.

Мне сразиться хочется
С теми пацанами,
Чтоб в бою почуять
Силу их и честь.

Чтоб, взглянув на небо,
Я мог сказать: «А с нами
Мальчишки всей Вселенной,
И шпаги у них есть!»

*

ОТ РЕДАКЦИИ:

Дорогие каравелловцы, наши верные и надежные друзья!

«Пионер» и все его читатели поздравляют вас с замечательным юбилеем — 15-летием пионерского пресс-центра и флотилии «Каравелла». Мы гордимся вами и твердо верим, что вы всегда и везде будете стойко защищать честь красного пионерского галстука, высоко нести флаг отряда, врученный вам журналом «Пионер».

*«Кораблик» *Журнал в журнале *Печатает только тебя *

Умей видеть

О книге В. Порудоминского «Первая Третьяковка»

Эта большая, очень нарядная, полная прекрасных цветных иллюстраций книга недаром так названа. В ней рассказывается о картинах, большинство которых находится в самом знаменитом в нашей стране собрании картин — Государственной Третьяковской галерее. Только не подумайте, что это путеводитель по музею. И пусть вас не смутит то, что рассказы в этой книге называются «Залы». «Зал первый», «Зал второй» и так до последнего рассказа — «Зал тридцатый».

Книга В. Порудоминского не о Третьяковской галерее — в ней не тридцать, а гораздо больше залов. И не о всех художниках, которые в ней выставлены.

Эта книга о другом. О великом смысле работы художника. В ней рассказывается о многих картинах, которые нам не только знакомы, но и успели надоесть. Мы их видим на открытках, почтовых марках, на конфетных коробках, флаконах духов, на фантиках от карамели... До того они примелькались, что некоторым начинает казаться, что художники только для этого и писали свои картины. А в действительности настоящие, великие художники вкладывали в свои картины все то, что они переживали, когда их писали: удивление, гнев, жалость, грусть, радость... Они писали, стремясь передать зрителям своих картин все эти чувства. Картину нельзя отделить от ее создателя, как нельзя отделить писателя от его книги. За каждой картиной, о которой рассказывается в «Первой Третьяковке», судьба художника. Судьба всегда очень сложная, а иногда и трагическая. Потому что искусство требует человека полностью, оно не прощает ему уступок, стремления к богатству, лжи.

В рассказе «Зал седьмой» В. Порудоминский говорит о многих русских художниках, которые были крепостными рабами. Они создавали дивные дворцы, писали картины, которые сейчас находятся в лучших музеях мира, но в письмах к своим хозяевам подписывались — «всенижайший раб». Мать художника Кипренского была крепостной, друзьям великого поэта и художника Шевченко с трудом, за большие деньги удалось выкупить его у владельца. Конечно, эти художники изображали в своих картинах жизнь, которую знали лучше всего. Венецианов рисовал деревню и крестьян; Перов — городскую бедноту; Ярошенко — рабочих и арестантов. В их картинах кричала несправедливость существующей жизни, когда богатые живут за счет бедных. Но людей, которые смотрели на эти картины, поражало еще и то, что, как бы ни был беден и унижен изображаемый человек, он все же всегда оставался ЧЕЛОВЕКОМ, и в его худом, изможденном лице можно было увидеть и чувство собственного достоинства и ум.

Художников всегда интересовало лицо человека. В «Первой Третьяковке» много говорится о портретах, а «Зал третий» посвящен только им. В России жили и работали художники, которые своими портретами часто рассказывали о человеке больше, чем о нем можно было рассказать в книге. Настоящий художник не просто ищет сходства. Портрет нисколько не утратил своего значения и сейчас, когда фотография может с полной точностью изобразить лицо человека. Портретист-художник видит и старается передать характер человека, сложные, изменчивые чувства.

Бывало так, что художнику какой-нибудь вельможа заказывал свой портрет для прославления себя, своих подвигов, а на портрете был изображен неумный, самодовольный, недобрый человек. Ибо настоящий художник пишет правду, и только правду.

Очень интересно В. Порудоминский рассказал о гениальном художнике Андрее

Рублеве, жившем шестьсот лет назад. Его немногие сохранившиеся картины сейчас украшают самые лучшие музеи, а написаны они были для церквей, изображали героев религиозных легенд. Андрей Рублев жил в стране, истерзанной набегами татаро-монгольских орд, распрями князей. Он мечтал о времени, когда не будет разрушительных войн, когда на земле воцарится мир и покой. Это была не только мечта художника, но и мечта всех русских людей. И Андрей Рублев эту мечту выразил в иконе «Троица» — картине, на которую молились в церквях. На ней изображены трое прекрасных юношей с крыльями за спиной. Это — ангелы. На их лицах доброта, печаль, согласие, понимание друг друга — все, что художник мечтал видеть в мире, где он живет. К религиозным преданиям обращались многие великие художники, они вкладывали в эти картины свои мысли о происходящем, свои оценки людей и событий.

С самого детства нас учат читать книги. С первого класса объясняют, зачем написали великие писатели свои книги, что они хотели в этих книгах поведать людям. Научиться не только читать, но и понимать книги — величайшее благо. Но не менее важно и, может быть, труднее научиться понимать живопись. Увидеть на полотне не красивые виды, картинки об исторических событиях, известных людей, а те мысли и чувства, которые вкладывает художник в свою картину.

Об этом и написал в «Первой Третьяковке» В. Порудоминский.

Лев РАЗГОН

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА

Мечтаю стать отважным

Моя самая любимая книга — это «Книга будущих командиров» А. Митяева. Я не просто люблю ее, а учусь по ней у великих полководцев прошлого, у героев гражданской и Великой Отечественной войн. Чему учусь? Стойкости, мужеству, выносливости, смекалке. Эта книга поможет многим ребятам преодолеть в себе трусость, стеснительность, изнеженность, научит их, как выработать в себе силу воли, решительность и укрепить свое здоровье.

Один из моих любимых полководцев — Александр Суворов. В детстве он каждый день занимался гимнастикой, обливался холодной водой, в проливной дождь скакал на лошади, в стужу ходил в легкой одежде... Я тоже стараюсь укрепить свое здоровье, чтобы вырасти сильным и смелым, не бояться никаких трудностей. Я мечтаю стать таким же отважным, как те командиры, о которых рассказывается в этой книге.

Владислав САВКИН, г. Казань.

Ау, Суок!

Мы с подругой часто обмениваемся книгами. Недавно она дала мне почитать сказку Юрия Олеши «Три толстяка». Много вечеров я читала эту чудесную сказку, и, когда кончилась последняя страница, мне было очень жалко, что я никогда больше не встречусь с героями книги. Потом я долго представляла, как пляшет на жестком канате бесстрашная Суок, и наследник Тутти, самый обыкновенный мальчишка, а не злодей, хочет с кем-нибудь по-настоящему дружить, а старенький доктор Гаспар, замотав горло длинным шарфом, спешит в дождь и холод к больным. Как бы я хотела встретиться с этими добрыми людьми!

Сказка Юрия Олеши научила меня понимать людей.

Света ГУДКОВА, г. Свердловск.

УМА ПАЛАТА

Поздравляем

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

УЛОВ ЕНОТА

Капитан Перо ищет помощника

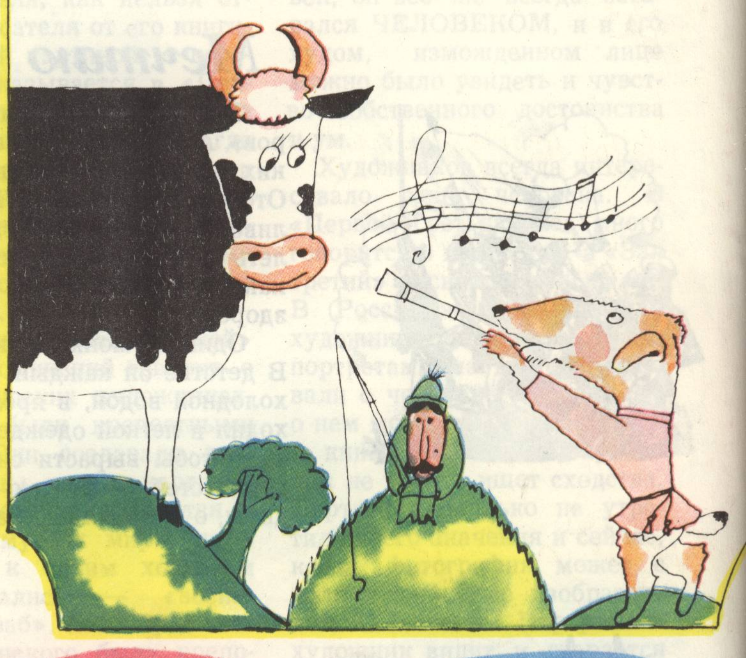
Капитан Перо

ЕРАЛАШ

Игры деда Буквоеда

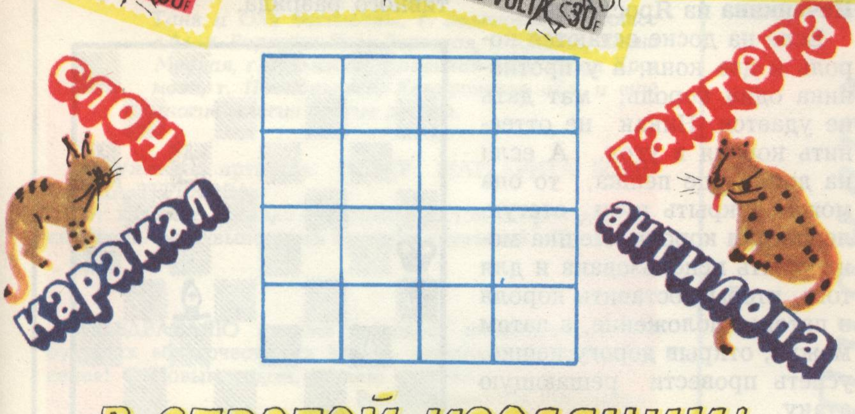
Самосвал уроки учит,
Снеговик в углу мяучит,
Светофор на солнце тает,
Пастушок на кошку лает,
Шахматист горит без дыма,
Паучок поймал налима,
Рыболов залез на сноп,
Рыжий кот наморщил лоб,
Ученик привез песок,
Фокстерьер дудит в рожок.
Это что за ералаш!
Заточите карандаш!
Я приказываю вам
Все расставить по местам!

Дед Буквоед.

Игры Лупы и Пинцета

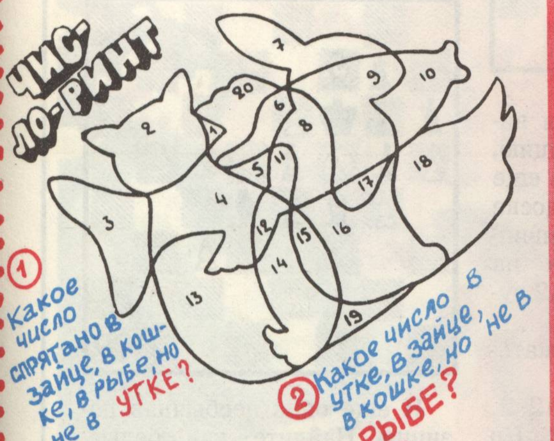

В строгой изоляции!

На марках Республики Верхней Вольты слон, пантера, антилопа и каракал. Мы решили, что на кляссерном листе этих животных следует разместить так, чтобы они находились в строгой изоляции друг от друга. Помогите нам и расположите марки, а даже лучше просто названия животных так, чтобы все они находились в разных горизонтальных и вертикальных рядах, а также не могли быть соединены диагональными линиями.

Чис-ло-ринт

В кошке, в зайце,
В утке, в рыбе
Числа разные стоят.
Для того, чтоб вы могли бы
Отточить свой ум и взгляд.
Здесь не надо торопиться,
А спокойно в тишине
Поразмысли и таблицу,
Дав ответы, вышли мне.

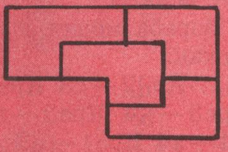
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 11

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Кроссворд совы. Вот какие слова должны быть в кроссворде совы: судно, макулатура, клюква, редиска, поселок.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Гориллы в награду. Блок делится так: (рисунок)

Общий признак. Марки должны быть расположены по возрастающему количеству ног.

Дед Буквоед благодарит всех ребят, приславших ответы на задачи.

Никита Владимирович Разговоров.

Поздравляем!

Очень часто ребята задают вопрос: «Кто такой Никита Разговоров, который ведет «Ума палату» — человек реальный или выдуманный?» Всем очень нравятся головоломки, маркобусы, загадки и задачи этого веселого раздела. И все это придумывает Никита Владимирович Разговоров, который дружит с «Пионером» уже 12 лет. И сегодня мы от души поздравляем Никиту Владимировича с шестидесятилетием и желаем новых творческих успехов. Будьте всегда веселым, мудрым и остроумным, как «Ума палата».

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

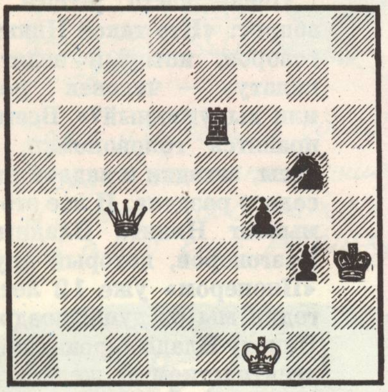

Азбука Пешкина

«Расскажите, пожалуйста, Пешкин, что такое пат?» Такой вопрос задает **Сережа Терехов** из Астрахани. Пешкин отвечает своему юному другу.

Слово «пат» итальянское. В переводе значит «условие», «договоренность».

Патом называется положение, в котором король стороны, имеющей очередь хода, не находится под шахом, но не имеет ни одного хода. Причем остальные фигуры и пешки этой стороны тоже не имеют ходов. Чаще всего такие позиции возникают в конце игры, но с возможностью пата надо считаться и в середине партии.

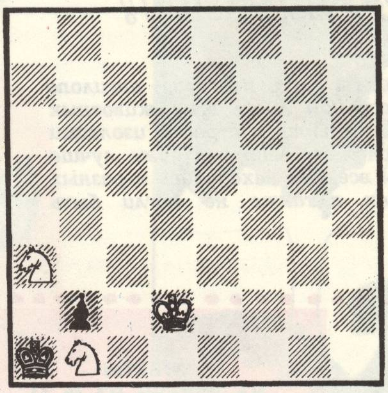

К этому положению пришла партия между мастером Е. Загорянским и гроссмейстером А. Толушем. Позиция белых очень трудная, грозит продвижение f4—f3, и пешки черных станут неудержимыми. Неожиданно белые сыграли 1. Фc4 : f4! и после 1... g3 — g2+ 2. Крf1—f2 Лe6—f6 выяснилось, что белых спасает пат, они сыграли 3. Крf2—g1, и, если 3... Лf6 : f4, или 3... Кg5—f3+ 4. Фf4 : f3, возникает характерная позиция пата.

«В учебниках говорится: два коня дать мат одинокому королю не могут. А вот если, кроме короля, есть еще пешка, мат становится возможным. Почему это происходит?»

Об этом спрашивает **Лена Печенкина** из Ярославля.

Если на доске остаются король и два коня, а у противника один король, мат дать не удается. Никак не оттеснить короля в угол. А если на доске еще пешка, то она может закрыть пути отступления для короля. Пешка может быть использована и для того, чтобы поставить короля в патовое положение, а затем можно, открыв дорогу пешке, успеть провести решающую атаку.

На этой диаграмме вы видите старинную позицию, впервые опубликованную еще в 1832 году. Если бы на доске не было пешки b2, противники могли бы согласиться на ничью, но здесь пешка b2 губит черных.

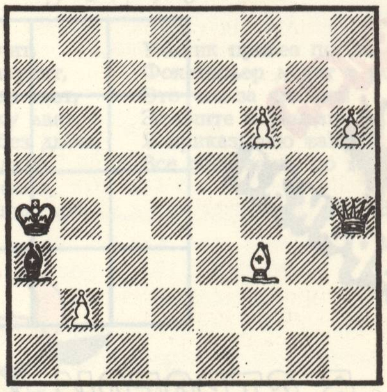
Борьба может продолжаться так:

1. Крd2—c3 Крa1—a2 2. Крc3—b4 Крa2—a1 3. Крb4—a4 Крa1—a2 4. Кb1—c3+ Крa2—a1 5. Кa3—c2X.

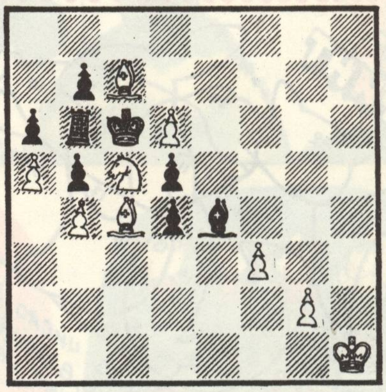
А что, если в позиции диаграммы ход черных? Изменится ли в этом случае результат сражения? Как вы считаете?

Конкурс Пешкина

И снова Пешкин проводит конкурс на короткой дистанции. Вам предстоит справиться с двумя коварными загадками. Победителей спринтерского конкурса Пешкин наградит грамотами, а результаты соревнования судейская коллегия учтет в соревновании на получение спортивного разряда.

На диаграмме нет опечатки. Просто черный король почуял неладное и «сбежал» с доски. Вы должны возвратить беглеца. Поставьте черного короля на такое поле, где он неизбежно получает мат в два хода. После того как король появится на доске, игру начинают белые.

И еще одна необычная позиция. Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в пять ходов. Выбор продолжений здесь невелик, и Пешкин уверен, что это задание не будет для вас очень трудным.

Ждем ваших решений, ребята.

Новогодняя встреча

Пожалуйста, автограф!

«Уважаемая Маргарита Терехова! Вы наша самая любимая артистка. Мы смотрели все фильмы с вашим участием, и даже не один раз. Скажите, пожалуйста, как достать ваш автограф?»

Таня и Оля Васильевы, г. Зеленоград; 5 класс «А», г. Воркута; Рита Раевская, г. Брянск; Елена Медная, г. Иловайск, Донецкая обл.; Люда Хромова, г. Прокопьевск, Кемеровская обл. и еще многие-многие другие ребята.

Заслуженная артистка РСФСР МАРГАРИТА БОРИСОВНА ТЕРЕХОВА:

Вот как мне повезло — самый простой вопрос достался. Очень рада выполнить просьбу читателей «Пионера».

«ПОЗДРАВЛЯЮ «племя молодое, незнакомое...» — будущих «благочестивых Март», «миледи» и «собак на сене»! С Новым годом, желаю счастья.

Ваша Маргарита Терехова».

Ваша Маргарита Терехова

Содержание журнала «Пионер» за 1980 год

ПОВЕСТИ

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

СТИХИ

В оформлении журнала принимали участие художники:

А. Александров, А. Борисов, Д. Барабаш, А. Васильев, А. Новикова, А. Григорьева, А. Гришин, Н. Доброхотова, В. Донсков, В. Дудкин, Н. Ермолаев, И. Ильинский, В. Костицын, М. Лисогорский, Е. Медведев, Л. Насыров, Ю. Родин, С. Трофимов, Л. Хачатрян, Е. Шабельник

и фотокорреспонденты:

П. Асаульченко, А. Бочинин, В. Гусев, В. Гутерман, В. Задвиль, А. Козин, В. Крупский, В. Кулагин, А. Лехмус, А. Мартиросян, В. Опавлин, В. Постников.

Анкета «Пионер»-80

Канун Нового года — самый подходящий день для того, чтобы оглянуться назад, посмотреть: что ты успел сделать в прошлом году, подумать, хорошо ли у тебя получилось?

Размышляет об этом и редакция журнала «Пионер». Мы вновь пролистали все 12 номеров, которые — общими нашими силами — сделали в прошлом году. Но чтобы решить, хорошо ли у нас получилось, нам нужна твоя помощь, дорогой читатель. Пожалуйста, подумай и напиши нам:

1. Что понравилось тебе в «Пионере»-80, а что нет?

2. Какие повести и рассказы показались самыми интересными?

3. Какие статьи или очерки помогли тебе, твоему звену, отряду в учебе и ваших пионерских делах?

4. Какие стихи пришлись по душе?

5. Нравится ли журнал твоим родителям, бабушке и дедушке, младшим братьям и сестрам? Что они читают в журнале?

6. Как тебя зовут, в каком классе ты учишься, давно ли читаешь наш журнал?

ЧТО БЫ ТЫ ХОТЕЛ ПРОЧИТАТЬ В «ПИОНЕРЕ»-81?

ВНИМАНИЕ! Объявляем конкурс на лучшее предложение «Пионеру»-81.

Приз: хорошая книга с автографом писателя.

Ждем твоего письма до 15 февраля 1981 года.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
С Новым годом! — Рисунок А. Борисова.

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25.09.80.
Подписано к печати 03.11.80. А 06693. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 630 000 экз. Изд. № 2766. Заказ № 3095.

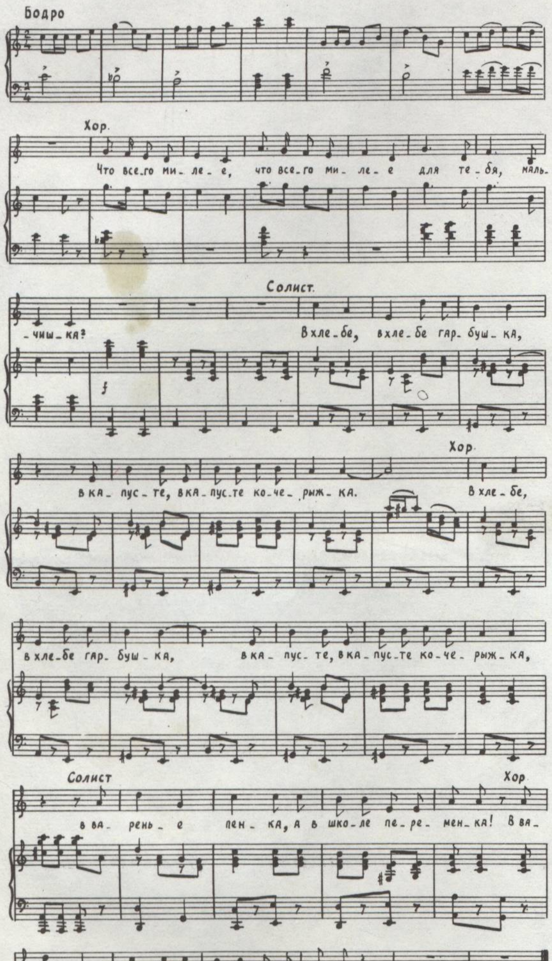
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Что всего милее?..

Музыка М. ПРОТАСОВА.

Стихи В. БЕРЕСТОВА.

Что всего милее для тебя, мальчишка?
В хлебе — горбушка,
В капусте — кочерыжка,
В варенье — пенка,
А в школе — переменка!
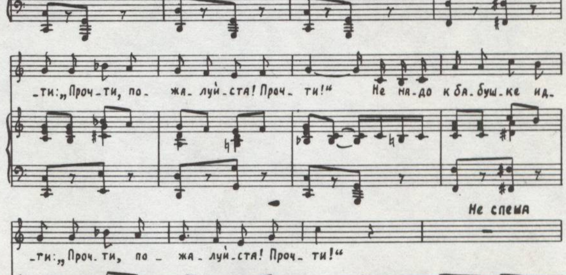

Читалочка
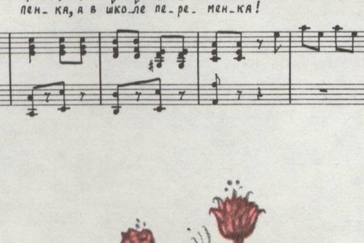
Музыка М. ПРОТАСОВА.

Стихи В. БЕРЕСТОВА.

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать.
Не надо к бабушке идти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»

Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай еще страницу!»
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять и почитать!

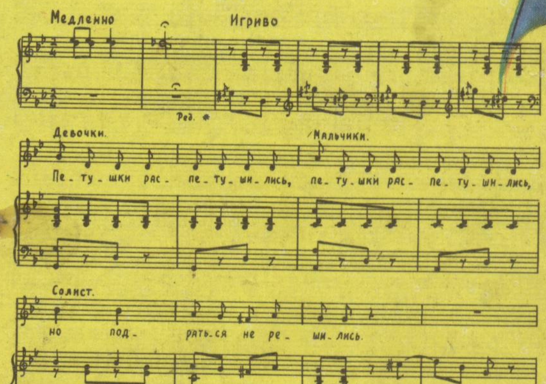

Петушки

Музыка М. ПРОТАСОВА.

Стихи В. БЕРЕСТОВА.

Петушки распетушились,
Но подраться не решились.
Если очень петушиться,
Можно перышек лишиться.
Если перышек лишиться,
Нечем будет петушиться.

Цена 25 коп. Индекс 70694.

ISSN 0130-8009